

Б. ДЖОНС
Н. БЛЭНДФОРД

ВЕЛИЧАЙШИЕ

В МИРЕ

ЗЛОДЕИ

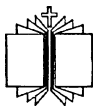
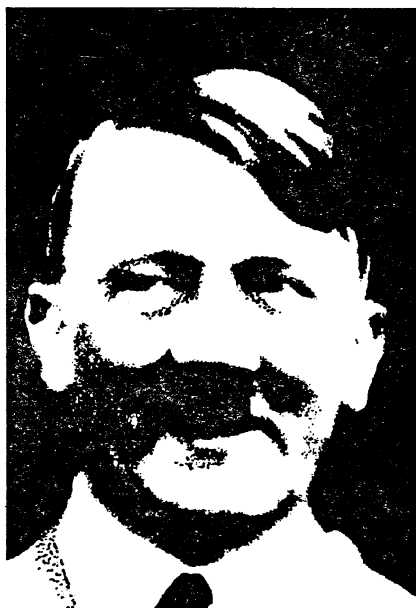
**NEIL BLANDFORD
BRUCE JONES**

**THE
WORLD'S MOST
EVIL MEN**

**НИЛ БЛЭНДФОРД
БРЮС ДЖОНС**

**ВЕЛИЧАЙШИЕ
В МИРЕ
ЗЛОДЕИ**

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1997

Перевод с английского

А. ТИХОМИРОВОЙ

Блэндфорд Н., Джонс Б.
Б70 Величайшие в мире злодеи / Пер. с англ.
А. В. Тихомировой. — М.: КРОН-ПРЕСС,
1997. — 256 с.

ISBN 5-232-00532-4

Книга Н. Блэндфорда и Б. Джонса «Величайшие в мире злодеи» содержит истории жизни тиранов всех времен — таких, как А. Гитлер, И. Сталин, Пол Пот, Иди Амин.

Авторы пытаются объяснить мотивы ужасных преступлений, которые когда-либо совершались в мире, а также известную теорию жестокости маркиза де Сада, лежащую в основе преступлений современных вампиров и каннибалов.

Глава первая

ТИРАНЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Режимы, существующие по правилам террора... устанавливаются людьми, для которых власть означает лицензию подкупать, калечить и убивать.

«Некоторые люди находят удовольствие в преступлении только из-за того, что они безобразны и не знамениты».

Самюэль Батлер (1680)

Иди Амин

Потускневший свет фонарей на улицах Кампалы теплыми тропическими ночами всегда служил точным барометром морального состояния жителей Уганды.

Привилегированные гости столицы, торговцы оружием и зарубежные дипломаты, населявшие два образцово-показательных отеля, громко выражали свое недовольство, когда фешенебельные бары неожиданно погружались во тьму и лифты замирали между этажами.

Однако в то же самое время безропотные жители Кампалы покидали темные кинотеатры и дешевые маленькие кафе в тревожном молчании и расходились по домам, чтобы провести очередную бессонную ночь под сомнительной защитой забаррикадированных дверей.

Судорожные перепады напряжения свидетельствовали о том, что для президента Уганды Иди Амина завершился еще один день массовой резни. Перебои в электроснабжении обычно случались только по одной причине.

Гидроэнергетический генератор дамбы водопада Оуэна снова засорен гниющими трупами.

Несмотря на постоянное патрулирование озера Виктория, истока Нила, инженеры по техническому обслуживанию электростанции не в состоянии были вылавливать все тела, сносимые течением к водным фильтрам. У них имелись верные помощники, вносившие немалый вклад в дело очищения озёрных вод: обширные колонии крокодилов. Но крокодавы рептилии сделались ленивы от обжорства. Добычи кругом было слишком много.

Время от времени генератор приходилось отключать и очищать стоки от набившихся за день трупов. В среднем за сутки скапливалось от сорока до пятидесяти мертвых тел.

За восемь лет правления Иди Амин безжалостно уничтожил пятьсот тысяч своих соотечественников. Он приказал зверски изуродовать одну из собственных жен, убивал протестующих священников, докучливых журналистов, своих же дипломатов. Он распорядился убить престарелую, беспомощную заложницу воздушных пиратов. Ему доводилось даже пробовать несчастные жертвы на вкус во время каннибальских ритуалов.

Для того чтобы оставаться у власти, он убивал политических оппонентов, реальных и вымышленных, и, конечно же, помимо всех выше перечисленных, он истреблял бесчисленное множество людей — чаще всего ради наживы, иногда из-за нескольких сот фунтов.

Он лично руководил работой Государственного Сыскального Бюро Уганды, организации сродни принопамятному гестапо, занимавшейся санкционированными государством пытками, заказными убийствами, торговлей наркотиками и валютной контрабандой.

Без малого пятьсот лет плодородные земли Уганды были частью Британской империи. Колонизаторы называли страну «Африканской жемчужиной». Раскинувшись на холмах и равнинах высокого плато, Уганда, благодаря своему мягкому климату, напоминала сад, расцветший у самого экватора. Она

также имела огромное стратегическое значение, но пронесшийся над Африкой «ветер перемен» привел к тому, что бывшая колония сделалась независимым государством.

Ловкий адвокат и профессиональный политик, Мильтон Оботе стал первым премьер-министром, одержав триумфальную победу на спешно организованных выборах в 1962 году. Его главной задачей было объединение страны в некое подобие целостной державы, ведь до сих пор 14 миллионов угандийцев с неизмеримо большим почтением относились к вождям своих племен, нежели к какому-то далекому правительству в Кампале. Именно поэтому Оботе, сам принадлежавший к малочисленному племени Ланги, президентом страны сделал могущественного вождя племени Буганда короля Фредди. В Уганде насчитывалось сорок различных племен. Подданные короля Фредди представляли собой самое большое племя, в значительной мере англоязычное колонизаторами и миссионерами. Бугандийцы считали себя элитой.

Возвысив их еще больше, Мильтон Оботе вызвал тем самым растущее недоверие к себе со стороны других племен. Как бы то ни было, вскоре Оботе принялся постепенно урезать полномочия короля Фредди.

В 1966 году представители племени Буганда повели широкую агитацию за отстранение Оботе от власти. Премьер-министру понадобилось продемонстрировать силу своим избирателям. Его выбор пал на заместителя командующего армией Иди Амина.

Амин обладал всеми необходимыми качествами. Он считался чужаком, поскольку родом был из племени Каква, проживавшего в самой отдаленной провинции Уганды, граничившей с Суданом. К тому же он исповедовал ислам, практически не говорил по-английски и был полуграмотен. Такой человек вряд ли погнушается преподать бугандийцам урок сурового правосудия.

В прошлом Амин был сержантом Королевских Африканских стрелков и чемпионом Уганды среди боксеров-тяжеловесов. Его рост составлял почти два метра, а весил он более ста двадцати пяти килограммов, превосходя габаритами любого другого офицера из штаба угандийской армии.

Офицер-британец, под началом которого Амин служил до провозглашения независимости, с энтузиазмом отзывался о своем бывшем подчиненном, как о «превосходном парне». С виду он был крепок и внушителен, но недалек и, что особенно важно, не выказывал ни малейшего интереса к занятию политикой.

Миссию, возложенную на него премьером, Амин выполнил быстро и энергично. Погрузив 122-миллиметровый пулемет в личный джип, он наделал дырок в резиденции короля Фредди. Бугандийский лидер, предупрежденный об опасности накануне атаки, едва успел покинуть дворец и в конце концов бежал в Англию. Там он вскоре и умер одиноким изгнанником.

За последовавшие четыре года Иди Амин сделался доверенным лицом премьер-министра, его правой, очень сильной рукой. Мильтон Оботе был абсолютно спокоен, отправляясь в Сингапур, чтобы присутствовать на Конференции Содружества в январе 1971 года. Он уже собирался вылететь обратно в Уганду, когда услышал новость, переданную по радио... Иди Амин мобилизовал армию и объявил себя новым правителем страны.

Деревенский бычок-переросток, превратившийся в военачальника, решил, что раз уж ему приходится выполнять всю грязную работу в Уганде, ничего не мешает ему стать заодно и главным авторитетом в стране.

Мильтон Оботе отправился в изгнание вслед за своим президентом, на собственном горьком опыте постигая неприятные политические уроки. Однако народу Уганды, осторожно ликовавшему по поводу переворота, предстояло получить куда бо-

лее горький опыт, чем низложенному премьер-министру.

Первым шагом Амина в новой должности было примирение враждующих племен. Он убедил лидеров Буганды в том, что это именно он предупредил короля Фредди и дал ему время бежать. Затем он освободил политических заключенных, арестованных при Оботе, и вернул на родину тело короля для церемониального погребения.

Ритуальная церемония получилась роскошной. Щедрость бугандийцев произвела неизгладимое впечатление на Иди Амина.

Мир был восстановлен, и узурпатор взялся за устранение главной потенциальной угрозы своей власти — а именно за офицеров угандийской армии.

Он объявил о новой программе реструктурирования армии и для начала приказал тридцати шести старшим офицерам, представителям племен Ланги и Ачоли, прибыть в тюрьму Макиндие на учения по внутренней безопасности. Офицеры были недовольны, но, соблазненные надеждой сформировать хотя бы часть правительства из военных, а не из политиков, все-таки повиновались и прибыли в Макиндие. Там их заперли в камерах и закололи штыками.

Бывший начальник штаба армии, бригадир Сулейман Хуссейн, был арестован и доставлен в другую тюрьму, где его забили ружейными прикладами. Голову бригадиру отсекли и доставили в новый роскошный дворец Амина в Кампале. Президент поместил ее в морозильную камеру своего холодильника для лучшей сохранности.

В казармах городов Мбарара и Джинджа элитные части офицерских корпусов выстроились на парадном плацу, чтобы принять салют вооруженной колонны. Проходившие мимо них танки неожиданно развернулись и задавили большую часть собравшихся офицеров. А те, что уцелели, послужили мишенью для пехотинцев. В других казармах оставшихся штабных офицеров пригласили в акто-

вый зал слушать лекцию самого Амина. Но вместо Амина подъехал черный «мерседес», двери были заперты снаружи, а в окна кто-то бросил несколько гранат.

В течение пяти месяцев Амином было уничтожено подавляющее большинство лучших офицеров армии. Однако от народа Уганды эта новость держалась в секрете. Официально было заявлено, что некоторые неверные офицеры были преданы военному суду и казнены. На освободившиеся армейские должности Амин назначил людей из родного племени Каква. Повара, водители, дворники и телеграфисты превратились в майоров и полковников.

Но слухи о невиданной резне все же просочились наружу, и двое любопытных американцев, один из которых, Николас Стро, сын богатого детройтского пивовара, бывший сотрудник газеты «Филадельфия Баллетэн», работал вольнонаемным журналистом в различных африканских странах, а другой, Роберт Сидл, был социологом при университете Макере в Кампале, объединенными усилиями принялись наводить справки о достоверности страшных рассказов.

В казармах Мбарары им было позволено взять интервью у нового командующего, майора Джумы Айга, бывшего таксиста. Когда расспросы американцев стали слишком настойчивыми, майор Айга позвонил президенту Амину. Ответ был коротким: «Убей их».

После этого обоих мужчин расстреляли на месте, а несколько дней спустя Айга уже открыто разъезжал по Кампале на «фольксвагене» Стро. Американское посольство затеяло расследование по факту исчезновения двух граждан Соединенных Штатов, но выяснить ничего не удалось. Расследование зашло в тупик.

Таким образом, отправляясь в первую зарубежную поездку в качестве главы государства, Амин уже сломил хребет угандийской армии. Вся власть в республике сосредоточилась в его руках, но ни в

Израиле, ни в Британии он не получил запрошенных миллионов фунтов стерлингов наличными. В тесном кругу международной дипломатии распространилось мнение, что новый президент Уганды невежественен, к тому же весьма опасен.

В течение года Уганда сделалась банкротом. Не трудно предугадать ответные действия Амина. Национальный банк получил распоряжение печатать миллионы не имеющих ценности банкнот. Ими глава государства затыкал бреши в экономике, а оставшиеся долларовые и стерлинговые ресурсы стали доступны исключительно для его личных нужд.

Цена куска мыла в Кампале подскочила до шести фунтов, составлявших двухнедельный заработок среднестатистического рабочего с кофейных плантаций, остававшихся среди немногочисленных статей дохода Уганды.

Временное спасение предложил другой экстравагантный диктатор, ливийский полковник Муамар Каддафи. Амин с готовностью согласился на сделку. Ливия обязалась снабжать Кампалу денежными средствами, необходимыми для поддержания страны «на плаву», Амин же в свою очередь разразился гневными тирадами и яростными выпадами против Израиля и Штатов, театрально выставив из страны небольшую группу израильских инженеров. Строительные объекты, на которых они работали, представляли собой ту ограниченную помощь, которую Израиль согласился-таки оказать Уганде.

Разгневанные и уязвленные израильтяне забрали с собой все свои бульдозеры и кипу бумаг с детальными разработками и чертежами незаконченных зданий. Среди прочих документов была подшивка, сыгравшая позже свою роль в истории. Она содержала планы последнего дара Израиля Уганде — нового пассажирского терминала, башни радиоконтроля полетов и чертеж взлетно-посадочной полосы аэропорта в Энтеббе.

Амин старался доказать Каддафи, что является стоящим союзником. В этих целях он открыл в Кам-

пале представительство Палестинской Организации Освобождения и присвоил ему полновесный дипломатический статус. Не желая останавливаться на достигнутом, президент пошел дальше — публично заявил о своем восхищении политическим кумиром Каддафи — Адольфом Гитлером. Когда Амин выдвинул проект возведения мемориала Гитлеру в самом центре Кампалы, мир начал понимать, что на маленькую африканскую страну обрушилось страшное несчастье.

Подтверждения самых мрачных прогнозов ждать пришлось недолго.

Материальная поддержка Ливии окончательно развязала Амину руки. Из нескольких сотен своих отборных прихвостней он создает новый полицейский орган, Государственное Сыскное Бюро. Верность помощников Амин покупает щедрыми подарками — дорогими машинами, видеомагнитофонами, одеждой, завезенной из Лондона и Парижа.

Однажды жарким августовским вечером 1972 года гости Амина, собравшиеся на обед в его резиденции в Энтеббе, были поражены и шокированы, когда хозяин неожиданно вышел из-за стола и вернулся из кухни с обледеневшей головой бригадира Хуссейна в руках. Охваченный приступом ярости, Амин принялся выкрикивать оскорбления отрубленной голове, швырять в нее ножами, а затем приказал гостям уйти.

Двумя днями позже президент неожиданно возник в Восточной Уганде. Он объявил, что Бог являлся ему во сне и сказал, что пятидесятитысячное азиатское население Уганды — в основном торговцы, доктора и медсестры — является причиной всех экономических проблем страны. Им было приказано покинуть пределы республики в течение девяти дней.

Последовавшие три месяца голос Амина ежедневно звучал по угандийскому радио, отсчитывая отпущенный срок. Азиаты издавна жили в Уганде. У многих из них в этой земле было похоронено не

одно поколение предков. Эти люди составляли основу национальной коммерции, и теперь все они в ужасе бежали, бросая дома, магазины, плантации.

В ноябре того же года Амин принялся предлагать своим друзьям и приятелям любой налаженный бизнес на выбор. Фармацевтика и хирургия были переданы в ведение автомехаников из Государственного Сыскного Бюро, текстильные склады отошли к телефонным операторам из того же Бюро и к армейским капралам. За считанные недели опустели полки магазинов, все товары были проданы, а новых не поступало... людям из Государственного Сыскного Бюро снова нужно было платить.

Не имея более денег для их содержания, Амин предложил своим людям последнее, что у него осталось, — жизни своих соотечественников.

Это был самый чудовищный в истории контракт на массовое убийство. Амин разрешил своим верным палачам убивать ради выгоды.

Он знал традиции угандийцев, их глубокое почтение к останкам умерших родственников и готовность отдать последний угандийский шиллинг за возможность получить останки своих близких для погребения. Во многих племенах существовали так называемые «искатели тел», которые получали деньги, прочесывая местность в поисках трупа чьего-нибудь отца или сына, сгинувшего, перегона скот, или утонувшего в нильских водах.

Государственное Сыскное Бюро сделалось и убийцами, и, по совместительству, искателями тел.

Разъезжая по улицам Кампалы в импортных машинах, разряженные в безвкусные шелковые рубашки и брюки клеш, они запросто арестовывали прохожих горожан. Арестованных свозили в штаб-квартиру, помещавшуюся в двух шагах от дворца Амина, и там безжалостно убивали.

Когда в подвалах трехэтажного здания Бюро скапливалось слишком много трупов, в скорбящие семьи посылали депутации с сообщениями, что их родственник был арестован, но исчез после ареста

и, к несчастью, вероятно все, умер. За розыск тела взималась плата в размере ста пятидесяти фунтов. Если семья не имела таких денег, ей следовало отдать государству все самое ценное. В обмен на это убийцы из Государственного Сыска везли вдов, рыдающих сыновей и дочерей в лес на окраине Кампалы.

Мертвые тела скрывались почти что в каждом овраге, почти под каждым кустом. Много ночей подряд сотни семей совершали эти жуткие поездки. Тела, не востребованные родственниками, сбрасывались в озеро Виктория как ненужный хлам и плыли по течению до тех пор, пока не застревали в фильтрах гидроэлектростанции водопада Оуэн.

Однако вскоре осуществлять расстрелы в стенах Сысного Бюро стало проблематично. Обитатели соседнего французского посольства напрямую пожаловались Амину, что им не дает спать постоянная стрельба по ночам. Амин, все острее ощущавший вкус к насилию, обсудил пути выхода из сложившейся ситуации с главой Бюро, лейтенантом Айзеком Малиамунгу.

Малиамунгу, служивший сторожем на текстильной фабрике до того, как Амин сделал его государственным чиновником, был известен своими садистскими наклонностями. Прежде чем окончательно расправиться с мэром провинциального городка Масака, он прогнал страшно изувеченного мужчину по улицам, заставляя нести в руках отрезанные у него гениталии. Теперь сообща с Амином они быстро нашли решение проблемы. Чтобы поддерживать леденящий кровь поток высоко прибыльных убийств, но избежать при этом раздражающей, бесконечной стрельбы, решено было сажать каждую жертву в одиночную камеру в подвале, а другому заключенному предлагать освобождение, если он согласится до смерти отделать одиночника шестикилограммовым кузнечным молотом.

Среди обезумевших от страха, молящих о пощаде заключенных находились некоторые храбрецы,

у которых хватало духу отказаться от чудовищного предложения. Как только один из заключенных выполнял требование тюремщиков, роли неизменно менялись. Недавнего палача по неволе, нередко рыдающего, с помрачившимся рассудком, самого запирали в одиночную камеру, а соседу его бессердечно обещали жизнь и вручали увесистый молот.

Президент находил время, чтобы лично поучаствовать в сценах кошмарной жестокости.

В марте 1974 года по совершении несложного мусульманского обряда он развелся с тремя из четырех своих жен из-за их вмешательства в его личные дела и затем выставил женщин из дома. Три месяца спустя одна из бывших жен, юная Кай Амин, умерла в своей квартире в Кампале после неудачной попытки совершить аборт. Выяснилось, что молодая женщина была на четвертом месяце беременности. Разгневанный Амин помчался в морг взглянуть на тело. Несколько минут он стоял молча, а затем спокойным, бесстрастным тоном отдал хирургам распоряжения и ушел.

Через час президент привел в морг свою младшую жену Сару и шестилетнего Алигу Амина, маленького сына Кай.

— Смотрите внимательно и запоминайте, — крикнул он им. — Кай была злой женщиной, и вот что с ней стало.

Обезображенное тело Кай Амин лежало на хирургическом столе. Голова и все конечности были отсечены. Голова лежала на груди лицом вниз, ноги аккуратно приложены к плечам, а руки на место ног, к тазу.

28 июня 1976 года авиалайнер компании «Эйр Франс» был захвачен палестинскими террористами и приземлился в аэропорту Энтеббе. Самолет направлялся в Париж. Вскоре после промежуточной посадки в Афинах пилоту было приказано лететь в Уганду. На борту самолета находилось около трехсот пассажиров.

Оказавшись в сердце африканской страны, управляемой поклонником Гитлера, у несчастных не было ни малейшей надежды на спасение. Самоуверенные палестинцы выдвинули свои требования. Амин ликовал, наблюдая за происходящим. Еще бы, ведь Уганда неожиданно привлекла внимание всего мира!

В обращении террористов, составленном не без помощи Амина, говорилось, что все заложники погибнут через сорок восемь часов, если пятьдесят три палестинских заключенных не будут к этому времени выпущены из тюрем Израиля и Европы. Международное напряжение увеличивалось. В результате переговоров удалось перенести последний срок на 4 июля, были оставлены пассажиры только еврейской национальности, а остальных отпустили.

Оставшиеся заложники, перепуганные до смерти, содержались под неусыпной охраной в помещении пассажирского терминала. За два дня до назначенного срока пожилая уроженка Лондона Дора Блош, имевшая двойное, британо-израильское, гражданство, нечаянно подавилась и была доставлена в клинику в Кампале, располагавшуюся в 32 километрах от аэропорта.

В эти дни Иди Амина и заложников часто показывали по телевизору. Израильские инженеры, высланные в свое время из Уганды, узнали помещение аэропорта, которое сами когда-то помогали строить. Спешно были подняты архивы и найдены нужные планы.

По всему восточноафриканскому побережью тайно рассредоточились объединенные силы международных спецслужб. Вскоре после полуночи 3 июля над озером Виктория внезапно появились самолеты израильских военно-воздушных сил с командос на борту. Согласно секретной договоренности им было разрешено дозаправиться и лететь в зоне действия радаров Кении, соседствующей с Угандой.

Израильские самолеты, руководствуясь собствен-

ными чертежами, быстро и точно приземлились у терминала, в котором удерживались заложники. Менее чем через час они снова поднялись в воздух со спасенными заложниками на борту, оставив двадцать трупов солдат армии Иди Амина и семерых застреленных на месте террористов. Тела двух своих товарищей, попавших под перекрестный огонь, израильтяне забрали с собой.

Но престарелая Дора Блош осталась в больнице в Кампале, дрожащая от страха и едва способная дышать. Амин решил выместить на ней свою злобу.

Спустя шестнадцать часов после спасательной операции в Энтеббе британскому специальному уполномоченному Питеру Чандли было разрешено навестить миссис Блош. Он попытался приободрить напуганную женщину и ненадолго покинул больницу, чтобы приготовить для нее еду.

Вскоре после его ухода два представителя Государственного Сыскного Бюро вломилась в больничную палату. Угрожая пистолетом, они заставили дрожащую вдову подняться и стащили ее вниз по лестнице с третьего этажа. Полчаса спустя ее тело, изрешеченное пулями, выкинули на пустынной окраине Кампалы.

Когда специальный уполномоченный вернулся в больницу, Амин объявил, что миссис Блош выписалась днем раньше и была под охраной доставлена в аэропорт еще до начала воздушного налета на Энтеббе.

Последняя отчаянная, авантюрная попытка Иди Амина удержать бразды правления провалилась в апреле 1979 года. Желая запугать угандийцев, чтобы они не вышли из повиновения, диктатор придумал легенду о нависшей якобы угрозе кровавого вторжения с юга, из соседней Танзании.

Ради того чтобы добыть доказательства, он отдал распоряжение ограниченному контингенту своих войск нарушить танзанийскую границу, якобы отражая наступление захватчиков. Провокация переполнила чашу терпения президента Танзании Джу-

лиуса Нирере. Его солдаты дали решительный отпор непрошеным гостям и погнали их обратно, продолжив преследование по территории Уганды. Измученные жители с распростертыми объятиями встречали танзанийскую армию, быстро приблизившуюся к Кампале.

В одном из своих последних радиовыступлений Иди Амин призвал верные ему войсковые части занять оборону в городе Джинджа близ водопада Оуэн и стоять до последнего. Однако ни один солдат в Джиндже не появился, как, впрочем, и сам Иди Амин. На своем личном самолете он бежал в Ливию под защиту верного союзника полковника Каддафи.

Через пять лет бывший угандийский диктатор поселился в роскошной гостинице в Саудовской Аравии в качестве гостя мусульманских правителей этой страны и зажил там спокойной, вальяжной жизнью.

Время от времени он раздражался напыщенными тирадами о своей роли в международной политике, однако его больше никто не слушал.

Премьер-министр Мильтон Оботе вернулся в Кампалу и вновь возглавил правительство. Уганда до сих пор еще не вполне оправилась после многолетней тирании Амина, но электричество бесперебойно поступает с генераторов дамбы водопада Оуэн, а крокодилы с берегов озера Виктория могут теперь поживиться только птичьими гнездами на ближайших болотах.

Пол Пот

У него широкое, круглощекое лицо, ласковые, с огоньком, глаза и толстые губы, растянутые в зубастую, добродушную усмешку. Он выглядит немного забавно, и впечатление усиливается его коротким странным именем — Пол Пот. Однако Пол Пот это вовсе не смешно... это имя принадлежит

фанатичному тирану, ответственному за холодное, расчетливое уничтожение трех миллионов человек.

На мировой арене Пол Пот провел всего лишь четыре года в качестве одиозного руководителя Кампучии (бывшей Камбоджи) после отстранения от власти президента Лон Нола в 1975 году. Тем не менее, за этот сравнительно короткий период времени ему удалось фактически разрушить целую нацию в угоду утопической идее, безапелляционно навязанной голодным, затравленным людям. Под властью Пол Пота некогда прекрасная страна стала называться Землей Ходячей Смерти.

О прошлом этого человека известно немного, а то, что все-таки известно, вполне может оказаться пропагандистским вымыслом. Говорят, что Пол Пот родился в крестьянской общине в камбоджийской провинции Кампонг Том и воспитывался в буддийском монастыре, в котором позже два года прожил монахом. В пятидесятых годах он выигрывает стипендию на изучение электроники в Париже, где увлекается левыми идеями, как и многие студенты того времени.

В то же время в Париже учится другой камбоджийский студент левых убеждений по имени Киу Сампан, который изучал курс политологии, чтобы сформулировать свою необыкновенную философию деревенской революции. Его теория состояла в изживании остатков колониального господства, недопущении капиталистической эксплуатации и возвращении Камбоджи к изначальному сельскохозяйственному состоянию — без городов, без индустрии, без денег, без образования.

Вряд ли Пол Пот и Киу Сампан встречались в Париже. Вероятнее всего, они сошлись уже после возвращения на родину и принялись вместе претворять в жизнь бредовые идеи Киу, используя недавно созданную и базировавшуюся в Китае Коммунистическую партию Кампучии.

Спустя десятилетие, полное политических интриг и партизанской войны, в 1975 году коммунистичес-

там в конце концов удалось скинуть президента Лон Нола и стать хозяевами столицы Пномпень. К тому времени их партия уже приобрела известность под названием «Красные кхмеры». Киу Сампан стал ее официальным главой, но реальная власть сосредоточилась в руках бывшего крестьянина из далекой провинции, премьер-министра Пол Пота. Он быстро вернул политических мечтателей в страшную, жестокую, бескомпромиссную реальность.

Столица опустела. Ее трехмиллионное население было изгнано из домов и лишено всякого имущества. Всех без разбора — больных, старых, беременных, калек, новорожденных, умирающих — отправили в сельскую местность и распределили по коммунам, по 10 000 человек в каждой. В деревнях также не осталось жителей. Все должны были трудиться на полях.

Разумеется, не каждый был в состоянии работать. Престарелые и больные умирали от истощения. Слишком молодые умирали от голода. А инвалидов и калек до смерти забивали дубинками.

Новообращенные «крестьяне» жили среди кишящих малярией болот, лишенные сколько-нибудь пригодных для существования укрытий и медицинской помощи. Ежедневно их гоняли на рисовые поля, заставляя работать одиннадцать часов в сутки. В день на одного человека полагалась миска каши и кусок вяленой рыбы. Рабочий цикл состоял из девяти дней, затем следовал один выходной... который новая власть использовала для политического воспитания своих граждан. Дети начинали трудиться с семилетнего возраста.

«Красные кхмеры» упразднили не только города и общины, они отменили существование семей. Мужья и жены были разделены и отправлены в разные коммуны. Более того, упразднялась любая личная собственность, кроме спального матраса и выдаваемой раз в год пары черной рабочей одежды. Отныне в стране не было собственности и торговли, а значит, и деньги были больше не нужны, их тоже отменили.

Не было больше никакого образования, кроме уроков политической теории. Пол Пот закрыл школы и колледжи. Все книги сожгли. Образование теперь считалось ненужным излишеством. Образованных людей убивали как класс, десятками тысяч. Священников, политических реакционеров, заключенных, солдат армии экс-президента Лон Нола закалывали штыками и киркомотыгами.

Всех недовольных или хотя бы слишком любознательных немедленно забивали дубинками. Особо опасных преступников, вроде голодных крестьян, пойманных за поеданием мертвого тела, закапывали по шею в землю и оставляли умирать. Затем их головы срезались и сажались на высокие жерди в качестве предостережения остальным.

Неслыханное истребление продолжалось четыре года. На помощь внешнего мира надежды не было. Беженцы, которым удавалось достичь соседних стран, рассказывали невероятные истории. Все дипломатические, транспортные, даже почтовые связи были нарушены, и народ, переименованный в кампучийцев, казался обреченным на постепенное неизбежное вымирание.

Негодование мирового сообщества оставалось незамеченным, протесты казались тщетными. В марте 1978 года Великобритания внесла вопрос о положении дел в Кампучии на рассмотрение Международного комитета по правам человека. В ответ посольство «Красных кхмеров» в Пекине разразилось истерическим протестом. «Британские империалисты, — говорилось в нем, — не имеют никакого права говорить о правах человека. Миру хорошо известна их варварская, низкая натура. Британские лидеры живут в роскоши на самой верхушке кучи гниющих трупов, тогда как пролетариат имеет единственное право быть безработным, воровать и торговать собой на панели».

На разумный диалог надежды оставалось мало. И действительно, министры Пол Пота вместо себя прислали в ООН сожаления, что ни у одного из

них не нашлось достаточно свободного времени, чтобы поприсутствовать на слушаниях по правам человека.

Не трудно догадаться, что для прекращения деятельности Пол Пота и его преступных соратников потребовалась военная сила. В 1978 году Вьетнам, которому давно уже успели надоесть многолетние пограничные стычки с «Красными кхмерами», подписал пакт с единственным союзником Кампучии Китаем и начал полномасштабное вторжение. Китайцы не пришли на помощь Пол Поту, и в январе 1979 года его режим пал под натиском вьетнамских войск. Падение произошло настолько стремительно, что круглощечному маленькому деспоту пришлось бежать из Пномпеня на белом «мерседесе» за два часа до триумфального появления в столице армии Ханоя.

Однако сдаваться Пол Пот не собирался. Он укрепился на секретной базе с кучкой своих верных последователей и создал Национальный Фронт Освобождения Кхмерского Народа. Вскоре затем появился редкостный по лицемерию манифест этой организации, призывавший бороться за политическую и религиозную свободу. Киу Сампан по-прежнему значился главой «Красных кхмеров». В 1980 году в одном из редких интервью западным журналистам он заявил, что главные ошибки режима состояли в не всегда правильном претворении в жизнь своей политики. «Например, — объяснил он, — некоторые не в меру старательные руководители коммун иногда не давали рабочим выходной раз в десять дней. А разговоры о каких-то якобы систематических убийствах просто абсурдны. Если бы мы действительно убивали так много, у нас просто не осталось бы людей, чтобы сражаться с вьетнамцами».

Вероятно, никто и никогда уже не узнает доподлинно, сколько кхмеров скончалось от болезней, голода, насилия и от рук палачей. Однако в июне 1979 года министр иностранных дел Йенг Сари

признал, что с момента прихода к власти «Красных кхмеров» в стране умерло около трех миллионов человек. Принимая во внимание, что до революции в Камбодже проживало восемь миллионов, журналисты заметили, что такой результат сложно назвать положительным итогом четырехлетнего правления. Министр выразил по этому поводу свои сожаления и объяснил случившееся тем, что приказания Пол Пота «понимали неправильно». Массовые убийства, по мнению министра, были «ошибкой».

«Император» Бокасса

Некоторое время перед «коронацией» самопровозглашенного императора Жана Бедея Бокассы казалось, что нечто человеческое все-таки затеплилось в душе этого безумствующего тирана. Важные дипломаты, влиятельные бизнесмены со всего мира готовились присутствовать на красочной церемонии в Банги, столичном городе Центральноафриканской Республики, бывшей некогда французской колонией в самом сердце континента.

В начале декабря 1977 года Бокасса заперся в своем дворце в пятидесяти милях от столицы и в качестве репетиции перед великим событием бесконечное количество раз просматривал пленку, специально для этого случая доставленную из Лондона. На пленке была заснята величественная и роскошная коронация королевы Великобритании Елизаветы. Бокасса, вспыльчивый, безобразный коротышка, казалось, был глубоко тронут сценами спонтанной, неподдельной радости и почтения, которые оказывали королеве ее подданные.

Он решил, что его собственная коронация должна стать не менее важным историческим событием. Конечно, он не мог надеяться завоевать сердца своего народа, но пусть хотя бы гости удивятся. Очевидно, повинуюсь сиюминутному капризу, Бо-

касса приказал начальнику бангийской тюрьмы отобрать дюжину заключенных для более гуманного содержания. Их перевели в более просторные камеры, кормить стали лучше, чем остальных, и разрешили дышать свежим воздухом во время прогулок по тюремному двору. Некоторые охранники возбужденно поговаривали об амнистии в честь коронации. Заключенные, как пообещал Бокасса, не будут больше содержаться в тюрьмах.

Будущий император тем временем занялся последними приготовлениями к церемонии. Правительство Франции, которое тогда возглавлял президент Валери Жискар д'Эстэн, частенько гостивший у Бокассы во время отпусков, щедро снабдило его кредитом в один миллион фунтов для покупки нескончаемого потока «мерседесов» и двухсот новых мотоциклов «БМВ» для личного эскорта.

Пятидесятивосьмилетнего диктатора мало волновало, что его страна считается одной из беднейших в мире, что едва ли десять процентов от двухмиллионного населения умеют читать и писать и что более четверти всех новорожденных умирают от различных болезней, не дожив до своего первого дня рождения.

Экстравагантный спектакль стоимостью в десять миллионов фунтов должен был продолжаться 48 часов и затмить помпезностью коронацию кумира президента Бокассы, императора Наполеона. Бокасса сам принимал титул императора, а его обанкротившаяся страна автоматически получала новое гордое название «Центральноафриканская империя».

У большинства крупных политиков безумные чудачества Бокассы не вызвали ничего, кроме брезгливости, и они отослали назад написанные золотыми буквами приглашения, приложив скупые извинения. Даже известное своей подчеркнутой официальной вежливостью британское министерство иностранных дел в необыкновенно резкой форме отказалось прислать своих представителей на цере-

монию. Американский президент Джимми Картер, взбешенный наполеоновскими замашками центральноафриканского лидера, прекратил всякую экономическую помощь его стране.

Бокасса был невозмутим. Солдаты его армии составили большую часть зрителей, без энтузиазма взиравших на триумфальный парад по улицам Банги, куда новый император собирался въехать, сидя в позолоченной карете, запряженной восьмеркой белых лошадей. Следует заметить, что весь город насчитывал в общей сложности всего лишь три километра мощеных дорог.

Коронация прошла с соблюдением всех возможных формальностей. Не отказались даже от горностаевой мантии, невзирая на одуряющую африканскую жару. По завершении официальной части гостей препроводили на императорский банкет во дворец Бокассы в Беренго.

Там, защищенные экранами из пуленепробиваемого стекла, посреди живописного сада, украшенного фонтанами и нарядной резьбой по кости, они попали в заботливые руки слуг, одетых в ливреи. На золотых и фарфоровых тарелках, заказанных специально у знаменитого лиможского мастера Берардо, гостям подали изысканно приготовленные деликатесы.

Французские и африканские дипломаты, итальянские и немецкие бизнесмены очень скоро освоились с окружавшей их абсурдной роскошью. Они вряд ли чувствовали бы себя так свободно, если бы знали, что за еду подают им на лиможских тарелках.

Бокасса сдержал обещание, данное начальнику тюрьмы. Заключенные, которых хорошо кормили и выводили дышать воздухом, недолго пробыли в тюремных стенах. Как только их здоровье достаточно восстановилось, они были убиты, мастерски разделаны и поданы к столу в качестве угощения для ничего не подозревавших гостей Бокассы.

Помешательство хозяина пиршества на веке Наполеона льстило важным французским деятелям,

присутствовавшим на церемонии. По крайней мере, они считали вполне объяснимой любовь диктатора ко всему французскому. Долгие годы он служил солдатом во французской колониальной армии, где каждый новичок накрепко усваивал славные вехи французской истории и жутковатые деяния лучшего ее солдата, Наполеона Бонапарта.

В 1960 году, когда французы предоставили независимость республике, такой же по размерам, как сама Франция, большинство из них было радо избавиться от бремени забот о громадной, но бесполезной территории. В 1966 году полковник Бокасса отобрал власть у гражданского правительства республики и, к немалому веселью французов, принялся поклоняться бывшему колонизатору. Он поклялся в нетленной любви президенту Франции Шарлю де Голлю, которого нежно называл «папа». Французское правительство ответило щедрой материальной поддержкой в обмен на размещение своей военной базы в стратегически важной части Африки.

В 1975 году новый французский президент Валери Жискар д'Эстэн воспользовался приглашением Бокассы и несколько раз приезжал поохотиться в огромных владениях диктатора, занимавших всю восточную половину Центральноафриканской Республики.

Бокасса никогда не скупился на подарки для своих гостей, буквально осыпая их горстями бриллиантов, которые были одним из немногих природных ресурсов его страны и должны были бы идти на преодоление вопиющей бедности его народа.

К тому времени когда имперская мания целиком захватила Бокассу, залежи урановой руды, найденные в Центральноафриканской Республике, разбудили коммерческие фантазии французов. На очевидные признаки прогрессирующей склонности Бокассы к жестокости они смотрели сквозь пальцы. Спустя два года после нелепой коронации дружба с новоявленным императором стала позором для

Парижа. Он оказался опасным и кровожадным союзником.

Вознамерившись превратить свою пыльную столицу в некое подобие французского провинциального городка, Бокасса издал указ, чтобы все босногие школьники, посещавшие единственную в Банги школу, являлись на занятия в единой дорогостоящей униформе. Родители едва могли осилить учебники, необходимые их детям для получения среднего образования. Не остался незамеченным и тот факт, что единственная фабрика, осуществлявшая пошив форменной одежды, находилась в собственности императора. Его подданные даже при всем желании не могли выполнить новый указ. О последствиях никто не догадывался.

Президент Бокасса требовал создать национальную оперу, балет и художественно образованное общество. Измученный народ уже не обращал на это внимания. Однако *император* Бокасса, последователь Наполеона, ожидал, что его требования будут исполняться немедленно и беспрекословно.

«Императорская гвардия» собрала двести нечесаных, оборванных школьников и выстроила их в тюремном дворе. Бокасса важно прошелся мимо них, опираясь на трость с золотым набалдашником. Напуганные дети притихли.

— До тех пор пока вы находитесь в тюрьме, вам не понадобится школьная форма, — выкрикнул император.

Угрожая малышам пистолетами, охранники распихали их по переполненным камерам.

Через несколько недель начались убийства. Одного за другим детей уводили на «осмотр школьной формы»... и безжалостно забивали до смерти.

В конце концов новость о массовых убийствах достигла ушей официальных лиц из французского посольства в Банги. Сперва они не могли заставить себя поверить, несмотря на доказательства, но затем появились свидетели из тюрьмы, повторявшие один за другим одну и ту же историю, и Париж

наконец-то очнулся. Французам пришлось признать, что Жан Бедель Бокасса был не просто комическим оперным императором с бутафорской короной и скипетром. Он был чудовищем.

Ради чести Франции, ради соблюдения приличия император должен был исчезнуть.

Благоприятная возможность представилась месяцем позже, когда сумасшедший самодержец отбыл из Банги в Ливию с визитом к другому диктатору, полковнику Кадаффи. Когда Бокасса сошел с трапа самолета в Триполи, Франция наглядно продемонстрировала ему и всему миру, что такое настоящее искусство силовой политики. Сам Наполеон, наверное, был бы доволен своими потомками.

Африканский политик Давид Дако, некогда смещенный со своего поста честолюбивым Бокассой, проживал с тех пор в Париже. Однажды ночью к нему в дом нагрянули агенты французской спецслужбы, подняли с постели, сунули в руки текст обращения к народу и приказали зазубрить. Затем Дако запихнули в ожидавшуюся у дверей машину. Десять часов спустя он уже покидал борт французского истребителя в аэропорте Банги и призывал войска французского иностранного легиона, приземлившегося вслед за ним, помочь в осуществлении «спонтанной» гуманистической акции по отстранению от власти кровожадного Бокассы.

В течение двадцати четырех часов все было кончено, и бывшая «империя» благополучно вернулась под контроль Франции. Смещенный император уехал в изгнание из Ливии на Берег Слоновой Кости в Западной Африке, а оттуда перебрался в полуразвалившуюся виллу в сером промышленном пригороде Парижа.

Легионерам пришлось выполнять невеселое задание. Им поручили обыскать тюрьму Банги и обнаружить братскую могилу с телами погибших школьников.

Позже, когда штурмом был взят императорский дворец, на мозаичном дне бассейна олимпийских

размеров были обнаружены кости еще тридцати семи детей. Неподалеку от бассейна лениво дремали хищники, насладившиеся чудовищным угощением, — четыре ручных крокодила Бокассы. В холодильной камере дворцовой кухни обнаружили недоеденные останки дюжины безымянных жертв, которых подавали к столу Бокассы всего неделю назад.

Похоже, что униформа стала навязчивой идеей бывшего императора. В изгнании он начал новую карьеру поставщика костюмов сафари для африканских туристических бутиков. А президент Жиска́р д'Э́стэн тем временем сделал заявление, что посылает личный чек на сумму 10 000 фунтов, равную цене бриллиантов, принятых им в подарок от Бокассы, благотворительной школе в Банги.

Папа Док

Многие тираны удерживали власть, играя на простых чувствах народа, таких, как страх перед вторжением враждебных соседей или национальная гордость, особенно после серии военных побед. Некоторые добивались избрания в правительство, подтасовывая результаты выборов или запугивали армией свой поверженный во прах народ. Но лишь одному-единственному современному диктатору удалось поработить своих людей кошмарной комбинацией автомата и мистицизма, объединенными силами репрессивного полицейского государства и преступного союза с самим дьяволом и его легионами демонов, призраков, зомби и вампиров.

В наш стремительный век, выдавший астронавтов, гуляющих по Луне, и орбитальные станции, бороздящие космическое пространство, президент «Папа Док» Дювалье умудрялся править Гаити при помощи пульт и черной магии, привидений с настоящими автоматическими пистолетами и сверхъ-

стественных «полицейских» — восставших из могил скелетов. Миллионы гаитян, пятнадцать лет страдавших под гнетом террора, убеждены, что погребенный диктатор продолжает управлять судьбами их страны из-за ворот ада.

Горькая ирония заключается в том, что когда-то пять миллионов жителей Гаити считались самой прогрессивной, демократической нацией на Карибских островах, призванной вести за собой, показывать другим странам пути избавления от иноземного владычества.

Гаити делит остров Испаньола вместе с Доминиканской Республикой. Пышные субтропические леса этого острова очаровали путешественника Христофора Колумба, потерпевшего здесь кораблекрушение в декабре 1492 года. Таким образом, благодаря несчастному случаю, на Гаити зародился новый народ, которому на протяжении столетий предстояло платить страшную цену за случайное знакомство с искателями приключений Старого Света.

К концу шестнадцатого века большая часть индейцев-араваков, исконных обитателей острова, была уничтожена. Многие из них пали жертвами завезенных европейцами болезней. Выживших новые испанские хозяева буквально до смерти истязали непосильным трудом на плантациях. Когда испанцы ушли, их место заняли новые оккупанты, ненасытные пираты, которые превратили Испаньолу в базу для мародерства, убийств и хранения добычи. Морские разбойники, контролировавшие всю западную часть острова, вернули ему первоначальное индейское имя — Гаити.

На смену пиратам снова пришли колониальные правители, на этот раз французы. Они возродили систему плантаций и населили Гаити чернокожими рабами, которых ловили на западном побережье Африки, запирали в душных, вонючих трюмах и везли на их новую «родину». У несчастных рабов не оставалось ничего, кроме ненависти и вековой веры

в колдовство. Ненависть их была настолько сильна, что привела к жестокому, страстному восстанию, которое не сумела подавить даже победоносная армия Наполеона. В конце концов император вынужден был признать свое поражение, и в 1804 году Гаити, с ее короткой кровопролитной историей и массой мистических предрассудков, стала первой независимой негритянской республикой в мире.

Затем многие годы этой несчастливой землей правили невежественные и жадные люди. Новый режим хуже прежнего бесконечно сменяли друг друга. С 1915 по 1934 год остров оккупировали американские военные моряки. На смену им пришла серия провинциальных президентов, в основном состоявшая из мулатов, отпрысков смешанных франко-негритянских браков. Каждый из них неизменно оказывался в центре очередного скандала и приводил страну к кризису, отчего и без того бедное население нищало еще больше.

Однако в 1957 году президентом стал популярный в народе Франсуа Дювалье, известный как друзьям так и врагам под именем «Папа Док». Он имел диплом врача и работал в системе американской медицинской помощи до того, как пришел в политику. Американцы, чья материальная помощь была едва ли ни единственной статьёй гаитянской экономики, приветствовали избрание на главный пост страны современного, прогрессивного человека с медицинским образованием. Однако чернокожие крестьяне, составлявшие 95 процентов населения, предпочли Дювалье по совершенно противоположной причине.

Он был для них не столько доктор, сколько колдун и чистокровный потомок африканских рабов. Сердца избирателей покорило открытое признание Дювалье в том, что он опытный колдун, хорошо знакомый со страшными обрядами их религии Вуду, причудливой смеси завезенных французами представлений о христианстве и древних африкан-

ских верований. Папа Док пообещал с помощью колдовства и черной магии призвать самого дьявола, чтобы тот поделился силой со всеми вудуистами Гаити. Другой, более практический пункт его программы, призванный задобрить образованную оппозицию, касался распределения миллионов долларов американской помощи. Он сказал, что намерен пустить ее на поднятие жизненного уровня острова. В то время только десять процентов населения знало грамоту, средний национальный доход составлял один фунт в неделю и большинство гаитян умирало от недоедания и болезней к тридцатипятилетнему возрасту.

Через несколько лет правления Папы Дока стало ясно, что он не собирается делить свою власть с кем бы то ни было. Большая часть финансирования, предоставляемого Соединенными Штатами, уходила на личный счет президента, пока сам он жил на уединенной плантации в президентском особняке, похожем на дворец. В 1961 году он объявил себя пожизненным президентом и приказал плохо дисциплинированной гаитянской армии убить своих политических оппонентов. Вскоре их тела появились на фонарных столбах столичного города Порт-о-Пренс, отмеченные кровавыми вудуистскими символами.

Папа Док объяснял, что всех этих людей убивают подручные барона Самеди — мстительные, могущественные зомби. Барон Самеди, мрачная фигура в черной шляпе и похоронном костюме, — это вудуистский демон, дух, восставший из ада, чтобы скитаться по земле и выполнять желания дьявола.

Для того чтобы держать в страхе армию, Дювалье призывает на помощь секретные полицейские силы, называемые «тон-тон-макуте». Эти призраки признали в президенте великого колдуна и поклялись ему в верности. Десять тысяч «тон-тонов» получили задание сотнями убивать нерадивых ар-

мейских офицеров, замышляющих мятеж против кровожадного тирана. Сами офицеры в свою очередь получили свободу терроризировать сельское население, грабить голодающих крестьян и убивать, всякий раз оставляя на телах жертв отметины страшного религиозного культа.

Шокирующие дикости Папы Дока, главным образом провозглашение культа Вуду официальной религией Гаити, казалось, должны были неминуемо привести к падению его режима. Недавно избранный президент Соединенных Штатов Джон Ф. Кеннеди пришел в негодование. Он заявил, что мир возмущен извращениями президента Дювалье и что американская помощь Гаити полностью прекратится, если у власти по-прежнему будут оставаться сатанисты. Теперь оставалось только ждать, когда муки голода превозмогут в гаитянах страх перед демонами и зомби. Недовольство в народе действительно стало нарастать, и даже вооруженные пистолетами «тон-тон-макуте» не могли прекратить участвовавшие гневные выступления против Дювалье.

В этой ситуации у Папы Дока оставался единственный источник помощи, и он не преминул им воспользоваться. Главный колдун Гаити объявил своему народу, что в результате невиданной доселе по размаху вудуистской церемонии ему удалось вызвать из ада самого дьявола, который наслал проклятье на американского президента. Шесть недель спустя Джон Ф. Кеннеди погиб от пуль убийцы в Далласе.

Новость сразила гаитян. Теперь уже ничто не могло поколебать их уверенности, что курок пистолета, нацеленного на Кеннеди, был спущен костлявым пальцем ухмыляющегося зомби, барона Самеди. А Дювалье тем временем придумал способ выгодно проливать кровь своего народа за американские доллары. Ежедневно «тон-тон-макуте» сгоняли тысячи гаитян в медицинские центры Порто-Пренса. Там каждому из них выдавали недельный заработок, равный одному фунту, в обмен на

литр крови. Кровь текла в Америку, где ее использовали для переливаний, но уже по двенадцать фунтов за литр.

Папа Док продолжал безраздельно царствовать в Гаити. Любое выступление против его власти немедленно подавлялось безжалостными подразделениями «тон-тон-макуте». В 1971 году, умирая от диабета и сердечной болезни, он изменил конституцию Гаити таким образом, чтобы его замечательный сынок — повеса и бездельник — смог унаследовать от отца бразды правления... Папа Док стал пожизненным президентом. Ему хотелось, чтобы его дьявольская династия победила смерть.

Иосиф Сталин

В 1918 году в подвале одного из домов в Екатеринбурге большевистские пули оборвали жизнь последнего русского царя и более чем четырехсотлетнюю историю российской монархии. Николай Второй до последнего боролся против того, что он называл «бессмысленной мечтой» народа. Убежденный в собственной непогрешимой правоте «безумным монахом» Распутиным, он позволил безжалостной кучке своих ближайших помощников попытаться силой подавить разраставшееся движение за права человека.

Шеф полиции Вячеслав фон Плеве организовал погромы в Кишиневе и Гомеле, призванные «пустить евреям кровь, зараженную революцией». Министр внутренних дел Столыпин казнил пять тысяч политических преступников менее чем за два года. А 22 января 1905 года вошло в историю под названием «кровавое воскресенье». В этот день под пулями военных и под копытами казачьих лошадей погибло 150 незащитных человек, включая женщин и детей, и около тысячи получили ранения в результате подавления мирной демонстрации, направлявшейся к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге.

бурге. Узнав об этом, царь задал единственный вопрос: «Достаточно ли убито?»

Но революция была уже неотвратима. Нужна была только одна искра, чтобы разгорелось ее пламя. Этой искрой стала первая мировая война, в которой Россия потеряла значительную часть территории и четыре миллиона человек.

В 1916 отвратительное руководство и страшные лишения деморализовали армию и подорвали ее силу. Год спустя солдаты и моряки встали гарнизоном вблизи Санкт-Петербурга. Их поддержали бастующие рабочие. Они протестовали против плохого снабжения продуктами, инфляции и коррупции. В конце концов царь вынужден был отречься от престола. Царская охранка, секретная служба, многие годы терроризировавшая народ, перестала существовать. Землю конфисковали у богатых и роздали крестьянам. Рабочим пообещали восьмичасовой рабочий день и назначили первые свободные выборы. Освобожденному народу казалось, что утопия наконец-то стала реальностью.

Однако революционерам досталось горькое наследство. Стремясь удержать власть любой ценой, цари забывали об интересах нации. Революционеры, такие, как Ленин, вернувшись из Европы, наглядно убедились, насколько отстала их страна. «Наша задача, — говорил Ленин своим коллегам по Политбюро, — встать во главе измученных масс, которые устало ищут выход, и повести их по верному пути, по пути трудовой дисциплины».

Но Ленин умер в 1924 году, успев преодолеть всего несколько шагов на этом пути, а его преемник превратил мечту о демократии в кровавый кошмар, сделавшись тираном, с которым не смог бы тягаться ни один даже самый садистски настроенный русский царь. За тридцать лет своего правления Иосиф Сталин убил больше людей, чем все цари вместе взятые. Он превратил народную революцию, основанную на идеалах свободы и равенства, в тоталитарную диктатуру, державшуюся одним

только страхом. В то же время он сумел сделать Советский Союз одной из двух мировых супердержав, невероятно расширив его границы.

Умирая, Ленин предупреждал Центральный Комитет не доверять Сталину, сыну сапожника, грабившему банки в родной Грузии, чтобы пополнить денежные фонды большевиков, и ставшему в 1922 году Генеральным секретарем Коммунистической партии. Ленин призывал своих коллег найти кого-нибудь «более терпимого, более лояльного, более вежливого, более рассудительного и менее взбалмошного» и добавлял: «Товарищ Сталин сконцентрировал в своих руках безграничные полномочия, и я не уверен, что он сумеет использовать эти полномочия с надлежащей осторожностью...» Партийные руководители сделали все, что было в их силах, назначив товарищей Зиновьева и Каменева разделить вместе со Сталиным бремя власти. Но Генеральный секретарь к тому времени стал уже слишком могущественным. Ловко маневрируя силовыми группировками в Политбюро, он сумел сместить, изгнать, даже обратить в бегство всех своих потенциальных противников. В 1928 году он уже был бесспорным хозяином Москвы. Николай Бухарин, один из ближайших ленинских соратников, признался своему другу, когда его сместили: «Сталин — это Чингисхан, который уничтожит нас всех». Эти слова оказались ужасающе верным пророчеством.

Сталин решил развивать русскую промышленность. Гигантские угольные, железодобывающие и сталеплавильные комплексы были возведены по всей стране в рекордно короткие сроки страшной ценой человеческих жизней. Один американский инженер, приглашенный в качестве консультанта на одну из строек, сказал: «Я готов поспорить, что битва русских за черную металлургию унесла больше жизней, чем битва при Марне».

Эта программа частично финансировалась возросшими налогами с богатых крестьян-кулаков.

Ленин разрешил им продавать излишки урожая, чтобы покрыть нехватку продовольствия, однако Сталин, верный догматам, не мог допустить подобного отклонения от правил. Вскоре кулаки лишились не только права торговать, но и своей земли вместе со всем нажитым.

Вальтер Кривицкий был руководителем сталинской военной разведки в Западной Европе до тех пор, пока не стал перебежчиком, спасаясь от чистки в 1936 году. В интервью одному британскому изданию он сказал: «Если вы услышите, что я покончил жизнь самоубийством, не верьте. Знайте, что меня убили». В феврале 1941 года его тело обнаружили в номере отеля в Вашингтоне. Ознакомившись с предсмертной запиской, следствие пришло к заключению, что погибший сам пустил себе пулю в голову. Но вдова Кривицкого, Татьяна, прокомментировала записку так: «Почерк Вальтера, а слова не его».

Сталин развернул кампанию по уничтожению кулаков как класса. Миллионам крестьян было приказано вступить в государственные колхозы. Миллионы были согнаны в города и насильно сделались рабочими государственных заводов. Остальные сгинули в исправительных трудовых лагерях, ГУЛАГах, ставших впоследствии знаменитыми благодаря писателю Александру Солженицыну. Двадцать пять миллионов человек были насильственно переселены, более миллиона попросту убиты.

Сталин, «стальной человек», подчинил своей марксистской воле все стороны жизни. В результате чисток партийно-государственного аппарата 164000 московских государственных служащих потеряли работу в течение восемнадцати месяцев. Церковные издания были закрыты, помещения церквей конфискованы, священники либо сидели в тюрьмах, либо бежали в изгнание. Местный национализм в государствах-сателлитах был признан еще одним «отклонением» и безжалостно искоренялся. Произведения писателей подвергались жесточайшей цензуре, запрещавшей книги, не призванные

вдохновлять пролетариат. «Где еще людей убивают за то, что они пишут стихи?» — печально вопрошал один художник. ОГПУ, тайная полиция, крепко держала в своих железных тисках всех и каждого. Для удобства тотальной слежки была произведена смена внутренних паспортов. Зачастую государство тихо ликвидировало подозреваемых в измене людей без обращения в суд. В конце концов, ОГПУ служило человеку, которому принадлежит фраза: «Смерть одного человека это трагедия; смерть тысяч — статистика».

Статистические показатели говорили об успехе первой пятилетки. В 1935 году индустриальное производство возросло в четыре раза по сравнению с 1913 годом. Однако прогресс был завоеван страшной ценой. Результаты переписи населения 1937 года оказались настолько пугающими, что их решено было скрыть. Два года спустя специалисты подсчитали, что население России сократилось на двадцать миллионов. Причиной тому были массовая иммиграция и повальный голод.

Но сокрушительная поступь сталинской индустриализации требовала новых жертв. Историк Е. Г. Карр писал: «Возможно, во всей человеческой истории мало найдется примеров столь впечатляющих достижений, за которые заплачена столь чудовищная цена».

В ноябре 1932 года жена Сталина Надежда Аллилуева совершила самоубийство, застрелившись из револьвера. Одно время она помогала Сталину, выдавая тайны, доступ к которым ей обеспечивала должность заведующей секретными кодами в кабинете Ленина. Теперь же несчастная женщина ужаснулась нечеловеческой жестокости, проявившейся в характере ее мужа. Он оказался законченным алкоголиком, склонным к беспричинным вспышкам насилия, недостойно издевавшимся над подчиненными. Сталину доставляло откровенное удовольствие испытывать верность своих чиновников. Однажды он скатал пять трубочек из бумаги, надел их

на пальцы секретаря и поджег, с усмешкой наблюдая, как тот корчится от боли, не решаясь все же потушить огонь. Со смертью Надежды абсолютизм Сталина потерял всякие границы. Их дочь Светлана скажет позже: «Тогда его душа лишилась последних следов человеческого тепла».

В январе 1946 года Сталин создал особое заграничное подразделение по саботажу и убийствам, подведомственное его секретной службе. Первый глава этого подразделения, герой войны, Павел Анатольевич Судоплатов, дал одному из своих офицеров (позднее переметнувшемуся на Запад) совет, как выбирать убийц: «Ищите людей, обиженных судьбой или природой — уродливых, страдающих комплексом неполноценности, жаждущих власти и влияния, но не имеющих ни того ни другого в силу сложившихся обстоятельств. Сознание принадлежности к сильной, влиятельной организации даст им ощущение превосходства над красивыми, преуспевающими людьми, которые их окружают, и впервые в жизни они почувствуют свою значительность. Это грустно и низко, но мы обязаны извлечь из этого пользу».

Вскоре после этого, в декабре 1934 года, в Санкт-Петербурге, переименованном к тому времени в Ленинград, молодой коммунист застрелил секретаря партии Сергея Кирова. Сталин немедленно распорядился службам госбезопасности ускорить рассмотрение дел, возбужденных против людей, обвинявшихся в терроризме. Теперь смертные приговоры следовало приводить в исполнение непосредственно после их вынесения, поскольку отныне государство отказывалось рассматривать петиции о помиловании. «Тем самым правительство, — как позже говорил Никита Хрущев, — само заложило основу массовым нарушениям социалистической законности».

А Сталин, между тем, пошел в наступление против своих революционных соратников. Зиновьев, Каменев, Бухарин и шеф ОГПУ Ягода — это всего лишь четыре имени из огромного списка представителей высшего эшелона коммунистической влас-

ти, обвиненных в заговоре против государства во время последовавших один за другим показательных процессов в 1936—1938 годах. К удивлению многих, все обвиняемые сами публично признавались в своей вине, возможно, из-за несокрушимой преданности революции, но, вероятнее всего, сломавшись под пытками и благодаря угрозам расправиться с семьей в случае, если они будут упрямиться. К 1939 году девяносто восемь из ста тридцати девяти членов Центрального Комитета были расстреляны. Погибли все коллеги Ленина по Политбюро, за исключением самого Сталина и Троцкого, бежавшего за границу в 1929 году.

Настало время проводить новую генеральную чистку общества. Командирский состав Красной Армии уменьшился вдвое. Флот лишился практически всей руководящей верхушки. Коммунистическая партия сверху донизу очистилась от интеллектуальных идеалистов, ставивших принципы выше требований новой политики. Их место заняли безжалостные лизоблюды, люди, в окружении которых Сталин ощущал себя в безопасности. В России снова появилась тайная полиция, переименованная в НКВД. Ее главой стал знаменитый Лаврентий Берия. Даже секретные агенты, работавшие за границей, вербовавшие и контролировавшие таких шпионов, как Филби, Блант, Бергесс, были отозваны в Москву и уничтожены. Сталин хорошо знал, что такое конспирация, и поэтому подозревал всех и каждого. Окружающие умирали, потому что знали слишком много о его дореволюционных «подвигах».

Более пятисот тысяч человек расстреляли сразу же после ареста. Миллионы других подвергали пыткам и заключали в тюрьмы. Даже супруга формального главы сталинского правительства Калинина семь лет провела в лагерях заложницей примерного поведения своего мужа.

В 1939 году чистки неожиданно прекратились. Народ вздохнул свободнее в ожидании обещанной

новой, либеральной конституции. Однако облегчение оказалось скоротечным, начиналась вторая мировая война...

Измученные войной народы объединились в борьбе с нацистами, и советский маршал Сталин казался им добрым дядюшкой Джо, героем, помогавшим Америке и Великобритании победить зло по имени Гитлер. Уинстон Черчилль охотно фотографировался рядом с кремлевским властителем на конференции в Ялте и признавался журналистам, что жизнь Сталина «дорога сердцам и надеждам всех нас». «Я смелее иду по жизни, — добавлял он, — сознавая, что этот великий человек приходится мне другом». Однако народы стран, вступивших в войну под руководством Сталина, и стран, подчиненных им в ходе боевых действий, едва ли разделяли оптимизм главы Великобритании. В Ялте Сталин много улыбался, но за его улыбками скрывалась жестокая, расчетливая натура, готовая совершать преступления, не менее ужасные, чем только что поверженный общий враг.

Союзники распевали дифирамбы в честь Сталина, позабыв, что однажды он уже предал их, подписав с Гитлером пакт о ненападении в августе 1939 года. Это была циничная сделка между двумя диктаторами, один из которых втайне замыслил уничтожить тридцать миллионов славян, а другой уже значительно продвинулся на пути к той же цели. По условиям пакта НКВД и Гестапо, сравнили списки беженцев-диссидентов, вследствие чего евреи, содержащиеся в советских ГУЛАГах, поменялись местами с некоторыми заключенными концлагерей, которых пожелал заполучить Сталин. Германия получила разрешение использовать Мурманск в качестве военной базы для своих подводных лодок, и Россия обязалась снабжать нацистов материалами, необходимыми для военного производства. Сталин, в свою очередь, получил возможность беспрепятственно захватывать близлежащие области.

Так Красная Армия вторглась на Балканы, под

предложением поддержания их нейтральности. Когда Финляндия отказалась предоставить в распоряжение Советского Союза стратегически важные острова, Сталин захватил их силой и разместил там свои огневые точки. Но больше всего досталось Польше, давней противнице России. Диктаторы поделили ее пополам, и пока Гитлер атаковал польские границы с запада, вынуждая вступить в войну Британию и Францию, сталинские войска вторглись на территорию Польши с востока. Они практически не встречали сопротивления, ведь основные польские силы сражались с нацистами. Более четверти миллиона поляков попало в плен, из них четырнадцать тысяч никогда больше не видели живыми.

Зловещие представители НКВД прибывали во все захваченные страны, едва только регулярная армия устанавливала там контроль. Политические и культурные лидеры, представлявшие потенциальную угрозу сталинскому плану тотальной русификации, немедленно уничтожались. Миллионы людей насильно переселяли на обширные российские земли. Многих просто расстреливали, как и тех русских, которые возвращались из финского плена. Сталину не нужны были солдаты-неудачники, однажды уже предавшие его.

Судьба некоторых пропавших поляков разъяснилась в 1943 году. Тела четырех тысяч офицеров были обнаружены в неглубокой могиле под пушистым молодым ельником в селении Хатынь под Смоленском. У большинства из них руки были связаны за спиной и головы прострелены чуть ниже затылка. У некоторых были проломлены черепа, рты набиты соломой и древесными опилками. Таким образом людей убивали, экономя боеприпасы. Участь остальных десяти тысяч пропавших без вести остается неясной по сей день, но некоторые специалисты полагают, что представители НКВД загнали всех на баржи, которые утопили в Белом море. В числе пропавших без вести поляков числятся

восемьсот докторов и двенадцать профессоров университетов.

Сталин безбоязненно вершил насилие над собственными и завоеванными народами, потому что доверял Гитлеру. Однако к концу 1940 года Гитлер сделался властелином всей Центральной Европы и начал готовиться к осуществлению давно задуманного плана — операции «Барбаросса», или, другими словами, вторжению в СССР.

Когда 22 июня 1941 года гитлеровские войска персекли его границу, Сталин был изумлен. Одиннадцать дней он ничего не предпринимал, а Красная Армия тем временем беспорядочно отступала, ослабленная чистками и убеждаемая начальством в абсолютной невозможности происшедшего-таки вторжения. На двенадцатый день пришло известие, вернувшее Сталина к действию. Оказалось, что подчиненные им ранее государства не сопротивляются нацистам. Более того, они приветствуют их как освободителей.

Давно молчавшие церковные колокола снова зазвонили в оккупированных городах, и религиозные люди, которым годами запрещалось молиться, радостно собирались на службы. У многих граждан снова затеплилась надежда обрести наконец свободу, обещанную в 1917 году. Даже евреи, жертвы сталинского антисемитизма, с готовностью откликались на расклеенные нацистами приглашения регистрироваться у новых властей. Никому не верилось, что Гитлер будет убивать так же, как Сталин. Отчаявшиеся русские войска толпами сдавались в плен. Менее чем за шесть месяцев немецкая армия в количестве чуть более трех миллионов захватила в плен четыре миллиона красноармейцев.

Однако на этом победоносное шествие гитлеровцев по измученной горем российской земле прекратилось. Освобожденные города вскоре ужаснулись жестокости оккупационных сил. Гитлер отказался дать разрешение восьмистам тысячам русских добровольцев сражаться на его стороне про-

тив Сталина под командованием генерала-бунтовщика Александра Власова.

Сталин был садистом. Он любил присутствовать на допросах подозреваемых и приказывал своим заплечных дел мастерам из НКВД «бить, бить и снова бить до тех пор, пока они не приползут к вам на брюхе, сжимая признание в зубах». Историки объясняют подобные проявления жестокости частыми тяжкими побоями, которые в детстве Сталину приходилось терпеть от отца-сапожника, горького пьяницы. К тому же, будучи ребенком, Сталин переболел оспой, отметины от которой на всю жизнь остались у него на лице. Это обстоятельство также способствовало развитию острого комплекса неполноценности.

И когда Сталин обратился по радио к советским людям, назвав их «братьями и сестрами», все они поднялись как один и выкинули вон нацистских захватчиков.

Советские войска все еще сражались, и Сталин призывал союзников поскорее открыть Второй фронт в Европе, а НКВД уже вступил в новую войну против русского народа. Опасаясь, что кто-нибудь может попытаться скинуть его за все прошлые дикости и стратегические военные ошибки, Сталин велел развернуть новую генеральную чистку. Снова полетели с плеч головы сотен офицеров. Заключенные ГУЛАГов уничтожались тысячами. Потенциальные «враги народа» гибли во всех областях, которые могли быть захвачены немцами. В своей книге «Тайная война Сталина» граф Николай Толстой пишет: «Во Львове, в то самое время когда Четвертая армия любой ценой старалась отстоять город, сотрудники НКВД с автоматами, гранатами и прочими взрывчатыми веществами прилагали немало усилий, чтобы ликвидировать тысячи украинских заключенных. Тех, что остались в живых, отправили на восток под надежной охраной».

Немцы узнали, как Сталин поступил с украинцами. Они обнаружили общую могилу, в которой лежало девять тысяч тел, цинично сложенные голо-

вами к ногам, чтобы экономить место. Руки снова были связаны, и в затылке у каждого была дырка от пули. Глава нацистской пропаганды Йозеф Геббельс, осмотрев могилу, на удивление метко заметил: «Если бы немцы сложили оружие, вся Восточная и Юго-Восточная Европа вместе с Рейхом была бы оккупирована русскими. За железным занавесом началась бы массовая резня народа и продолжалась бы до тех пор, пока ото всех нас не остались бы одни только тупые роботы, скисшая серая масса из миллионов пролетариев и понурых, закабаленных животных, не подозревающих о существовании внешнего мира».

Тем временем Красная Армия медленно и неуклонно изгоняла немцев со своей территории и продолжала преследование врага за пределами России. На конференции в Ялте руководители союзных держав договорились о разделе между собой освобожденной Европы, после того как Германия подписала вынужденную безоговорочную капитуляцию. Американские войска обязались не продвигаться вперед и позволить Сталину занять Прагу. В Польше русские по радио призвали членов варшавского Сопротивления открыто выступить против немцев и помочь армии-освободительнице. Однако перед входом в Варшаву советские войска приостановили наступление, предоставляя нацистам время, для того чтобы убить как можно больше поляков.

К концу войны Сталин присоединил к Советскому Союзу часть Финляндии, Румынии и Чехословакии, половину Польши, Восточную Пруссию и большинство Балтийских республик. Из оставшихся частей Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Румынии он соорудил защитный симпатизирующий его режиму буфер. Затем, вступив в войну с Японией, после того как американцы сбросили на них атомную бомбу, Сталин узаконил также аннексию Курильских островов, Сахалина и части Монголии. Теперь его страшная власть распространялась на земли от Южно-Китайского моря до бе-

регов реки Эльбы в Германии. Как и предсказывал Геббельс, границы закрылись на замок, и началась массовая резня.

НКВД под руководством Берии стал мстить всем, кто подозревался в сотрудничестве с немцами. Целые народы, такие, как крымские татары, карачаро-балкарцы, чеченцы, были увезены голодать в Сибирь и Центральную Азию. Все советские солдаты — неважно, вернулись ли они из плена или из победоносного военного похода, — тщательно проверялись. Те, на кого жизнь на Западе произвела положительное впечатление, расстреливались или заключались в тюрьмы. Сталин не мог допустить, чтобы кто-то распускал слухи, будто массы, живущие под гнетом капитализма, на самом деле наслаждаются более высоким жизненным уровнем, чем советский пролетариат. Не щадили никого, даже героев. Писатель Александр Солженицын, воевавший в чине офицера артиллерии, дважды награжденный страной за мужество, на восемь лет сгинул в ГУЛАГе за «оскорбление Сталина». Во вновь подчиненных государствах многие последователи марксистско-ленинского учения были казнены либо сосланы после ряда показательных процессов и коммунистических чисток за то, что не разделяли постулатов сталинизма.

Всего несколько лет назад стали известны подробности самой страшной мести советского диктатора. В Ялте западные лидеры пообещали Сталину выдать Советскому Союзу не только военнопленных. По условиям договора высылке на родину подлежали все, кому удалось вырваться из-за железного занавеса. В черные списки попали самые разные люди — от советских граждан и военных, пытавшихся сражаться на стороне Гитлера, до белогвардейцев, бежавших после окончания гражданской войны в 1921 году. В общей сложности к 1945 году на Западе проживало три миллиона беженцев, которым грозила депортация. В 1948 году почти все были насильно выдворены на родину. Одна только

Великобритания выдала Сталину тридцать тысяч человек. В лагере Скэрисбрук в Мерсисайде один мужчина предпочел повеситься, лишь бы не возвращаться в лапы Сталина. Другой перерезал себе горло по пути на корабль, пришвартованный в ливерпульском доке. В Италии, в городе Римини британские солдаты под дулами винтовок загоняли в поезда не желающих возвращаться репатриантов. Один человек камнем разбил себе голову, другого застрелили военные при попытке к бегству.

По возвращении в СССР тысячи беспомощных заложников тут же направляли с пароходов и поездов в импровизированные места для массовой смертной казни. Над Крымом и вдоль северного побережья намеренно низко летали советские военные самолеты, чтобы заглушить бесконечную стрельбу. Тех, кому удавалось избежать расстрела на набережной, отправляли на медленную смерть в ГУЛАГи.

Если главы Запада надеялись откупиться от Сталина подобной жертвой, то они крупно просчитались. Вместо того чтобы строить мирные планы, восстанавливать разрушенную экономику, советский диктатор бросил все оставшиеся у измученной России силы на полномасштабное, всеобщее перевооружение. Производство железа и стали возросло втрое, заготовки угля и масла удвоены. Сотням плененных немецких ученых, инженеров и техников, развязали языки, пытаясь сократить технологический разрыв, существовавший между СССР и Западом. Разросшаяся армия шпионов, работавшая на Москву по всему миру, получила задание украсть для СССР секрет атомной бомбы. Советская Коммунистическая партия неумолимо избавлялась от любого, кто отказывался подчиняться сталинскому режиму холодной войны.

Однако в конце концов человек, всю жизнь совершенствовавший мастерство порабощения свободных народов, сам сделался пленником насажденного им террора. Отто Куусинен, финн, знавший Сталина лучше многих, говорил: «Чем более

безжалостным и хладнокровным он становился, тем больше им завладевал граничивший с безумием страх перед жизнью». Дочь Сталина Светлана описывала отца как человека, «всеми силами ненавидевшего окружающий мир. Он повсюду видел врагов. Эта невероятная подозрительность постепенно переросла в настоящую, патологическую манию преследования».

Даже в Кремле Сталин носил специальный пуленепробиваемый жилет. Особые туннели соединяли его кабинет с другими правительственными постройками. Одна из веток московского метро была тайно продолжена до самой дачи Сталина в Кунцево. Когда обстоятельства все же вынуждали его появляться на поверхности, генералиссимус пользовался исключительно бронированной машиной с пуленепробиваемыми стеклами толщиной в семь сантиметров. Отряды НКВД заранее проверяли все его маршруты и оцепляли дороги во время следования их руководителя. Все, чем питался Сталин, выращивалось на специальных фермах, курировавшихся НКВД. Прежде чем попасть на стол, продукты проходили тщательную проверку специальной группой докторов. Еду подавали телохранители, переодетые официантами. Они пробовали все блюда первыми, проверяя на себе наличие в них яда, и только затем Сталин приступал к трапезе. Чай для него доставляли в особо запечатанных пачках, которые использовали только один раз, остаток выбрасывали. Однажды женщина, обычно готовившая Сталину чай, взяла немного заварки из пачки со сломанной печатью. Это заметили, и женщина немедленно отправилась в подвалы штаб-квартиры НКВД на Лубянской площади.

Но даже такой могущественный человек, как Сталин, не мог вечно обманывать смерть. 5 марта 1953 года у семидесятитрехлетнего вождя случилось кровоизлияние в мозг. Причиной тому скорее всего послужила очередная вспышка ярости по поводу того, что некоторые члены Политбюро выступили

против его плана переселения тысяч советских евреев в пустынные земли на границе с Китаем. Согласно утверждению чешского невозвращенца Карела Каплана, генералиссимус вынашивал еще более зловещие планы. Каплан, бежавший на Запад в 1976 году, сообщил, что в 1951 году Сталин отдал распоряжение главам восточноевропейских государств-сателитов готовиться к широкому наступлению на Западную Европу с целью захвата ее за три, самое большее, четыре года.

За тридцать лет своего правления Сталин привел Россию от деревянного плуга прямиком в ядерный век. Другим странам на это потребовалось несколько столетий. Но на алтарь прогресса были брошены жизни более чем двадцати миллионов советских людей. Еще четырнадцать миллионов к моменту смерти вождя продолжали мучиться в ГУЛАГах. Граф Николай Толстой пишет, что у народа численностью в двести миллионов «вряд ли бы нашлась хоть одна семья, не пережившая трагедию». Советские лидеры, сменившие Сталина на его посту, конечно, не в силах были тягаться с чудовищным размахом своего предшественника.

НКВД, превратившийся в настоящий аппарат страха и разросшийся до полутора миллионов человек, основательно сократили и переименовали в КГБ. Берия и несколько его могущественных помощников были расстреляны через несколько месяцев после смерти вождя. В 1956 году Никита Хрущев обвинил человека, на которого он когда-то работал, в излишней неоправданной жестокости по отношению к «осужденным людям» и русским, вернувшимся из нацистского плена. Кроме того, Сталин был признан виновным в смерти «многих тысяч ни в чем не повинных, честных коммунистов». «Деспотизм одного человека, — добавил он, — пробуждает и поощряет проявления деспотизма в других. Массовые аресты и депортации многих тысяч людей, казни без суда и следствия создали в обществе атмосферу неуверенности, страха и даже отчаяния».

По мере того как все новые откровения о бывшем вожде становились достижением гласности, подобострастное отношение русских к Сталину, внушенное многолетней пропагандой, стало постепенно меняться. В 1961 году его останки были выдворены из мавзолея на Красной площади и захоронены у Кремлевской стены. Раздел, посвященный ему в Советской энциклопедии, существенно сократился. В 1977 году его имя исчезло из национального гимна, хотя имя Ленина сохранилось. Однако самым примечательным можно назвать одно переименование, ставшее символом окончательного отхода в прошлое двух самых кровопролитных в мире режимов. Волжский город Царицын, получивший название Сталинград в память о доблестной защите его Сталиным в годы гражданской войны, через несколько лет после смерти вождя стал называться Волгоградом.

Глава вторая

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ ДЕСПОТЫ

Удар меча... на протяжении всей человеческой истории это было главное средство, к которому прибегали правители, утоляя безумную жажду побед и власти.

Если жертвы власти корчатся от боли, власть воспринимает это как неблагодарность.

Рабиндранат Тагор (1916)

Гунн Аттила

Массовые грабежи, воровство и насилие многие столетия были составной частью жизни народов Северной Европы. Благодаря грекам и римлянам Средиземноморье стало колыбелью цивилизации, однако варварские племена, проживавшие на севере, никогда не оставляли эти земли в покое, то и дело совершая опустошительные набеги. В работах греческого историка Геродота, родившегося в 484 году, есть описания дикого племени скифов, населявших северное побережье Черного моря, которые делали себе одежды из кожи врагов, а черепа использовали качестве кубков и пили из них кровь своих жертв. В 410 году Рим пережил нашествие готов, ринувшихся на юг с территории сегодняшней Швеции. Шесть дней они убивали и насиловали на улицах Вечного города. Почти пятьдесят лет спустя до Рима добрались злобные вандалы, опустошив перед тем германские, галльские, испанские и североафриканские земли. Племена саксов, франков и викингов также славились жестокостью

и воинственным духом, однако среди всех варварских племен, терзавших Европу в то далекое время, ни одно не вселяло в человеческие сердца больше ужаса, чем племя гуннов, чьи корни остались в пустынных степях Монголии.

Во втором веке китайцы прогнали гуннов с их исконных земель, и лихие конные полчища двинулись на запад, хладнокровно истребляя все племена, попадавшие на пути. В конце концов они снова осели к северу от Дуная, между Волгой и Доном, кое-как наладили отношения с соседними римлянами и даже помогали их легионам усмирять наиболее беспокойные племена. Рим ежегодно выплачивал гуннскому королю Руасу 350 фунтов золота, но вместе с тем держал у себя нескольких заложников в качестве гарантии благоразумного поведения гуннов. Племянник короля Аттила, родившийся в 406 году, все свои молодые годы прожил в Италии в качестве заложника. Там он приобрел неоценимый опыт, пригодившийся ему позднее, когда за многочисленные кровопролитные походы его окрестили «Бичом Божиим». Аттиле было двадцать семь лет, когда умер король Руас. Он начал править гуннами совместно со своим братом Бледой. Вместе они укрепили государство, одержав победу над могущественным племенем остготов. К 444 году гунны овладели всей территорией современной Венгрии и Румынии, затем, чтобы стать единоличным правителем, Аттила убил своего брата. Теперь он был готов выступить против Рима. Жалобная мольба о помощи отчаявшейся девицы послужила необходимым поводом для начала войны.

Гонория, сестра римского императора Валентиниана III, попала в скандальную историю, забеременев от его приближенного. Валентиниан сослал ее в Константинополь, где в кругу религиозных родственников Гонория оказалась на положении пленницы. От отчаяния и скуки молодая женщина тайком послала Аттиле в Будапешт свое кольцо вместе

с запиской, в которой обещала вождю гуннов стать его невестой, если он сумет вызволить ее.

У Аттилы было уже достаточно жен, но тем не менее к призыву римской принцессы он отнесся с должным почтением и попросил у Валентиниана руки Гонории... и половину Римской империи в качестве приданого. На неминуемый отказ гунн ответил яростной атакой.

Во главе полчищ своих соплеменников он быстро продвигался на юг через Македонию, — большая часть которой сегодня принадлежит Греции, — и в 447 году оказался у врат Константинополя. Римлянам удалось откупиться, пообещав увеличить ежегодную выплату гуннам до 2100 фунтов золота и наделив их щедрыми дарами. Аттила повернул свои войска назад и благополучно возвратился восвояси, но всего четыре года спустя он повел огромную объединенную армию гуннов, франков и вандалов через Рейн в поход на Галлию. Безжалостно сметая города на своем пути, варвары уже готовились напасть на Орлеан, но город спасло появление римских легионов, союзников армии вестготов. Аттила оттянул свои войска на большую равнину близ городка Шалон-на-Марне и приготовился к бою. Битва продолжалась весь день. Обе стороны понесли ужасающие потери. Один очевидец этих событий рассказывал позже, что рукопашная схватка была «упорной, безжалостной, бескрайней». Король вестготов стал одним из многих тысяч погибших. Но в результате Аттиле пришлось отступить за Рейн. Историки считают битву при Марне одной из самых жестоких, какие происходили в мире. Говорят, что если бы римляне тогда не победили, сегодня, возможно, большинство европейцев имело бы раскосые, монголоидные лица.

Аттила был обескровлен, но не побежден. Прошел всего лишь один год, и его войска снова вторглись в Италию. Аквелья, главный город провинции Венеция, был уничтожен до основания после

того, как варвары зверски надругались над его жителями. Затем орды гуннов спустились к Адриатике, уничтожив граждан Конкордии, Алтинума и Падуи, прежде чем сжечь их владения. Те, кому удалось спастись, бежали на острова в лагунах, куда не могли добраться всадники. Так возник город Венеция.

Помешанный на власти язычник повернул свою армию в сторону Милана и равнин Ломбардии. Он убивал и грабил до тех пор, пока полностью не разорил всю северную Италию. Когда угроза нависла над самим Римом, Папа Лев I храбро покинул пределы Ватикана, чтобы самолично поговорить с неукротимым захватчиком с глазу на глаз. Этот решительный шаг обескуражил Аттилу. Он согласился увести свои войска из-под стен Рима, не тронув его, однако грозился на прощание, что вернется, если обиды, нанесенные Гонории, не будут искуплены.

Однако миру не суждено было больше страдать по воле одного из самых безжалостных деспотов в истории. 15 марта 453 года он закатил гигантское пиршество в честь своей новой жены, девственной красавицы Ильдики. В ту же ночь, при попытке осуществить супружеские обязанности у Аттилы разорвалась артерия, и кровожадный вождь умер от потери крови.

Русский царь Петр Великий вошел в историю, как реформатор России, внедривший в свою державу обычаи, бытовавшие в Европе, и активно развивавший торговлю. Но в то же время варварская жестокость этого человека не уступала бесчинствам знаменитого русского тирана Ивана Грозного. Когда в 1698 году в Москве войска подняли мятеж, Петр лично наблюдал за кровавой расправой, в результате которой погибло 1200 человек. В течение двух месяцев людей секли розгами, подвешивали на дыбах и поджаривали на медленном огне. Петр сам исполнял роль палача, самозабвенно размахивая топором, и настаивал, чтобы обезглавленные тела многие месяцы оставались неубранными в качестве предостережения для остальных.

Чингисхан

Спустя почти что восемьсот лет после Аттилы Европа затрепетала перед новым монгольским триумфатором, оставшимся в истории благодаря несравненной хитрости и жестокости. Он родился в 1162 году и был назван Темучином в честь вождя племени, которое только что победил его отец, Есукай. Когда ему было тринадцать, Есукай попал в засаду и погиб. Темучин оказался в эпицентре всероломной внутриплеменной борьбы за власть и не ударил в грязь лицом, выйдя из этой борьбы победителем. Он хладнокровно убил собственного брата из-за куска рыбы. Он вырезал всех мужчин, женщин и детей из племени номадов, которые осмелились похитить его жену. И хотя соперники тоже не отставали — один даже сварил семьдесят человек в котлах для приготовления пищи — весной 1206 года Темучин сделался достаточно могущественным, чтобы подчинить своей воле все монгольские племена. Создав дюжину наиболее воинственных вождей на берегу реки Онон, Темучин провозгласил себя их главою и принял новое имя — Чингисхан, что означало «непревзойденный воин».

Китай первый пострадал от нового беспокойного соседа. Кин Тартарс, правитель северной половины страны, с радостью принял предложенную Чингисханом помощь в подавлении беспорядков. В 1211 году этот опрометчивый шаг обернулся крупными неприятностями. Войска Чингисхана, побывав за Великой Китайской стеной, изучили местность и даже сумели подкупить стражей некоторых ворот. Монгольская армия лавиной хлынула на юг, осаждая и разграбляя города, топча и выжигая урожай. К 1214 году Чингисхан почти полностью овладел территорией к северу от Желтой реки и предложил императору Кину мир, при условии, что: «мои люди и военачальники получают богатые дары, дабы усмирилась ярость их». Таким образом, в числе прочей военной добычи монголы увезли домой двоих царственных принцесс, пятьсот китайских

юношей и девушек, три тысячи коней и стадо редких белых верблюдов. Но не прошло и года, как завоеватели вернулись обратно, безжалостно осаждая уцелевшие после первого вторжения города.

Очень скоро владения Чингисхана превратились в мощную империю, основанную на страхе, где любые протесты карались немедленной смертью. Дикий монгольский властелин устремил свои взоры на запад. Там между Гангом и Тигром лежали земли шаха Мохаммеда. Сегодня эту территорию делят между собой Туркестан, Иран и Северная Индия. Чингисхан послал к шаху посольство с обещанием мира и предложением торговать. Ответ показался благосклонным, и вскоре первый торговый караван, состоявший из сотни монголов, прибыл в приграничный город Отрар. Однако правитель города Инальюк приказал перебить всех коммерсантов как шпионов. Разъяренный Чингисхан снова послал гонцов к Мохаммеду и потребовал выдать ему отрарского правителя. Вместо этого шах обезглавил начальника ханского посольства, а остальных парламентариев отослал назад с отрезанными бородами. Подобное оскорбление стоило шаху королевства, и в результате над Европой нависла беспрецедентная опасность.

Четырехсоттысячное войско шаха Мохаммеда выстроилось вдоль берега Сырдарьи, чтобы предотвратить вторжение, но Чингисхан расправился с ними, как с ягнятами, приведенными на заклание. Его армия нанесла удар по трем направлениям. Одна ее часть атаковала стратегически важные города Бухару и Самарканд, а две остальные перешли через горы на севере и осадили Отрар. Ожесточенная битва завершилась казнью вероломного правителя — захватчики в глаза и уши Инальюка залили расплавленный металл. Затем вторая часть монгольской армии повернула на юг, чтобы соединиться с первой под стенами Бухары, а оставшиеся сорок тысяч человек, возглавляемые самим Чингисханом, исчезли в бескрайних просторах пустыни Кызылкум. В самый неожиданный для защит-

ников Бухары момент они появились вновь в тылу войск шаха Мохаммеда. Почувствовав, что дело плохо, шах бежал из осажденного города, предоставив опьяненным победой монголам вершить на его улицах свою страшную вакханалию. Защитники города были убиты. Горожанам приказали покинуть полуразрушенные дома, чтобы никто не мешал захватчикам спокойно грабить. Затем женщин изнасиловали на глазах у семей, искусных мастеровых увели с собой в рабство, а остальных изрубили мечами.

Монгольская армия существенно превосходила военной мощью скованные ужасом войска противника. Холсная пехота шаха была беспомощна перед полчищами всадников, метавших тучи смертоносных стрел и безжалостно топтавших копытами уцелевших воинов с их бесполезными кривыми мечами и копьями.

Если город или крепость казались монголам слишком хорошо укрепленными, они делали вид, что отступают, и, выманив таким образом защитников, которые, попавшись на удочку, бросались в погоню, уничтожали их с дикой жестокостью. Продвигаясь вглубь земель шаха, монголы гнали перед собой толпы пленников, пользуясь ими как живым щитом. Гигантские катапульты, управляемые доброй сотней монголов каждая, швыряли огромные каменные глыбы в стены городов. Остальные преграды устранялись с помощью доселе неведомого Западу средства — пороха.

Города, добровольно открывавшие захватчикам свои ворота, оставались целы. Сопrotивлявшихся, таких, как Самарканд, не щадили. К стенам этого города войска Чингисхана подступили в мае 1220 года и обнаружили там хорошо окопавшийся гарнизон из пятидесяти тысяч человек. Тогда монголы прибегли к излюбленной хитрости — бросились бежать. Обманутые защитники Самарканда кинулись за ними вдогонку и были изрублены на мелкие куски. Лишившись половины своих наемников, самаркандские жители сдались на милость Чингисха-

на, оставив в осажденном городе одних только воинов, которые вскоре умерли от голода. Почти что тридцать тысяч горожан монголы угнали с собой, чтобы использовать в роли живого щита при очередной осаде.

В Ургенче монголы убили всех мужчин, а женщин и детей угнали в рабство. Напоследок они взорвали плотину, и вода затопила руины разоренного города. В Термезе Чингисхан приказал вскрывать все тела убитых, после того как обнаружил, что одна старая женщина успела проглотить немного жемчуга. В Низе сын Чингисхана Туле связал всех жителей руки за спиной и наблюдал, как они умирают под градом стрел. В Мерве всем беднякам отрубили головы, а состоятельных людей подвергали зверским пыткам, чтобы выведать, где они спрятали свои богатства. Когда Чингисхану сдался город Нишапур, монгольский вождь приказал построить три отвратительные пирамиды — одну из мужских отрубленных голов, другую из женских и третью из детских.

Шах Мохаммед не вынес несчастий, свалившихся на его государство, — бежал в маленькую деревушку на берегу Каспийского моря и там скончался от плеврита. Узнав об этом, Чингисхан стал преследовать его сына и наследника, Джелаледдина. Путь его пролегал на юг через Афганистан, и повсюду сотнями гибли мирные, ни в чем не повинные люди. Когда молодой шах нашел убежище у султана Дэли, монголы в ярости разграбили Лахор, Пешавар и Меликпур и повернули обратно на северо-запад. По дороге Чингисхану передали, что жители Херата, сдавшегося без боя и потому не тронутого завоевателями, сместили правителя, назначенного им перед уходом. Бунт окончился шестимесячной осадой и затем неделю продолжавшейся резней. На этот раз после ухода монгольской армии от города остались руины, заваленные горами трупов. Чингисхан поспешил возвратиться на родину, где ему предстояло разобраться с племенем Тангут, не пожелавшим выслать ему военное подкрепление во время кампании против шаха Мохаммеда.

Грозный хан собирался стереть непокорное племя с лица земли, но годы беспокорной походной жизни подорвали его силы. Внезапно навалившаяся старость совершила то, чего не смог сделать ни один злейший враг Чингисхана. В 1227 году во время осады столицы тангутов Нингзии он заболел и умер в возрасте шестидесяти пяти лет. Наследником он назначил своего сына Джагатая, но приближенные вождя решили скрывать факт его смерти до тех пор, пока сын не овладеет ситуацией и не вступит во власть. Благодаря этому последними жертвами человека, которого историки считают «самым могущественным и кровожадным завоевателем всех времен и народов», стали случайные свидетели похоронной процессии в долине Килиен. Все они были убиты.

Убивая, Чингисхан не всегда проливал кровь своих жертв. Однажды он одержал победу над племенем, вождем которого был его друг детства. Чингисхан предложил сохранить ему жизнь, но поверженный противник настаивал на казни. Тогда Непревозданный Воин решил убить бывшего приятеля бескровным способом, завернув его в ковер и забив до смерти.

Чингисхан оставил после себя империю, простиравшуюся от Китайского моря до Персидского залива. Страны, весьма неуютно ощущавшие себя в качестве соседей, понадеялись, что смерть страшного монгольского властелина положит конец захватническим кампаниям его народа. К несчастью, они ошиблись. Чингисхан породил целую династию безжалостных, ненасытных правителей, каждый из которых самоутверждался, посягая на соседские территории. Наследник Чингисхана Джагатай свои первые годы у власти посвятил укреплению позиций монголов в Китае и расширению империи на землях Кореи. Затем, следуя примеру отца, он переключился на западное направление. На этот раз монгольские полчища отправились через Центральную Азию в Восточную и Центральную Европу. Первыми жертвами стали Тифлис и Рязань.

Все ценное из этих городов было вывезено, а жители уничтожены. Москва, в то время крохотный деревянный город, не вызвала у захватчиков каких-либо проблем. В Козельске, упорно сопротивлявшемся монгольским войскам, устроили такую страшную резню, что, покидая его, в насмешку дали городу новое имя Мобалиг, что в переводе означает «город скорби». В конце концов пал сам Киев, звавшийся «матерью городов русских». Жители были убиты, а дома их разрушены.

Далее монгольская армия разделилась. Один из старейших военачальников Чингисхана Субатай по трем направлениям повел наступление на Венгрию, собираясь воссоединиться с остальной армией у Дуная. Прежде всего следовало проследить, чтобы армии Польши, Германии и Богемии не поспешили на помощь грозным венгерским мадьярам. Для этого часть монгольских войск вторглась в Польшу, приводя в смятение местных, привыкших к традиционно неторопливым боям, военачальников стремительным напором и скоростью продвижения. Польская армия была разбита под Зидловом, а германская под Лигницем. Богемцы спешно отступали. Менее чем за месяц монголы покрыли расстояние в шестьсот сорок километров, одержали две убедительные победы в сражениях, захватили четыре главных города и расчистили себе путь к основной цели — к Венгрии.

Венгерский король Бела IV собрал своих воинов, чтобы сразиться с Субатаем на берегу Дуная, но монгольский военачальник решил уклониться от битвы на невыгодной для его всадников территории и начал отступать к реке Саджо. Венгры преследовали их шесть дней, все дальше и дальше отходя от своей крепости. На рассвете седьмого дня Субатай неожиданно пошел в атаку. Большинство воинов Бела еще спали. К середине дня семьдесят тысяч мадьяр были убиты. «Они падали направо и налево, как листья с деревьев перед приходом зимы, — писал летописец. — Дороги на два дня пути

от поля битвы были усыпаны трупами пытавшихся бежать».

Субатай ворвался в Будапешт. Тем временем часть его армии, сметая все на своем пути, пустилась в погоню за королем Белой, который бежал на Адриатическое побережье. В рождественский день 1241 года монгольская армия перешла скованный льдом Дунай и захватила город Эцтергом. Европа с трепетом ожидала, каким будет следующий шаг монголов, но азиаты неожиданно повернули назад. До них дошла весть, что Оготай погиб. Теперь должна была начаться самая жаркая из битв — битва за власть, и никто не хотел ее пропустить.

Это случилось за десять лет до того как Мангу, сын тирана Туле, утвердился в качестве бесспорного всемонгольского вождя. К тому времени в Персии начались беспорядки, подогреваемые измаилитами, и Мангу вынужден был послать своего брата Халагу на Ближний Восток штурмовать крепость зловещей секты, получившей известность под названием «убийцы». Халагу осадил Багдад, главный город региона. Его защитники сопротивлялись в течение месяца, но все-таки сдались в феврале 1258 года.

Чингисхан дал Монголии первый — записанный на бумаге — свод законов. Человек, отказавшийся от работы, помочившийся в проточную воду или уличенный в обжорстве, считался преступником. Кара за все эти преступления была одна — смертная казнь.

Мародеры Халагу вырезали всех жителей города, а султана затоптали лошадьми. Затем они подошли к руинам и направились в Сирию, где опустошили Алеппо, Дамаск и уже собирались напасть на Иерусалим, когда пришло известие о смерти Мангу. Снова смерть одного человека предотвратила многие тысячи других смертей. Халагу с войском поспешил на родину.

Кублахан был единственным правителем в этой смертоносной династии, гуманно обращавшимся с пленниками и запретившим бессмысленную резню. Тридцать четыре года своего правления он по-

святил покорению Южного Китая, Тибета, Вьетнама. Он попытался даже завоевать Японию, но это у него не получилось. После его смерти империя развалилась на части из-за междоусобной борьбы наследников. Китайцам вскоре удалось сбросить монгольское иго. Войско царственной династии Минг изгнало диких захватчиков назад в их родные монгольские степи.

Тамерлан Великий

Миру, вздохнувшему наконец спокойно после распада монгольской империи, предстояло еще услышать о последнем безжалостном вожде монголов. В 1336 году в городе Кеш близ Самарканда родился мальчик, названный Тимуром. Он приходился праправнуком Чингисхану и с детства мечтал возродить славу и блеск империи своего грозного предка, разделенную теперь на мелкие княжества. Из-за врожденной хромоты в родном городе его прозвали Тимур-и-Ленг, что означало Тимур Хромоножка. Мир запомнил его как Тамерлана Великого, жестокого военачальника, склонного к садистским зверствам.

В тридцать три года он узурпировал трон в Самарканде и таким образом получил необходимую власть, чтобы начать захватнические походы. Прекрасная военная подготовка помогла ему завоевать Персию, Туркестан, Украину, Крым, Грузию, Месопотамию и Армению. Правители, обращавшиеся к нему за военной помощью, часто оказывались обманутыми вероломным монголом. Водворив порядок в очередном государстве, он забирал власть над ним в свои руки. Скинув с трона хана-соперника, Тамерлан овладел Россией, потом захватил Индию. Кровавый шлейф тянулся за его армией до самого Дели, который был превращен в руины и лишился жителей.

Подобно своим предкам, Тамерлан, высокий, крупноголовый и седой с самого детства, старался

страхом держать в повиновении завоеванные народы. В разраставшейся империи нередко случались восстания, но все они жестоко подавлялись. Целые города полностью стирались с лица земли, все их население уничтожалось. На потеху императора сооружались внушительные пирамиды из черепов. Дважды он замуровывал заживо тысячи бунтовщиков, обрекая их на медленную смерть от голода и удушья. Однажды ему пришлось в голову столкнуть всех своих пленников со скалы в пропасть.

По завершении своей индийской кампании Тамерлан устремился в Сирию свести старые счеты с вождями, отказавшими ему в помощи во время предыдущих военных походов. Алеппо был осажден и разрушен, в 1400 году оккупирован Дамаск. Багдад, не вполне еще оправившийся после резни, учиненной Халагу, снова был опустошен огнем, и двадцать тысяч его жителей были зарублены мечами. В 1402 году Тамерлан обрушил свой гнев на Анатолию, обезглавив пять тысяч оттоманских воинов после продолжительной осады. Их султана увезли в плен в железной клетке и убили.

Возрожденный кровавый кошмар прошедших столетий прекратился только со смертью Тамерлана. В январе 1405 года монгольские полчища направлялись штурмовать китайские границы. Во время похода, раскинув лагерь на берегу Сырдарьи, Тамерлан заболел и умер. По иронии судьбы это произошло в Отраре, городе, правитель которого так неосторожно разжег огонь монгольской ярости, казнив торговый караван Чингисхана двести лет назад. Многим миллионам людей пришлось расплачиваться своими жизнями за этот глупый, жестокий поступок.

Иван Грозный

В июле 1662 года разъяренная пятитысячная толпа направилась к подмосковному дворцу русского царя Алексея Михайловича. Неурожай и за-

тянувшаяся война с Польшей истощили терпение народа. Люди взбунтовались против больших налогов, инфляции, алчности чиновников и потребовали от царя обещания облегчить их существование. Но царь разрешил проблему вовсе не тем способом, которого ожидали его многострадальные подданные. Согласно историку В. О. Ключевскому, «царь Алексей позвал на помощь стрельцов, которые устроили массовую резню, затем последовали аресты, пытки и казни. Сотни человек были утоплены в Москве-реке, и целые семьи сосланы на поселение в Сибирь». Алексей был по натуре набожным и творческим человеком. Он пытался передать управление страной министрам. Но тем не менее, унаследовав трон и законы от своих жестоких предков, многие из которых были монгольских кровей, Алексей Михайлович оберегал их столь же ревностно и безжалостно. Любой вызов, брошенный царской властью, карался пытками, изгнанием и смертной казнью. Преданность избранных аристократов покупалась землями и всевозможными почестями. Крестьяне, составлявшие девяносто процентов населения, жили под игом средневекового крепостного права, не позволявшего получить образование, поменять занятие, даже самостоятельно выбрать себе супруга. Если же крестьяне выражали недовольство своим рабским положением, солдаты и тайная полиция быстро наводили порядок, не гнушаясь никакими методами. Четыреста лет цари управляли Россией с помощью страха. Однако немного сыщется царей, внушавших такой же страх, как Иван IV, прозванный Грозным.

Иван родился в августе 1530 года и в раннем детстве остался сиротой. Его отец Василий, великий князь Московский, умер, когда мальчику едва исполнилось три года. Когда ему было пять, он лишился матери, которая исполняла роль регентши. Ее отравили царедворцы. Таким образом, будучи еще совсем ребенком, будущий царь оказался обделен заботой и родительской лаской. Между мо-

гущественными боярскими родами разгорелась борьба за власть, в которой малолетний Иван был всего лишь пешкой, переходившей из рук в руки вследствие отвратительных кровавых разборок между родственниками. На глазах у мальчика взбунтовавшаяся толпа разорвала его дядю. Тем не менее Иван быстро научился давать сдачи. Свой первый приказ убить человека он отдал в тринадцатилетнем возрасте. Его первой жертвой стал боярин Шуйский, скормленный собакам.

В 1547 году Иван вступил на царство и на смотринах красивейших и знатнейших девиц государства выбрал себе невесту, пятнадцатилетнюю Анастасию. Она родила ему шестерых детей, но только двое из них остались в живых к моменту ее смерти в 1560 году. Смерть детей, потеря любимой, спокойной и уравновешенной супруги, психологические травмы, полученные в детстве, — все это, конечно же, повлияло в какой-то степени на необузданные вспышки насилия, проявившиеся в характере молодого самодержца.

Сперва Иван избавился от своих ближайших советников, личного духовника отца Сильвестра и дворянина Алексея Адашева, объявив, что они замыслили убить Анастасию. Затем он покинул Москву и удалился в провинцию, фактически заточив себя в монастырь. Депутация из представителей всех слоев общества явилась к нему и умоляла вернуться на престол, дабы избежать безвластия. Иван согласился при условии, что ему будет позволено управлять страной так, как он считает нужным, без какого-либо постороннего вмешательства. Разумеется, его условия были приняты, и царь возвратился в столицу. Первым делом он разделил российский народ на две большие группы. Одной частью безраздельно правил царь, а другой управляла армия его чиновников.

Затем, чтобы хорошенько напугать своих подданных, Иван ввел печально знаменитую опричнину. Опричники наделялись чрезвычайными пол-

номочиями карать врагов государства. Они разъезжали повсюду в черных плащах, на черных конях, и на седлах у каждого было изображение метлы и собачьей головы. Эти люди с безграничной жестокостью расправлялись со всеми, кого подозревали в заговоре против Ивана. С их помощью царь свел многие старые счеты. С плеч полетели головы более четырех тысяч дворян. Семья Старицких, доводившаяся родственниками Ивану и, следовательно, представлявшая потенциальную опасность для его власти, была полностью уничтожена. Когда митрополит Филипп, глава московской православной церкви, проклял опричников и отказался благословить царя, безжалостные черные всадники выследили старика и жестоко с ним расправились.

Иван Грозный сам нередко принимал участие в оргиях опричников, пытая, насилуя и убивая вместе с ними. Его ярость была неописуема, когда один из информаторов доставил донесение о том, что жители Новгорода, второго по величине и значимости города тогдашней России, замыслили мятеж. Не давая себе труда проверить информацию, которая наверняка не соответствовала действительности, Иван с отрядом опричников отправился на север разорять дворянские семьи, монастыри и церкви в радиусе восьмидесяти километров от злосчастного города. Опустошив все окрестные поля, царь повелел обнести Новгород деревянным забором, дабы никто не убежал, и затем пять недель наблюдал за самой настоящей резней, а временами и сам принимал в ней участие.

Жен и мужей заставляли смотреть, как пытаются их детей и родителей. Многие женщины были живьем зажарены на вертелах. Массовыми убийствами занимались почти как спортом. Один немецкий торговец писал: «Усевшись на лошадь и размахивая копьем, он (Иван) разгонялся и сходу нанизывал людей на острие, развлекаясь подобным образом на глазах у собственного сына...». Позже советские

схоласты утверждали, что тогда погибло не более двух тысяч человек, но западные историки полагают, что в Новгороде было уничтожено около шестидесяти тысяч невинных жителей. Садистская расправа Ивана над Новгородом и позже над Псковом, также заподозренным в измене, произвела неизгладимое впечатление на царских оппонентов. Когда русские войска вторглись в соседнюю Ливонию, один из осажденных гарнизонов предпочел взорвать себя, лишь бы не попасть в лапы свирепого тирана.

В 1572 году Иван Грозный внезапно распустил опричников и запретил всякое упоминание о них. На протяжении всей жизни вспышки невероятной жестокости сменялись у царя периодами маниакальной религиозной депрессии. Тогда он публично калялся в грехах и надевал рублище. Быть может, это было действительно искреннее раскаяние после шести лет террора. Также возможно, что турки, атаковавшие южные границы России, заставили царя отложить разборки с врагами внутри страны или же к тому времени Иван уже уничтожил всех, кто ему мешал.

Многолетнее кровавое правление легко сходило Грозному с рук благодаря поддержке православной церкви. Западная Европа переживала религиозный кризис, и православное духовенство опасалось, что протестантское свободомыслие проникнет на русскую землю, ослабив их власть над темным, непросвещенным народом. В обмен на поддержку своей жесткой линии в отношении различных религиозных ересей, не исключавшую даже сжигание на костре, православная церковь обеспечивала безоговорочное отпущение грехов и со временем превратилась в царский пропагандистский орган. Если очередной крестьянский бунт жестоко подавлялся, во всех грехах принято было винить нерадивых, продажных чиновников. Иван Грозный, конечно же, был ни при чем.

Впрочем, для некоторых русских царь Иван не

был Грозным. Они получали от него власть и новые обширные земли на завоеванных территориях к северу от Черного моря и в Сибири. Однако войны, в результате которых Россия получала эти земли, и военные кампании, ничего не дававшие России, требовали больших расходов и ложились тяжким налоговым бременем на землевладельцев и крестьян. К концу правления Ивана Грозного, как сообщал в Лондон английский посол Джайлз Флетчер, «положение стало настолько отчаянным, что народ надеется на какое-либо иностранное вторжение, каковое, по-видимому, является единственным способом избавить их от непосильного ига власти Иоанновой».

Но был и другой способ — смерть царя. Она наступила в марте 1584 года. Тремя годами ранее Иван в пылу ссоры убил собственного сына и наследника. Распутная жизнь — у него было шесть жен и неисчислимое количество любовниц — подорвала здоровье царя. Смерть настигла его, когда он собирался играть в шахматы.

Но даже смерть Ивана Грозного не избавила Россию от экономического и политического кризиса. Наследником Ивана стал его второй сын, слабоумный царевич Федор. Через некоторое время выяснилось, что он не в состоянии управлять страной. Россия на тридцать лет погрузилась в хаос, пережила шведскую и польскую оккупации, прежде чем на престол вступили Романовы — родственники первой жены Ивана Грозного Анастасии, которым в конце концов удалось восстановить авторитет царской власти.

Историки по сей день спорят, сознательно ли совершал свои преступления кровожадный русский царь, или же он страдал тяжелым психическим расстройством. Одни оправдывают его садизм психологической травмой, полученной в детстве, другие считают, что виной всему был дефект позвоночника. Должно было пройти почти триста пятьдесят лет, прежде чем нашелся человек, открыто заявив-

ший, что опричники сыграли «прогрессивную роль» в русской истории, и утверждавший, что единственной ошибкой монарха стала приостановка тотальных чисток. Эта неожиданная точка зрения принадлежала Иосифу Сталину. Вышележащая глава доказывает, что Сталин не повторил той же «ошибки».

Османские султаны

На протяжении всего девятнадцатого века Турция считалась в Европе больной овцой. Один кризис сменял другой. Самым страшным стала кровавая Крымская война, в ходе которой континентальные супердержавы решили поддержать агонизирующий режим некогда великих османских султанов, чтобы не допустить конкурентов, таких, как Россия, в Константинополь, через который пролегли важные торговые пути. Пустившись на этот шаг, западный мир вскоре с возмущением понял, что Турция была еще больнее, чем им казалось прежде, только в другом смысле этого слова.

Подобно монголам османский султанат возвысился в прошлые века в результате беспощадных захватнических войн. Массовые убийства пленников считались аксиомой военной жизни. К 1588 году, когда английский флот одержал победу над испанской армадой, султанам была подвластна империя, охватывавшая все Средиземноморье, простиравшаяся от города Аден, порта на Красном море, до Будапешта и Белграда, от Крыма до Алжира. Огромные территории, принадлежащие сегодня Венгрии, Польше и России, подчинялись тем же властителям, что и народы Греции, Египта, Туниса, Ливии, Ливана, Сирии, Израиля, Югославии, Румынии и Болгарии. Любой мятеж среди тридцатимиллионного населения беспощадно подавлялся.

Однако абсолютная власть не только развратила династию султанов, она ослепила их настолько, что они не замечали перемен, происходящих за погра-

ничными бастионами их государства. В 1876 году восстание в Болгарии было подавлено с традиционной жестокостью. Османские войска устроили безумную кровавую оргию, в результате которой погибли двенадцать тысяч мужчин, женщин и детей. Но к тому времени на Западе уже существовали газеты, и миллионы их читателей ужаснулись, узнав о подобном проявлении средневекового варварства. Историкам предстояло обнаружить, что эта бесчеловечная тирания успешно и безнаказанно сосуществует бок о бок с их «цивилизованным» миром на протяжении трехсот пятидесяти лет и, более того, благополучно продолжит свою историю в двадцатом веке.

Султаны Османской империи имели больше поводов опасаться заговоров, чем кто бы то ни было. В стенах их дворца Гранд Сераль широко практиковалась древняя традиция удушения неугодных глухонемыми при помощи шелкового шнурка. Магомет Завоеватель (1431—1481) издал указ, в соответствии с которым официальный наследник султана имел право «убивать своих братьев во имя сохранения мира во всем мире». Новый закон был призван исключить губительную для страны борьбу за власть между возможными наследниками. Когда Магомет III вступил на престол в 1595 году, оказалось, что, благодаря усердию отца, ему придется убить девятнадцать братьев в возрасте от одиннадцати лет и младше и семерых беременных наложниц бросить в мешках в Босфор.

Позже установилась практика заточать ближайших родственников султана в лишенные окон помещения Гранд Сералья до тех пор, пока смерть очередного правителя не призовет их на трон. Отрезанные от внешнего мира, наследники жили в компании глухонемых слуг и стерилизованных наложниц. Многие из них попросту сходили с ума к моменту вступления во власть, ведь заточение иногда длилось по тридцать лет. Эта антигуманная традиция была упразднена только лишь в 1789 году. К

тому времени безумие было уже генетически заложено в крови османских диктаторов.

Сулеймана Великолепного, правившего с 1520 по 1566 год, большинство историков считают последним великим султаном. В 1526 году он захватил новые венгерские земли, вырезав двести тысяч человек, из которых две тысячи были убиты для развлечения скучающего правителя, так, чтобы он мог видеть казнь со своего трона. Сто тысяч венгров угнали в качестве рабов в Константинополь. Тремя годами позже, для того чтобы сломить сопротивление упрямых защитников Вены, Сулейман приказал прочесать окрестные деревни и, отобрав самых прелестных девушек для турецких гаремов, бросить остальных крестьян в гигантский костер, разложенный в виду городских стен.

Сын Сулеймана Селим II был пьяницей, невзирая на то что Коран запрещает потреблять алкоголь. Его любимое вино производили на Кипре, которым в то время владели венецианские правители. Османский султан пожелал подчинить цветущий остров. Захватив Никосию, турки убили тридцать тысяч человек. Гарнизон ключевой крепости Фамагуста два года героически держал оборону. Когда крепость все-таки пала, захватчики пообещали сохранить жизнь самоотверженным защитникам, но вместо этого перебили всех до одного. С начальника гарнизона с живого содрали кожу и, набив соломой, демонстрировали перед турецкими войсками. Венеция, Испания и Австрия отомстили, разгромив османский флот при Лепанто. В бою погибло пятьдесят тысяч турок. Но Османский султанат по-прежнему владел Кипром. В 1574 году Селим поскользнулся, забираясь в ванну после очередной попойки, и умер, проломив себе череп.

Его сын, Магомет III, тот самый, который убил девятнадцать братьев, обладал неумным темпераментом и любил смотреть, как женщинам прижигают груди каленым железом. Осман II, пробывший у власти менее года, пока его не убили в 1618

году, любил пострелять из лука, но только если его мишенями были военнопленные или мальчишки-пажи. Пока эти двое и последовавший за ними ряд незначительных султанов развлекались всевозможными извращенными зверствами, империя начала разваливаться. Голод опустошал целые регионы. Налоги росли. Железная дисциплина, составлявшая некогда главную силу Османской империи, исчезла.

Мурад IV, дикий, черноглазый великан, придя к власти в 1623 году, попытался возродить былое величие. За то что янычары, отборные войсковые части султана, вынудили его отправить в отставку главного министра и шестнадцать прочих важных государственных чиновников, он велел задушить пятьсот военных прямо в казармах. Затем султан принялся за остальных своих подданных, как пишет в своей замечательной книге «Властелины Золотого Рога» писатель Ноэл Барбер.

«Мурад быстро нашел панацею от всех бед государства, — рассказывает Барбер. — Он отрубал головы всем, кто попадал под малейшее подозрение. В 1637 году он именем закона казнил двадцать пять тысяч человек, причем многие приняли смерть из его собственных рук. Он расправился с Великим Муфтием за то, что тот высказывал недовольство качеством дорог в стране. Он обезглавил своего главного музыканта за исполнение персидской мелодии. Он любил инкогнито наведываться по вечерам в таверны и выслеживать курильщиков. Обнаружив курящего человека, он немедленно открывал свое имя и убивал неверного на месте. Как-то застав за курением своего садовника и его жену, Мурад отрубил им ноги и выставил на публичное обозрение, оставив обоих несчастных истекать кровью».

Один венецианец решил надстроить свой дом дополнительным этажом и был за это повешен, потому что Мурад решил, что иностранец собрался шпионить за султанским гаремом. Француза, встречавшегося с турецкой девушкой, по приказу Мурада посадили на кол. Согласно Барберу, Мурад «мно-

гие часы проводил, осуществляя свое право на десять невинных душ в день, стреляя из аркебузы по прохожим, оказывавшимся слишком близко от его дворца. Однажды он утопил несколько женщин, повстречавшихся ему на лугу, из-за того, что ему не понравились производимые ими звуки. А когда мимо стен дворца Сераль проплывала лодка, полная женщин, он приказал своим воинам открыть по ней огонь...».

Зверства Мурада не ограничивались территорией его собственной страны. В 1638 году он повел войска в столицу Персии Багдад. После шестинедельной осады султан приказал перерезать весь гарнизон в количестве тридцати тысяч человек. Когда во время похода случайно взорвались боеприпасы и несколько турок погибло, Мурад убил тридцать тысяч ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей.

Но Мурад IV стал последним грозным османским покорителем народов. Самой выдающейся победой его сына Ибрагима стало лишение невинности дочери Великого Муфтия, высшего духовного лица Турции. Когда одна из наложниц Ибрагима согрешила с посторонним человеком, султан приказал посадить в мешки всех двести восемьдесят принадлежавших ему девушек и утопить их в Босфоре. Чего только ни прощал Константинополь своему султану, но настолько вопиющий акт насилия не сошел Ибрагиму с рук. Великий Муфтий отомстил, организовав государственный переворот, сместив султана, а затем удушив его вместе с матерью и любовницей.

Османская армия вскоре утратила ореол непобедимости. В 1683 году объединенная европейская армия пресекла вторую попытку османцев овладеть Венной. В 1790 году войска русской императрицы Екатерины Великой заняли Измаил, турецкую крепость в сорока милях от Черного моря. Тела тридцати четырех тысяч турок были сброшены в проруби, сделанные в замерзшем Дунае. В 1872 году

шестилетняя кровопролитная война в Греции завершилась признанием независимости греческого народа. Египет также сумел добиться самоуправления.

Османская империя постепенно угасала. Мир быстро менялся. Во Франции произошла революция, в Америке появилась Конституция, провозгласившая права человека, индустриальная революция набирала обороты по всему миру. Газеты стали неотъемлемой нормой общественной жизни. Они быстро распространяли информацию, призывая читателей задумываться о правах личности, и тем самым заставляли правительства многих стран действовать более гуманно. В 1876 году османский султан показал всему миру, как сильно его страна отстала от цивилизованных соседей.

В том же году Болгария, на протяжении пятисот лет остававшаяся частью Османской империи, взбунтовалась. Султану Азизу к тому времени нечем было платить своим войскам. Единственной наградой турецких солдат становилась добыча, захваченная во время боевых действий, и это разбудило в них жажду крови. За несколько дней погибло двенадцать тысяч мужчин, женщин и детей, шестьдесят деревень было сожжено дотла. Султан наградил главнокомандующего медалью.

Свидетелем резни в городе Батак стал американский журналист Джей А. Мак-Гахан. Его репортаж, появившийся вскоре в газете «Дэйли Ньюс», потряс цивилизованный мир, впервые ставший свидетелем лютой жестокости османцев. «Повсюду в городе нам попадались черепа и кости женщин и детей, — писал журналист. — Мы вошли в церковь. Сцена, увиденная там, была еще более ужасна. Весь церковный двор покрывал слой гниющих человеческих тел в метр высотой. Руки, ноги, головы были перемешаны в чудовищном беспорядке... Я никогда не мог даже представить себе ничего более страшного. В церкви и во дворе находилось три тысячи мертвых тел. В помещении школы двести женщин и детей были сожжены заживо... ни одно преступ-

ление, замышленное турками, не осталось не завершенным».

Правительства западных стран сперва отказывались верить подобным статьям, называя их «живописной журналистикой». Но когда Великобритания отправила на место трагедии следователя из английского посольства в Константинополе, он сообщил Уайт-холлу, что турецкие войска совершили «возможно, самое отвратительное преступление, запятнавшее современную историю». Экспремьер-министр Уильям Гладстоун выпустил памфлет, в котором характеризовал турок как «самых бесчеловечных представителей человечества». Буря общественного негодования привела к новому государственному перевороту в Турции, и султаном стал пристрастившийся к крепким напиткам племянник Абдула Азиза Мурад. Он управлял страной три месяца, после чего был объявлен сумасшедшим и его место занял брат, Абдул Хамид II.

Абдул настолько сильно боялся заговорщиков, что построил настоящую крепость, призванную обеспечить его безопасность. В каждой комнате он держал заряженные пистолеты, два из которых висели даже у него в ванной, кроме того, были сконструированы специальные стеклянные шкафы, которые прошивали комнату пулями из управляемых на расстоянии пистолетов, если открывались их дверцы. Султан самолично застрелил садовника и рабыню, которые сделали неловкие, резкие движения, напугавшие повелителя. Члены общественно-политической организации «Младотурки» все чаще стали организовывать беспорядки. Чтобы бороться с ними, султан создал разветвленную сеть шпионов и специальную камеру пыток, где заправлял жестокий палач, который любил смотреть, как угасали изломанные им люди.

Но наиболее поразительным был его приказ убивать армян, национальное меньшинство Турции, чья родина была на северо-востоке империи у самой русской границы. Абдул считал предприимчи-

вых армян таким же злом, каким Гитлер объявил евреев. Сперва указом султана было запрещено употребление слова «армянин» в газетах и школьных учебниках. Затем он разрешил мусульманам присваивать себе имущество армян и убивать их самих в случае сопротивления.

Очевидно, Абдул не вынес никаких уроков из событий 1876 года и устроил еще более страшную резню в масштабах всей империи. С утра до вечера звуки труб призывали верных мусульман к насилию. Жертвами погромов стали почти сто тысяч армян. Европейцы стали свидетелями трагедии, разыгравшейся в Трабзоне. Каждый христианский дом в этом городе был разграблен, а сами христиане были убиты с соблюдением ритуала. Им всем перерезали горло, словно они были жертвенными баранами. Тех, кто прыгал в реку в надежде спастись, мусульмане догоняли на лодках и топили. В Урфе три тысячи мужчин, женщин и детей были заживо сожжены в соборе, куда они прибежали искать защиты. Султан Абдул ежедневно получал подробные отчеты о ходе погромов от своих многочисленных шпионов.

Однако Абдул Хамид напрасно надеялся, что расизм, навязанный его подданным, заставит их не замечать экономического краха империи. У многих мусульман кровавые бесчеловечные погромы не вызывали ничего, кроме стыда. Они прозвали Абдула Проклятым. И на этот раз действия турок возмутили не только Европу. Двое американских профессоров, работавших в армянской миссионерской школе, были арестованы и в цепях доставлены в суд, где их обвинили в изготовлении подстрекательских листовок и приговорили к смерти. В Америке разгорелся скандал. В конце концов, когда в Константинополе погибло семь тысяч армян из-за провинности, совершенной группой из двадцати человек, европейские власти подписали открытую телеграмму, адресованную султану. Если погромы не прекратятся, говорилось в ней, султану и всей его династии будет угрожать серьезная опасность.

Султан Абдул Хамид уцелел и благополучно встретил новое столетие, однако и сам он, и система, олицетворением которой он оставался, бесконечно устарели. В 1908 году «Младотурки», число приверженцев и влияние которых быстро увеличивалось, совершили переворот и захватили власть. Султана отправили в изгнание в Салоники, а его брата сделали конституционным монархом, фактически лишенным какой бы то ни было реальной власти. Во дворце Абдула были обнаружены горы золота и бриллиантов, целое состояние на банковских счетах и акции международных компаний.

Деспотичное правление османских султанов закончилось. Однако туркам и людям на Западе, полагавшим, что с падением режима пришел конец злу и насилию, предстояло жестоко разочароваться. В 1915 году Энвербей, один из вождей «Младотурков», распорядился начать новые армянские погромы, еще более жестокие, чем те, что устраивал в свое время султан.

Под предлогом, что некоторые армяне сотрудничали с русскими во время первой мировой войны — Турция тогда сражалась на стороне кайзера — Энвербей назначил правителем армянской области своего зятя Джемветбея, поручив ему уничтожить всех христиан. Жители более чем восьмидесяти деревень были собраны вместе и расстреляны. Тысячи женщин изнасиловали, мужчин пытали, чаще всего прибывая лошадиные подковы к ступням их ног. Один служащий рассказывал, что «происходящее напоминало ожившие сцены времен расцвета испанской инквизиции». Более восемнадцати тысяч армян вынудили бежать через Сирийскую пустыню в Алеппо. Курдских повстанцев подговорили напасть на них. В результате через семьдесят дней после отправления в путь до Алеппо добрались всего лишь сто пятьдесят женщин и детей.

Официальный отчет, представленный в британский парламент, показывал, что из двух миллионов армян, проживавших в Турции в 1915 году, треть

погибла и треть бежала в Россию. Американский посол в Константинополе потребовал от Энвербея дать разъяснения относительно его роли в этой новой, возмутительной вспышке насилия. Турецкий лидер немало удивил посла, хладнокровно признав свою ответственность за все случившееся, а его соратник Талаатбей добавил, что неразумно было бы наказывать только тех армян, которые на самом деле сотрудничали с русскими, «поскольку невиновный сегодня может провиниться завтра». У него даже хватило дерзости попросить американского посла предоставить им полный список армян, застрахованных в американских компаниях. Родственники их, вероятно, погибли, объяснил свою просьбу Талаатбей, значит, страховые выплаты за их жизни должны поступить государству.

Энвербей, Талаатбей и Джеветбей бежали в ноябре 1918 года, смещенные с руководящих постов за выбор ложного союзника в войне, стоивший турецкому народу полмиллиона жизней, и за спекуляцию продовольствием в голодное время. Власть в Константинополе перешла к союзным войскам Антанты, империя распалась окончательно, и Турция приняла очертания, близкие к современным. Однако, опасаясь итальянских территориальных притязаний, союзники позволили грекам занять порт Смирна. Месть веками подавлявшегося народа вылилась в массовую резню турок.

Патриот Мустафа Кемаль стал главным выразителем турецкого гнева по поводу союзной оккупации и потери Смирны. Число его сторонников росло невзирая на то, что он был заочно приговорен к смерти, и вскоре Антанта потеряла контроль над силами повстанцев. Греки предложили помощь своей армии в восстановлении порядка и в 1920 году отбросили турок назад. Однако в августе 1921 года люди Мустафы выиграли трехнедельное сражение у реки Саккариа. Греки обратились в бегство. В течение следующего года турки при поддержке Франции, Италии и России вновь одержали верх

над своими заклятыми врагами и вернули себе Смирну. В сентябре Мустафа с триумфом прибыл в злополучный порт и объявил, что всякий турецкий солдат, причинивший вред гражданскому населению, будет расстрелян.

Петр Великий впервые учредил в России организованную тайную полицию, обладавшую обширной сетью шпионов. Свои бесконечные войны царь финансировал за счет церковного имущества и абсурдных налогов на бороды, разведение пчел, гробы, одежду и пищу. К концу его правления крестьянам, составлявшим девяносто процентов населения, жилось намного хуже, чем к моменту его восшествия на престол.

Тем не менее, всего лишь через несколько часов толпа турок растерзала греческого патриарха с молчаливого одобрения нового коменданта Смирны. Затем начались массовые грабежи, изнасилования и убийства. Турецкие военные методично продвигались от одного дома к другому в греческих и армянских кварталах в северной части города. «К вечеру улицы были усыпаны трупами», — рассказывал американский очевидец. Однако худшее было еще впереди. В среду 13 сентября европейцы заметили отряды турецких солдат, обливавших бензином и поджигавших дома в армянских кварталах. Ветер распространил пламя на север, и очень скоро тысячи ветхих домишек были охвачены пламенем. Пятьсот человек погибли в церкви, подожженной умышленно. Тошнотворный запах горячей плоти распространился над городом. Десятки тысяч жителей, преследуемые стеной огня, бросились к воде. В заливе стояли английские, американские, итальянские и французские военные корабли. Их задача была защитить своих граждан, но каждый из них получил строгий приказ сохранять нейтралитет в конфликте между греками и турками. Моряки в ужасе наблюдали за менявшимся цветом моря и за беспомощными толпами погорельцев, скапливавшимися на пристани. Затем в полночь, как расска-

зывал один из очевидцев, они услышали «самый чудовищный крик, какой только можно себе представить».

На следующее утро сострадание пересилило приказы, и начались стихийно организованные спасательные операции. Наблюдая за пожаром, Мустафа Кемаль сказал: «Перед нами знак того, что Турция очистилась от предателей-христиан и от иноземцев. Отныне Турция принадлежит туркам». Спустя три дня после пожара он объявил, что все мужчины в возрасте от 15 до 50 лет будут увезены в центр страны на принудительные работы. Женщины и дети должны покинуть Смирну до 30 сентября, в противном случае они также будут согнаны вместе и депортированы. Позднее он вынужден был продлить конечный срок на шесть дней. Военные и торговые корабли совершили настоящее чудо, перевезя в безопасные места почти двести пятьдесят тысяч человек. Никто уже не сможет точно подсчитать количество оставшихся в Смирне трупов, однако, по самым скромным оценкам, их было не менее ста тысяч.

Мустафа Кемаль всегда утверждал, что Смирну подожгли греки и армяне, однако, согласно отчету, представленному в Госдепартамент США, все доказательства указывали на попытку турецких войск уничтожить свидетельства грабежей, резни и насилия, четыре дня свирепствовавших на улицах этого города.

Мустафа, позднее сменивший свое имя на необычное прозвище Камаль Ататюрк, осуществил в своей стране ряд обширных реформ, затронувших как общество, так и правительство. В результате Турция со скрипом въехала-таки в двадцатый век, навсегда похоронив зловещую тень Османской империи.

Глава третья

ВО ИМЯ БОГА, КОРОЛЯ И ОТЕЧЕСТВА

Под маской религиозности и патриотизма злодеи искусно скрывали самые страшные преступления человеческой истории. «Необязательно верить в сверхъестественный источник зла. Человек сам способен совершать любое вообразимое зло».

Джозеф Конрад (1911)

Семья Борджа

Э то был город, бесстыдно прощавший самые извращенные оргии и противоестественные отношения. Там правили тщеславные, жадные люди, добивавшиеся власти и богатства подкупом и вымогательством. Эти люди не знали жалости и уничтожали всех, кто стоял у них на пути. Нет, речь идет не о столице варварской империи, как это могло бы показаться. Эта цитадель греха находилась в самом сердце Рима, в священном для любого католика Ватикане, а властелинами ее, ставившими порок выше добродетели, богатство выше религии, власть выше сострадания, были Папа Александр VI, более известный под именем Родриго Борджа, и его внебрачный сын Чезаре.

На протяжении столетий католическая церковь оставалась единственной христианской церковью в Европе. Длительная монополия по спасению душ привела к коррупции. Под католическими знаменами совершались беспощадные убийства в период

крестовых походов против язычников, поклонявшихся другим богам. Католическая церковь казнила как еретиков, так и всех, кто дерзал оспаривать ее толкование любых проявлений жизни и окружающего мира. И наконец католическое духовенство приобретало огромные богатства, взимая высокую плату за отпущение грехов. Таким образом, к пятнадцатому веку Папа Римский стал не только религиозным лидером, но и могущественным политиком. Светские правители маленьких княжеств, деливших между собой Аппенинский полуостров, наперебой домогались его дружбы и поддержки. Любое желание или просьба Папы были законом для самых могущественных королей и князей, ведь в противном случае им грозило отлучение от церкви.

Родриго Борджа научился плести интриги задолго до того, как занял высочайший католический пост. В апреле 1455 года брат его матери стал Папой Каликстом III. Родриго, родившийся двадцатью четырьмя годами раньше в испанской Ксативе близ Валенсии, немедленно получил сан епископа. Быстро продвигаясь по иерархической лестнице, он вскоре стал кардиналом и вице-канцлером, прослужив в курии под начальством пяти пап.

Однако, прячась за личиной благонравия и добродетели, Родриго совращал всех юных девиц, какие только попадались ему на глаза. Красивый, сексуально привлекательный, он расточал свои чары направо и налево, не в силах противостоять искушениям плоти. Одна из его дерзких неприкрытых оргий вызвала даже нарекания со стороны Папы. В 1470 году начался пылкий роман Родриго с двадцативосьмилетней красавицей Веноцей деи Катанеи. Она успела родить ему троих сыновей, Джованни (1474), Чезаре (1476), Гоффредо (1481) и дочь Лукрецию (1480), прежде чем он насытился ею и увлекся шестнадцатилетней Джулией Фарнезе. Чтобы соблюсти приличия, Родриго обвенчал девушку со своим молодым племянником, но запретил юноше прикасаться к жене.

В 1492 году, после смерти Папы Иннокентия VIII, Родриго стал одним из трех претендентов на папский престол. В первом раунде коллегия кардиналов отдала предпочтение Джуллиано делла Ровере, которого сам Иннокентий назвал своим преемником, однако Борджа принялся раздавать внушительные взятки и обещать высокие посты тем, кто ему поможет, в случае его избрания. Так, 10 августа он стал Папой, приняв имя Александр VI.

Немедленно вслед за этим Борджа осыпал своих незаконнорожденных детей всевозможными милостями. Чезаре в свои шестнадцать лет был назначен архиепископом Валенсии. Год спустя он уже стал кардиналом, но и этот титул не удовлетворял амбициозного подростка. Он злился, что старшему брату отец доверил командовать папской армией. Чезаре, вооруженный до зубов, разъезжал по Риму с презрительной гримасой на лице, в окружении любовниц с пышными формами. Он на публике недвусмысленно заигрывал со своей сестрой Лукрецией. Он соперничал со своим отцом в его скандальных любовных похождениях. Когда Санча, не особенно разборчивая юная дочь короля Неаполя, приехала в Ватикан в качестве предполагаемой невесты для Гоффредо Борджа, оба, и отец и сын, придирчиво оценили ее достоинства в своих постелях.

Одним из немногих почитателей семейств Борджа был человек, чье имя позже стало синонимом дьявольской хитрости: Николо Макнавелли. Когда папские войска стали угрожать Флоренции, Макнавелли, представителя флорентийской власти, послали выяснить намерения Чезаре. Борджа согласился не нападать на город в обмен на золото. Макнавелли тянул время, наблюдая изнутри, как папская армия захватывает другие города. Он изучил безжалостные военные хитрости Чезаре, и они позже легли в основу его книги «Князь».

Правление Родриго началось с неприятности. Когда Ферранте, король Неаполя, умер, Папа признал его наследником сына короля, Альфонсо, отца

любвеобильной Санчи. Но французский король Шарль VIII считал, что у него больше прав претендовать на неапольский престол, и в качестве доказательства захватил Рим. Родриго униженно явился к нему на поклон и согласился отправить своего сына Чезаре заложником Шарля в Неаполь на коронацию. Однако Чезаре по пути удалось бежать. Он возвратился в Рим и помог отцу организовать антифранцузский альянс с Испанией, Миланом и Венецией. Шарль побоялся оказаться отрезанным от дома, поспешил обратно во Францию, и Альфонсо получил неапольскую корону.

Труд Макиавелли цинично провозглашал, что цель выживания государства оправдывает любые средства. «Благоразумный правитель, - писал он, - может и не сдержать данное слово, если это противоречит его интересам». Применение силы оправдывалось, если законные методы управления оказались неэффективными, и правитель был вынужден «забыть о справедливости и несправедливости, доброте и жестокости, чести и позоре». Однако Макиавелли вряд ли старался быть оригинальным, защищая намеренную коррупцию. Раздробленность Италии делала ее уязвимой для посягательств Франции и Испании. Макиавелли, будучи патриотом, желал преодолеть этот недостаток любой ценой. В Чезаре Борджа он увидел человека, достаточно сильного и нещепетильного, чтобы объединить народы Аппенинского полуострова в единую нацию. Когда Чезаре лишился своей власти, Макиавелли обнародовал свою жестокосердную философию в надежде, что позже ею воспользуется кто-то более сильный и осуществит его мечту. Как заметил один современник, в произведении Макиавелли было мало новизны. Набожные люди сочли его еретиком, среди добрых людей он прослыл злым, а один хроникер написал: «Злым людям он не нравился попросту потому, что слишком много знал о них».

А Борджа принялись карать тех, кто помогал Шарлю. Чезаре схватил нескольких наемных швейцарских солдат, вломившихся в дом его матери во время французской оккупации, и жестоко пытал их. Родриго приказал народу Флоренции арестовать и подвергнуть пытке Джироламо Савонаролу, строгого монаха, обличавшего пороки высшего

церковного духовенства и приветствовавшего приход Шарля как избавителя, призванного восстановить истинные католические ценности. Флорентийцы с энтузиазмом исполнили волю Родриго, потому что суровый монах вынудил их отменить любимое традиционное развлечение — карнавал. Савонаролу по четырнадцать раз на дню вытягивали на дыбе в течение нескольких недель, пока длилось следствие, после чего публично повесили и сожгли его тело.

Затем Папа послал своего сына Джованни во главе армии штурмовать крепость семьи Орсини, сотрудничавшей с французами. Но Джованни не оправдал возложенных на него надежд и с позором возвратился в Рим, потерпев поражение в битве с теми, кого собирался наказать. Месяц спустя, 14 июня 1497 года, он ужинал у матери вместе со своим братом Чезаре. Молодые люди уехали врозь. Оба были верхом. На следующее утро тело Джованни выловили в реке Тибр с девятью ножевыми ранениями.

Убийцу Джованни не нашли, и официально это преступление осталось нераскрытым. Но злые языки поговаривали, что был человек, которому его смерть пришлась весьма кстати. Младший брат Чезаре таким образом получил возможность сложить с себя тяготивший религиозный сан и стать сильной рукой Папы в политическом и военном отношении. Сам Папа тоже был доволен. Теперь он мог усладить Чезаре подальше из Рима и пресечь таким образом связанные с ним скандальные слухи. В городе упорно поговаривали о нетрадиционной сексуальной ориентации молодого кардинала, будто юноши привлекали его не меньше, чем девушки. Но самой неприятной оказалась ставшая достоянием общности длительная связь Чезаре со своей сестрой Лукрецией. По настоянию родственников она отправилась в монастырь после того, как ее муж сбежал, напуганный вспышками ревности Чезаре. Шесть месяцев спустя, после визитов брата и

отца Лукреция забеременела. Родившийся у нее мальчик был увезен в Ватикан и назначен наследником всего состояния Борджа.

Новые обязанности Чезаре привели его в Неаполь, затем во Францию. Новый французский король Людовик XII хотел расторгнуть свой брак и жениться на любовнице. Родриго согласился при условии, что Чезаре станет герцогом Валентинуа и обручится с шестнадцатилетней сестрой короля Наваррского. Сделка состоялась. В придачу Чезаре получил французскую военную поддержку в подавлении мятежа дворян Северной Италии и выкроил себе собственное королевство Романья неподалеку от Венеции. Вторжение объединенных сил началось в 1499 году.

На военном поприще Чезаре преуспел не меньше, чем на любовном, оказавшись хитрым и изобретательным военачальником. Когда он разбил войска Катерины Сфорца и захватил ее замок в Форли, ему захотелось овладеть последней цитаделью — телом графини. Вскоре Родриго получил письмо от сына с подробным описанием их занятий любовью. Позже графиня Катерина была отправлена в монастырь.

Жители города Фаенца, преданные своему семнадцатилетнему господину Асторре Манфреди, долго и упорно оборонялись. В конце концов юноша согласился сдаться, после того как осаждавшие пообещали сохранить ему жизнь. Однако, овладев городом, Чезаре отослал Асторре в Рим, где его страшно пытали и затем убили.

Друзья и союзники Чезаре боялись его не меньше, чем своих врагов. Он обманул доверие герцога Урбино, сначала миновав его город, но затем вернувшись с неожиданной атакой. Он назначил безжалостного правителя распоряжаться своими землями в Романье, но когда невозможно стало игнорировать жалобы несчастных жителей, Чезаре повелел разрубить переусердствовавшего помощника пополам и выставил его останки на центральной

площади города Сесена для всеобщего обозрения. Вскоре ужас, который внушал Чезаре своим друзьям, знакомым и врагам, распространился и на лейтенантов его армии. Многие из них испугались, что в дальнейшем их командир может потребовать назад когда-то щедро пожалованные земли. Против Чезаре начали плести заговоры, в которых активно участвовали князья, лишившиеся по его милости своих владений. Чезаре прознал о крамоле и пригласил некоторых ничего не подозревавших заговорщиков к себе на банкет в замок Сенигаллия. Едва безоружные гости переступили порог, как были схвачены. Двоих из них задушили немедленно.

Дорогостоящие военные кампании Чезаре финансировались из папской казны. Родриго продавал кардинальские шапочки состоятельным кандидатам, которые затем умирали таинственным образом, спустя всего месяц после назначения, а земли их отходили Ватикану. 1500 год Папа объявил юбилейным, а это означало, что всякий пилигрим, готовый заплатить, получал полное прощение всех своих прегрешений. Вдобавок было объявлено, что в соборе Святого Петра открылась «тайная, священная дверь», которая появляется на том же самом месте единожды в сто лет. Благодарные, доверчивые грешники жертвовали значительные суммы, чтобы удостоиться редкой чести взглянуть на дверь, незадолго до их прихода прорубленную в одной из стен собора.

Уровень смертности в Риме неизменно повышался всякий раз, когда Чезаре возвращался после очередного завоевательного похода. На любое оскорбление, реальное или вымышленное, он отвечал убийством. Многих его гомосексуальных партнеров также находили отравленными или вылавливали в Тибре со следами смертельных ножевых ран. Венецианский посол писал: «Каждую ночь обнаруживаются четыре-пять трупов епископов, прелатов и других видных людей, так что весь Рим уже трепещет от страха быть уничтоженным полностью герцогом Чезаре». В 1500 году его не угасавшая страсть

к сестре Лукреции привела к новому сенсационному убийству.

По прошествии времени Родриго потихоньку аннулировал первый брак своей дочери и, во избежание скандала по поводу ее ребенка, поспешил снова выдать Лукрецию замуж, на этот раз за Альфонсо, герцога Бисчельи, брата Санчи. К несчастью, Лукреция без памяти влюбилась в нового супруга. Чезаре, по-прежнему предпочитавший объятия сестры ласкам своей жены, пришел в бешенство.

В июле 1500 года Альфонсо шел по площади Святого Петра, возвращаясь с ужина, который устраивал Папа, когда на него напала банда разбойников, пересодетых пилигримами. Несмотря на серьезные ножевые ранения, Альфонсо все-таки выжил, и ему отвели комнату в апартаментах самого Папы, дабы обеспечить его безопасность. Лукреция ухаживала за мужем не смыкая глаз, но однажды ночью она оставила его на короткое время. Когда молодая женщина вернулась, Альфонсо был уже мертв. Как это ни удивительно, Чезаре признался, что задушил свояка, утверждая, что герцог ранее пытался застрелить его самого из арбалета. Признание не повлекло за собой никаких ответных действий, и уже через две недели Чезаре снова принялся обхаживать убитую горем сестру. Их кровосмесительная связь продолжалась до тех пор, пока Родриго не сосватал дочери нового мужа, сына герцога Ферраро. Перед отъездом Лукреции на церемонию Чезаре закатил в Ватикане особую вечеринку. Пятьдесят представителей местного высшего общества катались по полу совершенно нагие и ловили жареные каштаны, которые кидали им их любовницы.

Однако развратные дебоши и беззакония семейства Борджа не могли длиться вечно. В августе 1503 года Родриго и Чезаре заболели малярией, подхваченной на загородной вечеринке среди виноградарей одного из кардиналов. Через неделю семидесятидвухлетний Папа скончался. Чезаре знал, что

вся его власть держалась на могущественном покровительстве отца, но был слишком слаб, чтобы защищать свои интересы.

Некоторое время казалось, что судьба все же благоволит распутному Чезаре. На папском престоле Родриго сменил вполне безобидный старик, не имевший ничего против отпрыска своего предшественника. Однако этот старик умер всего через месяц после вступления в должность, и, к несчастью для Чезаре, Папой стал Джулиано делла Ровере, все еще не простивший Родриго своего поражения на выборах 1492 года.

Чезаре был арестован и вынужден отказаться от прав на Романью. Оставив Рим, он бежал в Неаполь, находившийся в то время под властью испанцев, в надежде снова добиться власти. Вместо этого Чезаре снова арестовали за нарушение мира в Италии и отправили в Испанию, где он провел два года в тюрьме. В 1507 году беспокойный Борджа сбежал и укрылся у своего шурина, короля Наваррского. 12 марта 1507 года Чезаре был ранен во время осады города Виана испанцами. С ним поступили так же немилосердно, как он сам привык обходиться со своими жертвами — раздели догола и оставили умирать от жажды.

Конквистадоры

Религиозные страсти полыхали в католической Испании на протяжении всего шестнадцатого века. Инквизиция распространяла свою кровавую тиранию. Весь голландский народ был предан анафеме, испанская армада спешила к берегам Великобритании — возвращать в лоно истинной церкви обратившихся в протестантство англичан. Миссионерская мания инквизиторов не ограничивалась пределами Европы. Едва только вернулись домой корабли путешественников, привезя с собой вести о новых далеких землях, заселенных странными,

несказанно богатыми народами, военные корабли снарядились в путь, чтобы насадить за Атлантикой власть короля и Папы. Коренные жители Карибских островов, Мексики, Центральной Америки были завоеваны и поставлены на колени во имя Христа. Тогда Тихий океан открыл новые горизонты.

В 1527 году испанский галеон, бороздивший новое море, захватил большой плот, битком набитые прекрасными золотыми и серебряными изделиями, украшенными драгоценными камнями. Аборигены, управлявшие плотом, стали первыми представителями неожиданной и удивительной цивилизации, процветавшей в полной изоляции от остального мира, встретившимися европейцам. Того груза, который они перевозили, вполне хватило, чтобы обречь свою ухоженную империю на полное разорение. И хотя испанские конквистадоры под командованием Франсиско Пизарро называли свое вторжение крестовым походом во имя Бога и Библии, на самом деле они совершили все грехи, описанные в священной книге, в погоне за главной своей целью — богатством.

Пизарро, незаконнорожденный сын солдата из Трухильо, тридцать лет провел в Новом Свете, покоря «дикарей». Несмотря на важный пост в испанской общине Панама, ему до сих пор не удалось сколотить себе приличного состояния. Захваченный плот инков показался Пизарро тем самым шансом, которого он ждал всю жизнь. Вскоре король даровал ему разрешение исследовать и покорять Перу. Доминиканский монах Фриар Винсенте де Валверде должен был отправиться вместе с ним в качестве «защитника» индейцев.

Экспедиция покинула Панаму в декабре 1530 года. На побережье Пизарро основал опорный пункт, убив вождя местного племени для острастки. Затем отряд из 168 человек и 62 лошадей двинулся в глубь континента. Трудно было бы представить более удобное время для появления испанцев. Недавняя эпидемия унесла жизни многих

высокопоставленных инков, включая самого Великого Инку, Хуайина-Капака и его наследника. Двое оставшихся сыновей, Хуаскар и Атахуалпа, развязали гражданскую войну, не желая уступать друг другу право управлять империей, протянувшейся на тридцать миль через территорию современного Чили, Боливии, Эквадора, Южной Колумбии и собственно Перу. Забираясь все выше в горы, конквистадоры встречали на своем пути разоренные города и трупы индейцев, висевшие на ветках деревьев.

Атахуалпа, контролировавший территорию, на которой высадились испанцы, не был особенно рад сообщениям своих разведчиков о странных чужаках, грабивших деревни. Тем не менее, он послал конквистадорам подарки, приглашая встретиться с ним в Кахамакре. Его армия расположилась лагерем в окрестностях города, и Атахуалпа сообщил посланникам Пизарро, что встретится с их командиром на следующий день на центральной городской площади. Но когда вождь прибыл в назначенное место на носилках, которые несли восемьдесят человек, в сопровождении тысяч безоружных индейцев, конквистадоры спрятались в зданиях, окружавших площадь. Фриар Валверде вместе с переводчиком поспешил к недоумевающему Атахуалпе с крестом и Библией в руках и принялся объяснять ему, в чем состоит его религия. Затем он вручил вождю книгу. Инка заглянул в нее, но не понял, что там написано. Инки не знали письменности. Они поклонялись Солнцу и утверждали, что его изображения говорят с ними. Страницы Библии молчали, и Атахуалпа бросил книгу на землю. Священник пришел в ярость, взывая к отмщению, и Пизарро развязал жестокую, тщательно спланированную бойню. «Испанцы начали стрелять из мушкетов и давить индейцев лошадьми, убивая их, словно муравьев», — рассказывал хроникеру знатный инка Хуаман Пома. Звуки взрывов, звон конской упряжи, удивительный вид нападавших нагоняли ужас на несчастных индейцев. Они в панике бро-

сились бежать, и от их количества стены, окружавшие площадь, не выдержали и стали осыпаться. Массовое уничтожение местных жителей продолжалось два часа, после чего семь тысяч индейцев было убито и многие тысячи покалечены. Все восемьдесят носильщиков Атахуалпы погибли, а сам вождь захвачен в плен. Пизарро нужен был заложник, чтобы гарантировать безопасность себе и своим людям в ожидании подкрепления.

Пленный инка заметил алчный блеск в глазах конквистадоров, грабивших его лагерь, и решил воспользоваться этим наблюдением, чтобы купить себе свободу. Он предложил испанцам наполнить комнату в 22 фута (6,7 м) длиной и 17 футов (5,1 м) шириной сокровищами глубиной 8 футов (2,4 м) один раз золотом и дважды серебром. Пизарро обещал взамен восстановить Атахуалпу у власти в его крепости Квито, если он не будет чинить заговоров против испанцев. Инка рассказал захватчикам, где находятся его храмы и как добраться до его столицы, Куцко. Поисковый отряд возвратился с 285 ламами, навьюченными золотом и серебром из разоренных дворцов, могил и священных мест. Сокровища стали стекаться в лагерь испанцев со всех концов империи инков. Пизарро приказал очистить свои комнаты от всех посторонних предметов, чтобы увеличить их вместимость. Затем конквистадоры соорудили горн, чтобы переплавлять драгоценные металлы в золотые и серебряные слитки. В конце концов у них получилось 6 тонн двадцатидвухкаратного золота и 12 тонн серебра общей стоимостью около трех миллионов фунтов.

Атахуалпа, уверенный в скором своем освобождении, тайно продолжал вести гражданскую войну. Его войска убили Хуаскара и двух его сводных братьев. Вождь не подозревал, что был всего лишь игрушкой в руках Пизарро. Все его тайные операции умаляли и без того ничтожные шансы империи индейцев противостоять захватчикам. Пизарро не собирался отпускать Великого Инку. Теперь, заполу-

чив сокровища Атахуалпы, он собирался идти завоевывать Куцко вместе с недавно прибывшим подкреплением. Неразумно было брать вождя с собой и всю дорогу опасаться нападения идейцев, мечтавших вызволить его. Слухи о будто бы приближавшейся армии инков, намеревавшейся отбить Атахуалпу, послужили для Пизарро необходимым предлогом. Он послал отряд разведчиков проверить достоверность слухов, но прежде, чем они вернулись, Атахуалпа был мертв. 26 июля 1533 года его без суда и следствия признали изменником, привязали к столбу и пригрозили сжечь живьем, если он не перейдет в христианство. Вождь согласился и взял имя Франсиско, в честь Пизарро. Затем он был задушен гарротой.

Смерть Атахуалпы вызвала скандал в других колониях и в Мадриде. Испанский король прогневался, что царственную особу незаконно лишили жизни. Правитель Панамы заявил, что Атахуалпа «не причинил никакого вреда испанцам». Однако Пизарро пережил эту бурю возмущения, резонно полагая, что пятая доля всей добычи, отданная короне, успокоит праведное негодование короля.

Поход на Куцко начался немедленно после казни Атахуалпы. Путь завоевателей пролегал через земли Хуаскара, и местные жители радовались, что их вождь отмщен. Они были доверчивыми, честными людьми, их дома не имели не только замков, но и дверей. Странные пришельцы поразили их своим необыкновенным, величественным видом. Никогда прежде индейцам не приходилось видеть лошадей, и некоторые думали, что всадники составляют с животными одно целое. Ходили также благоговейные слухи, что белокожие конквистадоры — с бородами, в блестящих доспехах — являются посланцами их бога Виракочи. За наивность инкам пришлось расплачиваться своими богатствами, землями, женщинами, религией и тысячами собственных жизней.

Только семнадцать месяцев спустя на пути Пи-

зарро попались первые вооруженные противники. Войска, верные Атахуалпе, атаквали его в Хаухе, в 250 милях к северу от Куцко. Однако, вооруженные дубинками, пращами и бронзовыми топорами, они не имели шанса на равных сражаться с кавалерией, стрелявшей из мушкетов и рубившей сплеча стальными мечами. Конквистадоры, давя индейцев копытами своих лошадей, настигали и убивали тех, кто пытался бежать. Такие тщетные засады повторялись несколько раз. Потерявший терпение Пизарро сжег заживо пленного военачальника инков Чулкучиму. Индейский генерал демонстративно отказался избавить себя от страданий, приняв перед смертью христианство.

В городе Куцко испанцев встретили как освободителей. Сын Хуаскара Манко был в особенности рад их приходу. Он выразил готовность стать заодно с завоевателями, если они сделают его Великим Инкой. Пизарро охотно возвел Манко на трон и организовал систематичное разграбление богатейшего города империи. Стены храма, бесценные статуи, ювелирные украшения, вазы — все было переплавлено в слитки. Молодой священник, ставший свидетелем этого варварства, с ужасом писал: «Главная их забота собрать побольше серебра и золота, чтобы стать еще богаче... То, что они уничтожили, было более прекрасно, чем все, чем они когда-либо владели и наслаждались». Но протесты людей, подобных этому юноше, не могли остановить творившихся беззаконий. Правитель Панамы сообщал королю: «Алчность испанцев всех сословий так велика, что ее невозможно насытить. Чем больше дают им местные вожди, тем больше они требуют, не прекращая пыток и убийств».

Вести о несметных богатствах в землях инков быстро распространились в других колониях, и началась золотая лихорадка. Правитель Пуэрто-Рико запретил кому-либо покидать пределы колонии. Задержав лодку, полную искателей сокровищ, он приказал высечь их и отрезать ступни ног. Но даже

такие суровые меры не могли удержать отчаянных авантюристов. В Перу прибывали все новые и новые европейцы, готовые на любые зверства ради быстрого обогащения.

Педро де Альварадо нанимал сотни носильщиков на тропических северных берегах Перу, а затем наблюдал, как они гибнут от холода в ледяных Андах. Мужчины, женщины, дети гибли, их города подвергались разорению. Местных вождей вешали, сжигали или бросали на растерзание псам, когда они под пытками отказывались признаться, где спрятаны их сокровища. Себастьян де Бенальказар пытался развязать вождям языки, поджаривая им пятки. В деревне, где все мужчины бежали, чтобы присоединиться к армии инков, он вырезал всех оставшихся женщин и детей, потому что у них не нашлось достаточно богатств, чтобы удовлетворить конкистадоров. Все это были «жестокости, недостойные выходцев из Кастилии», как писал официальный хроникер перуанского покорения. Испанцы часто закапывали вождей по пояс в землю, добиваясь, чтобы они выдали местонахождение золота. Если вожди отказывались, их секли плетью и закапывали в землю по шею, прежде чем убить.

Сообщения о жестокости нескончаемым потоком потекли в Куцко. Великий Инка Манко начал терять терпение. Помимо всего прочего, у него были личные причины сожалеть о сотрудничестве с конкистадорами. Его столица находилась под контролем братьев Пизарро — Хуана, Хернандо и Гонцало. Франсиско оставил их в Куцко, отправившись разыскивать новый город Лиму. Братья не оставляли Великого Инку в покое, требуя открывать все новые и новые тайники с золотом. Его мать и сестер изнасиловали. Затем Гонцало похитил жену Манко. Гордый принц не мог дальше терпеть такого унижения себя и своего народа. На совете старейшин было решено поднять мятеж. В 1535 году Манко ночью ускользнул из города, но был пойман всадниками и в цепях возвращен обратно. Ис-

панцы мочились на него и пытали, поджигая свечой ресницы. Однако год спустя Великий Инка, преисполнившийся решимости отомстить за надругательства, снова бежал и на этот раз успешно.

Манко удалось тайно мобилизовать значительную часть индейцев, и вскоре партизанская армия начала действовать. Выманив кавалеристов из Куцко к самой Калке, инки позволили им захватить караван с сокровищами, и, пока испанцы подсчитывали добычу, тысячи индейцев окружили Куцко и перекрыли оросительные каналы, чтобы вода в них поднялась и затопила долину, сделав ее непригодной для передвижения на лошадях. Так началась четырехмесячная осада. Три отряда испанцев, подошедшие на подмогу, были буквально сметены сидевшими в засаде местными жителями. Они сталкивали вниз огромные камни, и, сбитые с ног, захватчики летели в пропасть. В Хаухе всех испанцев перебили во время внезапной атаки на рассвете. Однако конквистадоры отвечали хитростями еще более изощренными и в конце концов подавили мятеж со зверской жестокостью.

Четверо испанцев сбрили себе бороды и покрасили лица в более темный цвет, чтобы походить на индейцев. Затем с помощью местного предателя они проникли в неприступную крепость и открыли ворота изнутри. Войска конквистадоров ворвались в город. Сотни индейцев попрыгали в пропасть со скал, чтобы избежать смерти от испанских мечей. Морговехо де Куинонес, участвовавший в захвате Куцко, решил отомстить за гибель пятерых испанских путешественников, согнав двадцать четыре вождя и старейшины в крытую соломой хижину и спалив их заживо. Во время атаки испанцев камнем, пущенным из пращи, был убит Хуан Пизарро. Индейцы, прыгавшие со скал последними, выжили, потому что гигантская груда тел на дне пропасти смягчила удар о землю. Оставшиеся в Куцко жители, не успевшие добраться до обрыва, были изрублены кавалерийскими саблями. Конквистадо-

ры под предводительством Гонцало Пизарро заставили врасплох индейскую армию и вырезали всех мужчин. Тех, кто, спасаясь, нырял в озеро, настигали всадники и «насаживали на копья, словно рыбу».

Испанцы намеренно нагоняли ужас своими зверствами, чтобы деморализовать противников. Хернардо Пизарро приказал убить всех женщин, пойманных поблизости от поля битвы, потому что они все считались «женами и любовницами солдат инков». А брат Гонцало, пленив двести индейских воинов, выстроил их на площади в Куцко и отрубил всем правые руки. Затем калек отослали назад к их командирам «для острастки». Позже пленникам-мужчинам стали отрубать носы. Женщинам, избежавшим смерти, отрезали груди. Дома и поля индейцев уничтожали, мужчин и женщин сжигали или закалывали. В Куцко и ближайших окрестностях было убито шестьсот детей в возрасте до трех лет.

Когда армия индейцев под предводительством командира Квицо попыталась осадить столицу Франсиско Пизарро город Лиму, все надежды Манко были похоронены окончательно. Испанская кавалерия налетела на пеших солдат, когда они пересекали открытую равнину. Большинство инков погибло под копытами лошадей, остальных добились саблями. Бежать обратно в горы не удалось никому. Квицо погиб вместе с остальными сорока индейскими военачальниками.

Манко понял, что не сможет спасти Перу от испанцев. Более двадцати тысяч его людей уже погибло при неудачных попытках сражаться с незванными пришельцами. Великий Инка решил отступить к Вилкабамбе, укромной долине, скрытой за отвесными скалами, и спрятаться там от своих преследователей вместе с лесными индейцами. Но испанцам удалось схватить его жену, Кура Окло. Франсиско Пизарро задумал выместить на ней свою злобу. Во время осады Лимы он уже доказал, что не испытывает никаких моральных предрассудков,

убивая женщин. В Лиме его пленницей стала сестра Атахуалпы Азарпай. Подозревая, что девушка может вызвать лишние атаки местного населения, Пизарро задушил ее. Для Куры Оккло жестокий испанец уготовил еще более ужасную участь.

Несчастливая женщина избежала насилия перевозивших ее солдат, вымазавшись экскрементами. В Куцко Пизарро, раздосадованный известием, что Великому Инке удалось скрыться, велел привязать его жену к столбу и немилосердно пороть плетью. Затем Кура Оккло была застрелена из арбалета. Ее тело, обезображенное побоями, с торчащими из него стрелами, было уложено в корзину и пущено по реке, протекавшей через Вилкабамбу. Великий Инка должен был увидеть своими глазами, какая судьба постигла его супругу. Эта новая дикость ужаснула всех порядочных испанцев. Один из них назвал случившееся «деянием, совершенно недостойным христианского дворянина в здравом уме». К сожалению, подобные деяния становились все более и более обыденными в процессе покорения Перу.

Однако дни Пизарро были сочтены. Золото посеяло раздор между самими испанцами. Хернандо Пизарро вызвали в Испанию и посадили в тюрьму за удушение Диего де Альмагро, одного из первых конквистадоров, который потребовал увеличить его долю добычи. 26 июня 1541 года последователи Альмагро отомстили за своего лидера. Двадцать человек ворвались во дворец Франсиско Пизарро в Лиме и закололи хозяина кинжалами. Их следующей жертвой стал свирепый детоубийца Франсиско де Чавес. Фриар де Валверде, тот самый, который одурачил Атахуалпу, забеспокоился после смерти своего покровителя Пизарро и отправился на корабле в Панаму. На одном из прибрежных перуанских островов он попал в плен к канибалам и был съеден.

Пизарро выполнил свою задачу. Он приобрел за свою жизнь столько золота и серебра, сколько и не

снилось ни одному другому военачальнику, и современники восславили его за это, но о религии, которой Пизарро оправдывал свою жестокость, почти ни слова не сказано в эпитафии. Достижения конквистадора отразились в основном в роскошном оружии, дарованном ему королем Испании вместе с титулом маркиза. На ножнах были изображены семеро индейских вождей с цепями на шеях и закованный в кандалы Атахуалпа, погрузивший руки в сундуки с сокровищами.

Смерть Пизарро не избавила Перу от страданий, обрушившихся на эту страну. К концу шестнадцатого века от пятимиллионного населения Перу осталась лишь незначительная часть. Авторитетный писатель Джон Хемминг в своей книге «Покорение инков» выстроил целую таблицу несчастий коренных жителей Перу. Она выглядит примерно так.

Болезни: у перуанцев не было иммунитета против болезней, завезенных европейцами, таких, как оспа, корь, чума. Эпидемии свирепствовали по всей стране. Город Квито в одночасье лишился тридцати тысяч своих жителей.

Запущенность: испанцы, увлеченные погоней за серебром и золотом, не проявляли никакой заботы об оросительных каналах, сельскохозяйственных угодьях, дорогах и мостах. Некогда отлаженная система быта местных жителей постепенно пришла в упадок. В специально отведенных местах инки устраивали общие склады — хранили продукты, отложенные на черный день. Испанцы попросту разграбили все подобные хранилища.

Голод: конквистадоры отняли у инков не только драгоценные металлы, они убили или распродали по копеечной цене стада их лам. Урожай тоже отбирался по невыносимо низким ценам.

Эксплуатация: Франсиско Пизарро разделил всю страну инков на обширные имения. Индейцы, проживавшие на их территориях, обязаны были ежегодно сдавать своим хозяевам определенное коли-

чество золота, серебра, скота, зерна, картофеля, яиц, соли, древесины, посуды, одежды, причем возможности конкретной местности не учитывались. Местные жители должны были предоставлять все, что требовалось, вне зависимости от того, произрастет ли у них лес, есть ли золотые и серебряные месторождения. Землевладельцы, стремившиеся поскорее разбогатеть, постоянно увеличивали свои запросы, так что инки работали весь год только ради того, чтобы сдать ежегодный оброк. На свои собственные семьи у них не оставалось ни времени, ни сил. Многие стали бродягами, чтобы избежать непосильных поборов.

Плانتации: индейцы со снежных верховий Анд были согнаны вниз, во влажные тропические леса работать на коковых плантациях, производить кокаин. Люди тысячами гибли от жары и от связанных с кокой болезней.

Экспедиции: алчные испанцы жадно ловили любые слухи о новых «Эльдорадо» и отправлялись туда, как бы далеко они не были расположены. Сотни местных жителей принуждали становиться носильщиками. Они умирали от истощения, от неблагоприятного климата и от жесткого обращения.

Принудительный труд: испанцы создали в Перу гигантские серебряные и ртутные рудники. Индейцев, проживавших в радиусе тысячи километров, заставили на них работать. Они долбили камень в узких, незащищенных разрезах по шесть дней в неделю, спали в зловонных галерейках, пропитанных едким дымом сальных свечей, недоедали. В довершение всего прочего, люди ежедневно дышали ядовитыми газами, содержащими мышьяк. Монах Доминго де Санто Томас назвал рудники «вратами ада, в которые каждый год входят огромные массы народа и приносятся алчными испанцами в жертву своему богу». Но дело было слишком выгодным, чтобы его прекращать. Традиционная королевская пятая часть от ежегодной выработки одной только

серебряной копи Потоси составляла в среднем четыре с половиной тонны драгоценного металла.

Однако, согласно Джону Хеммингу, ни одно из этих зол нельзя назвать главным убийцей инков. Основной причиной большинства смертей стал «глубокий культурный шок». До прихода испанцев народ инков не знал денег. Они жили в доброжелательном, процветающем государстве, которое заботилось о них. Теперь, после десятилетий борьбы, новое правительство заставляло их работать за непонятные кусочки металла и не обращало внимания на их нужды. Хемминг цитирует старейшину инков: «Индейцы увидели, что их обобрали, они умирают, оставив все свои занятия времен Великих Инков». Они потеряли волю к жизни и воспроизводству. Уровень рождаемости падал так же стремительно, как поднимался уровень смертности. Мадридские власти пытались внедрить в колонии либеральные законы, но испанские поселенцы под предводительством Гонцало Пизарро всячески им противились. Не желая рисковать неиссякаемым потоком сокровищ, поступавшим из Нового Света, король уступил. Эксплуатация продолжалась.

Последний гвоздь в гроб цивилизации инков забил Франсиско Толедо, прибывший в Перу в 1569 году в качестве вице-короля. За два года его правления полтора миллиона индейцев с дальних уединенных ферм были насильственно переселены в города, где их легче было контролировать. Затем церковь начала преследовать местные религиозные культы, сажать в тюрьмы их руководителей, разбивать реликвии и запрещать совершение обрядов. Последний Великий Инка был схвачен и казнен.

Убийство испанского гонца, везшего письма новому Великому Инке, Тупаку Амару, послужило для Толедо необходимым поводом захвата Вилкабамбу, овеянного таинственностью, последнего прибежища царствующей перуанской династии. Палки и камни, с помощью которых местные жители пытались защищаться, не могли тягаться с

пушками и мушкетами испанских войск. Великий Инка и его восначальники были схвачены при попытке скрыться в лесах. В Куцко их приволокли в цепях. Тупака Амару обвинили в руководстве языческим государством и покровительстве языческим культам на территории испанского Перу. Кроме того, Великому Инке был приписан ряд преднамеренных убийств, включая смерть гонца. Невзирая на мольбы о пощаде, поступавшие со всех концов страны, и на всеобщее признание ложности солнцепоклоннической религии инков, Тупак Амару был обезглавлен на глазах у эмоционально настроенной толпы. Это событие произошло сорок лет спустя после казни его двоюродного деда Атахуалпы.

Толедо хотел искоренить влияние династии Великих Инков в Перу, ради чего насильно выдал замуж за испанцев несколько перуанских принцесс и выслал родственников Тупака Амару в изгнание в Мексику, повинувшись решению, продиктованному Мадридом. Но все усилия вице-короля оказались тщетными. Через двести лет перуанцы одержали победу в борьбе с испанцами за независимость. Одним из героев новой республики стал Хосе Габриэль Кондорканкуи Тупак Амару — прапраправнук последнего Великого Инки.

Пираты: зло на морских просторах

В 1603 году венецианский посол в Лондоне Джованни Скарамелли писал дожу и сенату своего города: «Как справедлива ненависть, которую народы питают к англичанам, нарушающим покой всего мира. Мощь и слава целой нации покоится на многочисленных корсарах. Это несчастное королевство пало с величественных религиозных вершин в бездну безбожия». Скарамелли пришел в смятение, узнав, что могущественная нация выдает лицензии на совершение преступлений, дабы оберегать гра-

ницы своих дальних колоний и выкачивать из них прибыль. Преступники, получавшие эти лицензии, называли себя по-разному: корсарами, каперами, джентльменами удачи, и уж совсем поэтически «береговыми братьями». На самом же деле эти люди были не более чем пираты. Находясь на службе у английской короны, они получали неограниченные полномочия и вскоре превратились в морских торговцев смертью.

С начала шестнадцатого века дезертиров, уголовников и контрабандистов отвозили на некоторые Карибские острова, в основном на Кубу, Испаньолу и Ямайку, и бросали там на произвол судьбы. Изгой общества разводили стада диких свиней, мясо которых затем разрезали на длинные полосы и высушивали над кострами из хвороста и помета. Мясо, приготовленное таким способом, получило известность под названием *букан*, а одичавших жителей островов нарекли *буканьерами*.

Торгуя с проходившими мимо их берегов кораблями, островитяне приобрели оружие, которое использовали при набегах на скверно охраняемые колониальные владения, в основном испанские, располагавшиеся на их островах. Они пили страшную смесь рома и пороха, носили брюки из сыромятной кожи и рубашки, вымазанные свиной кровью. Должно быть, от них отвратительно пахло и вид у них был совершенно одичавший, вселявший ужас в сердца испанцев. И недаром.

В начале семнадцатого века эти *буканьеры* выбрались на морские просторы. Сначала они воровали небольшие лодки или сами изготавливали каноэ, выдалбливая изнутри древесные стволы, и нападали на испанские корабли. На своих маленьких, вертких суденышках *буканьеры* маневрировали за линией досягаемости испанских ружей, а затем под прикрытием безостановочного огня они устремлялись вперед и брали на abordаж огромные испанские галеоны. Захваченные корабли подвергались разграблению, а некоторые из них поступали в

распоряжение новых хозяев. Так начался век пиратства.

Имена Роше Бразильяно, Гривз Красные Ноги, Пьер ле Гранд, Монтбарз Истребитель быстро приобрели известность. Пираты грабили испанские флотилии, перевозившие сокровища, снова и снова совершали набеги на колониальные аванпосты на Панамском перешейке, безжалостно пытая их обитателей до тех пор, пока те не отдавали все свои сбережения. Наибольший ужас внушал бретонский капитан Франсуа Лолонуа.

Во главе семисот человек Лолонуа сровнял с землей Маракайбо и опустошил большую часть территории, принадлежащей сегодня Никарагуа. Он выстраивал перед собой испанских солдат и убивал их дюжинами, получая от этого удовольствие. По свидетельству одного из хроникеров, «Лолонуа однажды настолько рассвирепел, что, выхватив кинжал, вскрыл грудь одного из несчастных солдат, вырвал оттуда сердце и принялся поедать его, приговаривая, что всех пленников разделает точно так же, если они не заговорят». Одной из любимых забав Лолонуа было последовательно отрезать людям части тела — сперва он срезал немного мяса, затем отхватывал своей жертве руку по локоть, затем по плечо, затем ногу. А еще он любил обвязывать голову пленника веревкой, просовывать под нее палку и закручивать до тех пор, пока у того не вываливались глаза. Эта операция называлась вулдингом. В конечном итоге самого Лолонуа постигла столь же незавидная участь. Индейцы разорвали его на две части за ноги.

Буканьеры с легкостью «освобождали» испанцев от золота, украденного у коренных жителей Центральной и Южной Америки. Великобритания немало способствовала им, объявив крестовый поход против папства. Таким образом она развязала руки своим подданным, устремившимся грабить соседние колонии, не трудясь даже объявлять им войну. Морские разбойники получили от Англии полно-

мочия, которые представляли собой настоящую лицензию на убийства.

Одним из наиболее усердных подданных британской короны был Генри Морган, сын фермера из Лланрхимни в Глэморгане. Каким ветром его занесло в Вест-Индию, неизвестно. Он мог быть сослан туда властями или уехать работать по контракту, мог в 1655 году прибыть вместе с армией Оливера Кромвеля. В 1663 году его дядя сэр Эдвард Морган был назначен генерал-губернатором Ямайки. Хотя никаких доказательств не сохранилось, нетрудно предположить, что столь влиятельное родство помогло молодому уроженцу Уэльса в его пиратской карьере. Буканьеры открыто состояли на службе у правительства Ямайки и выполняли исходившие оттуда приказы. По официальной версии, они охраняли колонию от испанского «вторжения». В награду за предоставленные полномочия правитель Ямайки, известный мздоимец, плантатор сэр Томас Модифорд получал свою долю добычи, захваченной во время «охранных» рейдов пиратов.

Первые свидетельства деятельности Моргана относятся к 1665 году. Его имя упоминается по поводу стычки с испанцами в Коста-Рике. Двумя годами позже, несмотря на мирное соглашение, подписанное с Испанией, Модифорд поручает Генри Моргану захватить флотилию из двенадцати кораблей и отобрать у испанцев всю колониальную добычу.

Морган быстро приобрел себе репутацию варварски жестокого человека. В Пуэрто-дель-Принсипе на Кубе он методично пытал горожан до тех пор, пока в городе не осталось ни одного тайника с сокровищами. Затем Морган отправился на Панамский перешеек и самонадеянно атаковал хорошо укрепленный город Портобелло. Его люди одолели городские стены благодаря пленным монахам и монахиням, которых они толкали перед собой по лестницам как живой щит.

Зверские буйства Моргана едва не закончились прежде времени, когда он созвал всех своих капитанов на флагмане «*Оксфорд*» в бухте Порт-Рояль, чтобы обсудить план военных действий. В разгар дискуссии раздался оглушительный грохот и «*Оксфорд*» буквально развалился на части. Это внезапно взорвался пороховой склад. Двести человек, включая пятерых капитанов, погибли. Морган оказался в числе двадцати пяти уцелевших членов военного совета, которые в ужасе наблюдали, как их коллег, сидевших на противоположном конце стола, разрывало на части. Сам Морган не пострадал, зато его репутации был нанесен значительный ущерб.

На следующий год Морган преисполнился решимости восстановить подпорченный престиж и обеспечить себе безбедную старость, совершив впечатляющий набег на один из богатейших городов Запада. Молодой пират задумал посягнуть на «Золотую Чашу» — на самую Панаму-Сити.

В 1670 году, проигнорировав новое мирное соглашение между Испанией и Британией, Генри Морган собрал более двух тысяч человек на тридцати шести кораблях, опустошил для начала около дюжины окрестных поместий, а затем взял курс на Панаму. По пути он сделал остановку на острове Провидения, губернатор которого согласился сдаться в том случае, если люди Моргана будут стрелять холостыми патронами во время атаки. Пират согласился и, разграбив таким образом пограничный город, повернул свои корабли в устье реки Чагрес, разрезавшей Дарьенский перешеек, и захватил дозорный форт Сан-Лоренцо, потеряв при этом сто буханьеров.

Город Панама располагался всего лишь в восьмидесяти километрах к северо-востоку, но это были восемьдесят километров малярийных болот и дремучих джунглей, населенных враждебно настроенными индейцами. После пяти дней пути люди Моргана, мучимые голодом и умирающие от индейских стрел, стали уговаривать своего капитана

вернуться и начать новую атаку, прихватив побольше запасов. Морган отказался. Испанцы, отступая, сжигали все деревни на своем пути, и пиратам нигде было достать еды и свежей воды. Захватчики принялись есть кошек, собак и свои кожаные мешки. На десятый день они достигли Панамы, выгнали защитников на окрестные поля и сожгли город дотла.

Награбленное в Панаме добро и припрятанное имущество жителей, выданное захватчикам под пытками, составило несметные богатства, но люди, прошедшие с Морганом через настоящий ад, получили ничтожную долю от всей добычи. Командир заявил, что выручка оказалась куда более скромной, чем он рассчитывал, и поэтому даже тем, кто пошел ради этого предприятия на большие жертвы, придется довольствоваться малым. Вдовы, чьи мужья погибли во время похода, ничего не получили от Моргана. Удовлетворены своей долей оказались только ближайшие помощники Моргана, некоторые капитаны... и сам предводитель.

Вскоре разбогатевший и приобретший популярность Морган получил приказ от короля Чарльза II вернуться в Англию в связи с так называемым «панамским преступлением». На самом деле это был не более чем трюк для отвода глаз, призванный задобрить разгневанных испанцев. Морган провел в Лондоне два года. Общество чествовало его как героя, и на Ямайку он вернулся уже сэром Генри Морганом, вице-губернатором, мировым судьей и владельцем обширных плантаций. В своей новой должности он упрятал за решетку и послал на казнь немало пиратов, в то же время продолжая активное финансовое участие в пиратском бизнесе. Он умер в 1688 году богатым человеком.

Многие пираты последующих поколений прекрасно усвоили уроки устрашения и жестокости, преподанные Франсуа Лолонуа и Генри Морганом. В начале восемнадцатого века своей чудовищной свирепостью прославился Эдвард Тич, более извес-

тный под кличкой Черная Борода. Это был настоящий психопат-садист, разграбивший все побережье Вест-Индии и Восточной Америки под покровительством коррумпированного правительства Северной Королины. Эффектный денди Бартоломью «Черный Барт» Робертс приобрел известность варварским обращением со своими пленниками. Одних он приказывал пороть до смерти, другим отрезал уши или привязывал к нок-рее и поджигал как факел.

Однако преступления пиратов меркнут в тени деятельности более коварных злодеев — продажных чиновников, алчных представителей правительства, которые не только терпели, но и покровительствовали пиратской деятельности...

Ярким примером королевской двуличности может служить история знаменитого пирата Капитана Кидда. Наследником Чарльза II, осыпавшего милостями своего верного слугу Генри Моргана, стал Уильям III. В 1695 году он выдал нью-йоркскому приватьеру, «нашему доверенному и возлюбленному Уильяму Кидду», два поручения. Во-первых, он должен был объявить войну французскому флоту, а во-вторых, бороться с пиратством, то есть отбирать добычу у других приватьеров. Король, в свою очередь, рассчитывал на десятую часть от его трофеев. Кроме короля и самого Кидда, в долю вошли банкиры из банковского синдиката и политики — лорд канцлер и Первый лорд Адмиралтейства.

Кидду не нужны были ни деньги, ни приключения. Он был родом из Гринока, происходил из семьи пресвитерианского священника и уже приобрел себе известность и состояние, грабя французские корабли у берегов Вест-Индии. Осев в Нью-Йорке, он женился на богатой вдове и купил себе дом на Уолл-стрит. Кидд согласился участвовать в новом предприятии только ради того, чтобы добыть компрометирующие сведения о деятельности своего заклятого врага, губернатора Нью-Йорка Бен-

джамина Флетчера и представить их Британскому Департаменту торговли. Именно это заставило Кидда прибыть в Лондон и встретиться с королем.

В 1696 году Кидд, наделенный широкими полномочиями, отправился из Англии обратно в Нью-Йорк, где набрал себе команду пиратов, некогда работавших на Флетчера. Затем они поплыли на юг, обогнули мыс Доброй Надежды и вышли в Индийский океан, грабя все встречные суда и прибрежные поселения. Бесчинства Кидда вызвали протесты почти во всех морских державах, и британское правительство вынуждено было нарушить заключенное с Киддом соглашение и издать приказ о его аресте. Услышав об этом, обескураженный капитан бежал в Вест-Индию, оставив большую часть награбленного своей ненасытной команде, и окончил свои дни в Бостоне, сдавшись на милость властей.

Человеком, во власти которого оказалась жизнь Кидда, стал новый губернатор Нью-Йорка, герцог Белломонт. Благородный герцог занял свой пост благодаря доказательствам, обличавшим его вороватого предшественника, добытым капитаном Киддом. Кроме того, высокий чиновник был одним из тайных покровителей последней экспедиции знаменитого буканьера. И тем не менее Белломонт заковал его в железо и бросил в темницу на шесть месяцев, прежде чем отослать в Британию, где Кидд предстал перед судом. Белломонту же достались четырнадцать тысяч фунтов — все, что осталось от добычи, награбленной Киддом в южных морях.

23 мая 1701 года напившегося до бесчувствия Уильяма Кидда повесили в Уоппине. После казни его тело в цепях вывесили на всеобщее обозрение, «к пущему ужасу тех, кто совершил подобные преступления».

Франсуа Лолонуа и Генри Морган были одними из самых безжалостных и кровожадных пиратов, когда-либо промышлявших на морских просторах, но капитан Кидд был не таким. Вне всяких сомнений, он был преступником, но настоящее зло ис-

ходило от тех, кто ради собственных кошельков тайно и лицемерно поддерживал пиратство... от тех, кто немедленно отрекся от своего неудобного общника, когда заговор стал тяготить их. Среди них был двуличный губернатор Нью-Йорка и пэр Ирландии герцог Белломонт, лорд-канцлер сэр Джон Сомерс, Первый лорд Адмиралтейства Эдвард Расселл, герцог Оксфордский, начальник артиллерии герцог Ромни, государственный секретарь герцог Шрюсбери и сам король Уильям III.

Кидд сказал на суде: «Вы вынесли мне слишком суровый приговор. Я самый невинный из них, да только меня оговорили и подставили клятвопреступники». Это было его последнее обращение к высокопоставленным злодеям, и прошло оно незамеченным.

Марат и Робеспьер: зло во имя свободы

Прославляя практически бескровное начало французской революции, Оноре Габриэль Рикети, граф де Мирабо писал в мае 1789 года: «История знает множество действий, совершенных дикими зверями... Теперь же у нас появилась надежда, что начнется новая история — история людей». Однако всего через пять лет от этой надежды не осталось и следа. Она была растоптана начавшимся массовым уничтожением людей, одним из самых жестоких в истории. Французы, освободившиеся от феодальной тирании, превратились в грубых варваров, оправдывавших свои нелицеприятные поступки борьбой за свободу, равенство и братство. Наиболее горькой эпитафией мечте Мирабо стал полный муки крик бывшего революционера, ведомого на гильотину: «О свобода, какие преступления совершаются во имя тебя!»

Революция разразилась, когда король, наделенный абсолютной властью, ввел новые налоги и законы. У народа кончилось терпение. Людовик XVI

и высшая знать вынуждены были пойти на уступки, признав демократию и свободу личности. Но каждая их уступка побуждала ненасытную толпу, влияние которой неуклонно росло, требовать большего. «Главная сложность состоит не в том, чтобы начать революцию, а в том, чтобы держать ее после этого под контролем», — сказал Мирабо незадолго до своей смерти в 1791 году. Как только народ понял, что к нему перешла полная власть, дипломатические переговоры уступили место грубой силе. После штурма Бастилии, символа старого режима, голоса революционеров, выступавших в защиту постепенного прогресса, потонули в реве голосов более радикальной фракции, призывавшей объявить войну соседним государствам и своим отечественным диссидентам. Затем раздался еще более злоеющий призыв к массовой резне.

Жан-Поль Марат даже не был французом. Его отец приехал из Сардинии, а мать из Швейцарии. Но когда началась революция, он оставил карьеру врача и ученого, чтобы сделаться самым едким парижским памфлетистом. Его преждевременный экстремизм поначалу не встречал поддержки, и несколько раз Марат вынужден был скрываться. Однажды, спасаясь бегством, он вынужден был спуститься в канализационные лабиринты под парижской мостовой и там подхватил мучительную кожную болезнь, усугубившую его острую манию преследования. Когда народ начал проявлять недовольство по поводу революции, ничего не предпринимавшей, чтобы унять разбушевавшуюся инфляцию и ликвидировать нехватку продовольствия, тогда как ее лидеры вели бесконечные споры о судьбе Людовика и его ненавистной народу супруги, австрийки Марии-Антуанетты, суровые послания Марата стали находить поддержку аудитории. Он высказывался с леденящей кровью определенностью. «Для того чтобы обеспечить спокойствие в обществе, — писал он, — необходимо отрубить двести голов».

10 августа 1791 года двадцать тысяч вооруженных парижан устремились к воротам королевской резиденции в Тюильри. Король и королева вместе с двумя детьми были тайно перевезены под защиту стен здания Национальной Ассамблеи. Швейцарские гвардейцы, охранявшие дворец, сдались, когда у них кончились пули, но толпа не была расположена к милосердию. Более пятисот солдат погибли под ударами копий, сабель и дубинок. Еще шестьдесят зарезали, после того как торжественно увели в качестве пленников. Вся дворцовая прислуга — включая поваров, служанок и гувернеров королевских детей — была изрублена на куски вошедшими в раж парижанами. Трупы валялись во всех залах и комнатах, даже на лестницах. Одного очевидца стошнило, когда он увидел детей, игравших с отрубленными головами. Женщины, потерявшие всякий стыд, совершали самые недостойные надругательства над мертвыми телами, из которых они выдирали куски мяса и с триумфом несли их домой.

Участники массовых кровавых оргий жили в постоянном страхе, что в результате нового переворота к власти могут прийти роялисты или контрреволюционеры. Марат не скрывал, что знает средство устранить эту опасность. Многие противники революции уже сидели в парижских тюрьмах. Не исключена была возможность, что они вырвутся на свободу и начнут мстить. «Пустить кровь предателям, — писал Марат, — вот единственный способ спасти страну». Атмосфера всеобщей истерии подогревалась памфлетами, предупреждающими о готовящемся заговоре с целью убить всех честных граждан в их же постелях. В сентябре честные граждане предприняли ряд мер, чтобы этого никогда не произошло.

Группу священников, отказавшихся перейти в новую веру и сохранивших верность Риму, перевозили в тюрьму в шести каретах. Толпа окружила их. Многие пихали сабли в окна карет, норовя поранить тех, кто находился внутри. У ворот тюрьмы

их поджидала другая толпа. Когда священники вылезли из карет и попытались скрыться внутри, их всех убили. Вскоре после этого кучка негодяев ворвалась в крепость, где содержались еще несколько священников и архиепископ. Его закололи первым. Затем убили остальных и бросили тела в колодец.

В течение последовавших недель воинственно настроенные банды вламывались в тюрьмы, в тюремные больницы и сумасшедшие дома по всему Парижу, рубили заключенных саблями, топорами и железными прутьями. Щадили только тех, кто попал в тюрьму за проституцию. Женщины были весьма кстати, когда требовалось принести палачам поесть или выпить. Пьяные убийцы устраивали шутовские суды над своими жертвами. Одной женщине, ожидавшей суда за нанесение увечья своему любовнику, отрезали груди и ноги прибили к полу гвоздями, прежде чем сжечь ее заживо. Мари Тереза де Савуа-Кариньян, принцесса Ламбальская, подруга Марии-Антуанетты, была раздета догола и изнасилована. Затем ее тело разорвали на части. Ноги зарядили в пушку, голову насадили на длинный шест, а сердце вырезали, зажарили и съели.

Хроникеры описывают ужасающие сцены отвратительного ликования народа по поводу растущих гор трупов. Пьяные женщины, сидя вокруг, наблюдали, как ловко орудуют убийцы, смеялись и аплодировали каждому новому оригинальному извращению. Одни прикалывали отрезанные уши как сувениры к своим юбкам, другие пили кровь аристократов, пускавшуюся убийцами по кругу, или макали в нее кусочки хлеба. Мужчины присаживались на окровавленные тела, курили и шутили, отдыхая от своих трудов. За шесть дней, в течение которых покраснела вода в сточных канавах, половина заключенных, содержавшихся в тюрьмах, что составляло около тысячи двухсот человек, были убиты. Тем, кто отпрашивался с работы, чтобы принять участие в расправах, выплатили соответствующую компенсацию.

Разгул насилия ужаснул многих радикально настроенных революционеров, но Марат оставался невозмутим. Он подписал письмо от имени Республики к своим представителям в провинциальных городах, объясняя, что «акты справедливости» были «необходимы, для того чтобы сдерживать путем устрашения тысячи изменников, содержащихся сейчас в наших тюрьмах... Мы не сомневаемся, что весь народ со вниманием отнесется к этим неотложным мерам, призванным обеспечить общественную безопасность; и все французы воскликнут вместе с парижанами: «Мы уйдем сражаться с врагами, но не оставим в тылу этих бандитов, чтобы они глотки перегрызли нашим детям и женам». Республиканцы во многих городах восприняли это письмо как призыв организовать у себя на местах такие же зверства, какие творятся в столице, и уничтожить заключенных собственных тюрем.

В январе 1793 года революция подошла к рубежу, после которого пути назад уже не существовало. Избранное народом национальное собрание, переименованное в конвент, единогласно приговорило Людовика XVI к смерти за попытку «восстановить тиранию на руинах свободы». Он был казнен на площади Революции, именовавшейся прежде площадью Людовика XV. В течение последовавшей недели главы всех европейских стран объявили войну Франции, на территории которой уже разразилась гражданская война — крестьяне сопротивлялись принудительной военной мобилизации.

Министр юстиции Шарль Дантон учредил революционный трибунал, пытаясь водворить в стране порядок и не допустить повторения сентябрьской резни. «Давайте сами будем ужасными, для того чтобы ужасным не стал наш народ», — призывал он. Умеренно настроенные члены конвента считали, что народ будет оставаться ужасным до тех пор, пока их подстрекает Марат. Они настояли, чтобы он предстал перед трибуналом. К их разочарова-

нию, Марата оправдали. Восторженная толпа на руках унесла его домой. Очень скоро ему удалось протолкнуть в конвенте декрет об аресте двадцати двух своих обвинителей.

Однако Марат недолго наслаждался своей победой. 13 июля 1793 года он сидел дома с полотенцем на голове в медной ванне, облегчавшей кожный зуд. К нему вошла девушка, утверждавшая, что знает, кто из умеренных состоит в заговоре против партии Марата. «Скоро они все будут гильотинированы», — пообещал Марат, аккуратно записав все имена. Однако девушка, Шарлотта Корде, оказалась не той, за кого себя выдавала. Неожиданно она выхватила из сумочки нож и ударила Марата в спину. Умиравший революционер упал, в то время как набежавшие помощники повалили Шарлотту на пол. Казалось, она не чувствовала их ударов. «Дело сделано, — выкрикнула девушка. — Монстр мертв».

Однако и здесь умеренные просчитались. Мертвый монстр Марат немедленно прослыл мучеником в народной среде. По всей Франции в его честь называли улицы и площади. Более тридцати городов отказались от прежних названий и взяли себе его имя. Смерть Марата не помешала революции следовать по кровавому пути, который она для себя избрала. Напротив, во главе экстремистского правительства встал еще более коварный и жестокий человек, готовый принести на алтарь собственного тщеславия даже родителей своего крестника.

Максимилиана Робеспьера, холодного, сухого барристера из Арраса, презирали многие соратники по партии за повышенное внимание к собственной внешности и боязнь крови. Тем не менее, к 1793 году щеголеватый адвокат, избегавший публичных казней, дабы не развращать человеческие души, стал самым страшным человеком во Франции. Стоя во главе организации с ироническим названием «Комитет Общественной Безопасности», он вверг страну в пучину едва ли не самого безжалостного террора в истории.

Комитет Робеспьера приказал революционному трибуналу безжалостно искоренять врагов Республики. Над Францией по-прежнему нависала угроза вторжения европейских соседей, оправдывавшая излишнюю жестокость Робеспьера. Робеспьер издал указ, что все иностранцы, не проживавшие на французской территории до 14 июля 1789 года — другими словами до дня взятия Бастилии, — должны быть арестованы. Он казнил самую знаменитую во Франции иностранку — австрийку Марию-Антуанетту. Ей было предъявлено обвинение в тайном сговоре со своим братом, австрийским императором, и в кровосмесительных отношениях со своим сыном. Королева отрицала подобные обвинения, но и ее постигла участь мужа. Она окончила свои дни на гильотине 16 октября 1793 года.

Вскоре зловещая повозка для осужденных на казнь стала почти ежедневно подвозить к эшафоту на площади Революции все новых и новых «врагов Республики». Пьер Верньян, бывший президент Революционного парламента, предупреждал: «Берегитесь! Революция, как Сатурн, пожирает своих детей». Теперь его пророчество сбывалось. Сам Верньян оказался в числе двадцати умеренных, представших перед судом на показательном процессе и осужденных на смерть. Один из них заколол себя прямо в зале суда тайно пронесенным кинжалом. Однако его безжизненное тело на следующий день постигла та же участь, что и его несчастных коллег. Все они были обезглавлены.

Более трех тысяч парижан следовало за их повозкой до самой гильотины. Среди осужденных была бывшая королевская любовница мадам Дю Барри, обвиненная в соблюдении траура по казненному королю во время своего пребывания в Лондоне; генерал, «окруживший себя офицерами-аристократами и не допускавший в свой штаб ни одного доброго республиканца»; хозяин гостиницы, который «подал защитникам страны кислое вино, вредное для здоровья»; заядлый картежник, оскорбивший

патриотов во время спора, возникшего из-за карт; человек, который опрометчиво выкрикнул: «Да здравствует король!» — когда суд приговорил его к двенадцати годам заключения за другое преступление. Писатель Кристофер Хибберт пишет в своей книге «Французская революция», что спекулянты умирали за то, что народ голодает, а один человек даже понес наказание за то, что «неправильно дал свидетельские показания».

Обширные толпы наблюдали за казнями, ели, пили, держали пари о порядке, в котором будет обезглавлена каждая новая партия обреченных. По словам английского писателя Уильяма Хэзлитта, «предсмертные крики жертв смешивались с возгласами убийц и смехом улюлюкающих зевак. На эшафот поднимались целые семьи, чья единственная вина состояла в их взаимоотношениях — сестры осуждались на смерть за оплакивание погибших братьев, жены за траур по участи мужа, невинные крестьянские девушки за танцы с прусскими солдатами, а одна женщина пострадала за то, что сказала, когда группу заключенных вели на эшафот: «Как много пролито крови из-за пустяков».

Гильотина на площади Революции работала в таком напряженном режиме, что проживавшие в ближайших окрестностях улицы Сент-Оноре — по иронии судьбы, дом Робеспьера тоже находился там — жаловались, что запах крови вредит их здоровью и понижает стоимость их недвижимости.

За пределами Парижа дела обстояли еще хуже. «Казалось, что вся страна превратилась в сплошной очаг мятежа и насилия», — писал Хэзлитт. Четырнадцать тысяч человек погибло от рук садистов и мясников, оказавшихся у власти в провинции и рьяно выполнявших большинство предписаний Робеспьера. Руководители, менее кровожадные по натуре, тоже старались не отставать, не желая прослыть слабыми или контрреволюционерами. В Лионе Комитет Общественной Безопасности расстрелял из пушек триста заключенных. В Бордо жен-

щину, заплакавшую, когда гильотинировали ее мужа, заставили сесть под лезвием, чтобы его кровь стекла на нее. Затем ее также обезглавили.

В Нанте Жан-Батист Каррье усердно старался стать самым безжалостным из подлецов и негодяев. Массовый убийца Каррье, так же, как и Робеспьер, бывший некогда адвокатом, счел гильотину слишком медленной для размаха своей деятельности. Он погрузил заключенных на баржи, приказал оттащить их на середину Луары и утопить. Некоторые пары раздели догола и связали вместе лицом к лицу. Люди, вооруженные топорами, ждали на берегу, чтобы убедиться, что ни одному из осужденных не удалось спастись. В реке погибло более двух тысяч человек. Якорями кораблей, поднимавших паруса, вытаскивали со дна трупы. Вода настолько засорилась, что в ней запретили ловить рыбу.

Каррье любил убивать детей. Гильотина в этом случае также оказалась неэффективной — крошечные головки раскраивались пополам, потому что их шеи были слишком маленькой целью для грубого ножа. Один палач упал замертво прямо на эшафоте, после того как ему пришлось обезглавить четверо малюток-сестер. Тогда Каррье вывез пятьсот детей в поле за пределы города, и там их расстреляли, добывая дубинками. Неожиданная эпидемия отчасти лишила Каррье его добычи, унеся жизни трех тысяч заключенных, томившихся в переполненных камерах.

Миллионы французов жили в страхе услышать стук в дверь посреди ночи, означавший арест. Шпионы Робеспьера были повсюду, а его помощники заставляли думать, что кошмар, в котором погрязла Франция, не закончится никогда. «Свобода должна победить любой ценой, — заявлял Луи де Сен-Жюст, прозванный Робеспьеровским Ангелом Смерти. — Мы должны применять железо, чтобы править теми, кем нельзя править при помощи правосудия, — прибавлял он. — Нужно наказывать не только изменников, но также и равнодушных».

В начале 1794 года Робеспьер арестовал более двадцати членов конвента, подозреваемых в критическом отношении к ходу революции. Одним из них был Камиль Демулен. Робеспьер некогда стал крестным отцом его сына, но это ничего не меняло. Демулен сказал: «Любовь страны не может возникнуть, когда человек не имеет ни сострадания, ни любви к своим соотечественникам, а только лишь высохшую и увядшую от самовосхваления душу». Он не назвал имен, но всем было понятно, кто имеется в виду. Сен-Жюст парировал: «Человек виновен в преступлении против Республики, когда испытывает сострадание к преступникам. Он виновен, потому что не желает торжества добродетели». Демулен умер, как и его двадцатитрехлетняя жена, которую казнили за то, что она молила Робеспьера о помиловании мужа.

Дантон тоже попал в число злосчастных детей, которых породила и поглотила революция. Робеспьер счел, что знаменитый любитель женщин никогда не сможет стать достойным борцом за свободу. Дантон признался друзьям, что не станет сражаться со своим обвинителем, «потому что и так уже пролилось слишком много крови». «Я учредил революционный трибунал, — добавил он. — Теперь я молю Бога и людей, чтобы они простили меня за это».

Покончив со своими главными потенциальными противниками, Робеспьер снова принялся за расправы. Комитет Общественного Спасения провозгласил, что отныне единственной мерой наказания, выносимой им, будет смертная казнь. Адвокаты, свидетели и предварительные расследования были упразднены. Официальные лица заявили: «Для того чтобы гражданин стал подозреваемым, достаточно, чтобы его обвинили». Новые сотни аристократов взойшли на эшафот. В одном Париже погибло тысяча триста человек. «Если мы остановимся слишком рано, мы погибнем, — провозгласил

Робеспьер с трибуны конвента. — Свобода будет завтра же задушена».

Однако все больше и больше делегатов конвента разделяли запоздалое отвращение Дантона к убийствам, и в конце концов у них хватило мужества открыто выступить против Робеспьера. На двадцать четыре часа конвент раскололся. Обе стороны конфликта издали постановления об аресте оппонентов. Окончательное голосование оказалось не в пользу Робеспьера, Сен-Жюста и восемнадцати их ближайших помощников. Но в образовавшейся суматохе войска, получившие приказ сопровождать Робеспьера в тюрьму, оказались верны ему и укрыли своего опального лидера в безопасном месте. Конвент командировал других солдат, чтобы взять Робеспьера под стражу. Когда они ворвались к нему в комнату, завязалась перестрелка и Робеспьер был ранен в щеку. На следующий день, 28 июля 1794 года, когда революционный трибунал вынес ему смертный приговор, бывший диктатор был в агонии. Несколько часов спустя повозка повезла арестованных к гильотине, ненадолго притормозив около дома Робеспьера, дожидаясь, пока мальчик густо вымажет дверь кровью из мясной лавки. Робеспьер умер последним. Когда подошла его очередь, одна женщина выкрикнула из толпы: «Ты — чудовище, восставшее из ада! Отправляйся назад в могилу, и пусть придавит тебя покрепче проклятье жен и матерей Франции».

Революционный режим отомстил сам себе смертью Робеспьера и его последователей. Многие предстали перед судом и были казнены. 16 ноября Каррье отправился на гильотину. Сотни палачей, оказавшиеся в тюрьмах, стали жертвами судов линча по всей стране. Народная революция завершилась.

Франция дорогой ценой расплатилась за то, что позволила людям, подобным Марату и Робеспьеру, вести себя к светлой мечте о свободе, равенстве и братстве.

Преподобный Джим Джонс

Вполне возможно, что преподобный Джим Джонс поначалу действительно был внимательным, искренним религиозным лидером, защищавшим бедных и униженных. Тысячи верующих, вдохновленных проповедями отца Джима о братстве и справедливости, становились его преданной паствой. Политические и гражданские лидеры прославляли Джонса как самозабвенного, неустанного труженика, жертвовавшего своими личными интересами ради построения лучшего общества для миллионов жителей Соединенных Штатов.

Но в какой-то момент произошел перелом и все изменилось.

Из доброго пастыря Джонс превратился в тирана, из священника — в извращенного палача. В конечном итоге он обрек около тысячи человек своей паствы на кошмарное существование в тропических джунглях Южной Америки, пообещав построить для них рай на земле. Когда обеспокоенные родственники стали наводить справки о судьбе, постигшей их близких в поселении Джонстаун, отцу Джиму пришлось убить любопытных визитеров, чтобы они не смогли поведать миру правду о том аде, который он устроил во имя прогресса и гуманности.

Когда его религиозная империя рухнула под грузом ужасных страданий, свалившихся на последователей преподобного Джима Джонса, он приказал всем совершить массовое самоубийство.

Распевая гимны, пожилые женщины и молодые рады радостно пили отравленную мышьяком «святую воду». Заботливые родители поили своих детей сладкой смесью из яда и лимонада. А тем, у кого не выдерживали нервы, старейшины церкви Джонса услужливо перерезали горло или пускали в голову пули тридцать восьмого калибра. Вся община погибла.

Джим Уоррен Джонс родился 13 мая 1931 года в

маленьком фермерском городке Линн в штате Индиана. Он рос несчастным, одиноким ребенком. Его отец был ветераном первой мировой войны, страдавшим неизлечимой легочной болезнью, который не мог предложить своей семье ничего, кроме скромной правительственной пенсии. Обозленный и частично изувеченный, он отдавал все силы на поддержку своей любимой политической организации — расистского Клу-клубкс-клана.

Мать Джонса, Линетта, вынуждена была пойти работать на фабрику, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Будучи уже взрослым человеком, Джонс утверждал, что его мать была чистокровной индианкой из племени Чероки. Скорее всего, именно от нее он унаследовал смуглую кожу и приятные черты лица. С ранних лет он проявлял тягу к проповедничеству идей, противоположных расистской философии отца. В школе он не отличался успеваемостью и учился вполне посредственно, однако выказывал недюжинный интерес к изучению Библии. Пока его школьные товарищи тратили свою энергию на футбольных полях, маленький Джонс на крылечке обветшавшего родительского домика читал проповеди прохожим.

В 1949 году, восемнадцати лет от роду, он устроился работать санитаром в соседнем Ричмонде, чтобы заработать себе на учебу в университете Индианы. Вскоре он женился на Марселин Болдуин, медсестре, бывшей на четыре года старше его. На следующий год, не будучи еще посвященным в духовный сан, Джим Джонс стал пастором церкви в Индианаполисе и взял на себя заботу о многонациональном молодежном центре.

В течение последующих четырех лет Джонс подвергался преследованиям со стороны расистских фанатиков Индианы. Многие консервативные прихожане церкви, в которой служил Джонс, выступали против его планов допустить негров к участию в богослужениях наравне с ними. В конце концов Джонс вынужден был уйти, получив, однако, цен-

ный урок человеческой психологии. Члены его общины, прохладно относившиеся к своему молодому пастору, тем не менее стояли за него горой, когда на Джонса напали посторонние люди. Вывод был ясен: даже те люди, которые без энтузиазма разделяют веру других, могут сплотиться перед лицом общего врага.

На пожертвования последователей Джонс основал свою собственную церковь в нищенском квартале Индианаполиса, превратившемся из бедного района для белых в негритянское гетто. Новая церковь получила высокопарное название Народный Храм. Молодой священник проповедовал объединение представителей разных наций, но не потому, что это было модно, а потому что верил в это.

Они с женой усыновили семеро детей, среди которых были белые, негры и азиаты. Гордясь своим полуиндейским происхождением, Джонс называл себя «бинациональным».

Теперь, когда его паства состояла в основном из чернокожих верующих, он принялся изучать стили и технику негритянских проповедников, которым удавалось внушить молитвенный экстаз своим слушателям. В Филадельфии он видел чернокожего проповедника, чья паства буквально впадала в гипнотическое состояние, стоило ему только раскрыть рот. Святой отец метал гром и молнии с алтаря, а в миру жил в роскоши, которую обеспечивали ему преданные последователи, верившие, что ему под силу даже воскрешать мертвецов. Джонс был покорен и решил испытать глубины преданности собственной паствы.

Всего за одну ночь расистская кампания против него таинственным образом достигла своего апогея. Джонс утверждал, что получил сотрясение мозга, после того как член Клу-клуks-клана ударил его по голове бутылкой у дверей дома. Репортажи в газетах, основываясь в основном на информации, поступившей от самого Джонса, сообщали, как смело он противостоял угрозам себе и своей семье.

В знак признания его мужества мэр Индианаполиса принял Джонса на работу с окладом в три тысячи фунтов в год в городской Комитет по правам человека. Его прихожане, сознавая, что их пастору угрожает опасность, стали относиться к нему с еще большей преданностью. Джонс решил, что подошло время крепче сплотить ряды своих последователей угрозой посерьезнее, чем расизм.

В 1960 году Соединенные Штаты переживали «ядерную лихорадку». Миллионы обеспокоенных американцев строили подземные убежища на задворках своих домов. Популярный журнал поместил на своих страницах полусерьезную заметку, утверждая, что ученые выделили на нашей планете «десять мест, наиболее защищенных от радиации в случае ядерной войны». Заметка натолкнула Джонса на мысль, как он может полностью подчинить себе жизни своих последователей. Две самые безопасные зоны, названные в журнале, находились в Белу-Оризонти в Бразилии и в калифорнийских лесах Укиа в двухстах километрах к северу от Сан-Франциско.

Преподобный Джонс неожиданно объявил прихожанам, что ему было «видение ядерной катастрофы», и посоветовал приготовиться следовать за ним туда, куда он укажет, чтобы спастись. Затем на деньги церкви он поехал вместе с семьей в Бразилию на разведку, наказав перед отъездом пастве продать свои дома и снять деньги с банковских счетов.

Бразилия не понравилась Джонсу, однако маленькая, недавно образованная южноамериканская страна Гвиана, в которой он останавливался на несколько дней, произвела на пастора большое впечатление. Бывшая британская колония стала крайне левой социалистической республикой, воплощавшей многие мечты Джонса о социальной справедливости, которые он проповедовал своей пастве. Вернувшись из Южной Америки, он поведал своим последователям об увиденном и добавил, что его страшное предчувствие ядерной катастрофы на время отступило.

Польщенный и приободренный количеством прихожан, уже выставивших свои дома на продажу только из-за его «предчувствия», Джонс решил прибегнуть к варианту бегства от цивилизации на черный день. Если они настолько верят ему, что позволяют его фантазиям управлять своими жизнями, то поверят любой выдумке, которую он сочинит. Теперь же было самое время заняться целительством.

Обряды исцеления представляли собой красочные, очень выгодные в финансовом отношении и несложные при исполнении шоу. Джонс проходил между рядами «страждущих» в религиозном экстазе и время от времени возлагал на них руки. После этого подсадные пациенты радостно вскакивали на ноги, утверждая, что их болезни полностью исчезли.

Однако когда приближенные помощники Джонса заявили, что их учитель воскресил из мертвых сорок своих последователей, газеты и Государственный Совет по психологии всерьез заинтересовались их словами.

Нужно было действовать решительно и быстро, пока пресса и местные официальные лица не начали копать слишком глубоко. Идеальным убежищем для секты оказалась калифорнийская долина Редвуд близ Укиа, так называемая «безопасная ядерная зона».

Калифорния середины шестидесятых представляла собой прекрасный камуфляж для Народного Храма. Три сотни вновь прибывших религиозных энтузиастов быстро смешались с распространенными в те годы «детьми цветов», пацифистами и хипповыми коммунарами.

Для беспрепятственного процветания Народного Храма Джонсу необходимо было превратить в союзников двух потенциальных оппонентов: прессу и городских чиновников. Это удалось ему почти сразу же. Члены Храма, которые сразу по прибытии поступили на самые непопулярные должности помощников продавцов в магазинах и чернорабочих, всегда были в числе первых добровольцев, го-

товых бесплатно работать многие часы на местные благотворительные организации. Многие прихожане преподобного Джонса становились приемными родителями для детей из сиротских приютов. Сам отец Джонс усердно обхаживал местных политиков до тех пор, пока его не избрали директором бесплатной службы помощи.

У Джонса появились сотни новых последователей, присоединившихся к церкви из уважения к его признанным заслугам, а также из бездумного, слепого доверия общественному мнению. Джонс объяснял своей пастве, что сможет сделать общество более справедливым, если они будут неустанно трудиться во время избирательных кампаний и помогать ему добиваться большей политической власти.

Доллары бесперебойно поступали на его счета, Народный Храм стал уважаемой, официально зарегистрированной религиозной организацией с чистыми идеалами. Джим Джонс был готов к большой игре.

Вскоре он переселил свою паству из лесов на залитые огнями улицы Сан-Франциско. Репутация людей, творящих добро повсюду, где бы они ни появлялись, сопровождала общину. Джонс построил новый храм в престижном районе города. Количество членов секты возросло до семи с половиной тысяч.

Городские власти, восхищенные неумемной энергией Джонса и его талантом организатора, обратились к нему за помощью в осуществлении своей благотворительной программы. Храм взял на себя обязанность ежедневно раздавать бесплатные горячие обеды в своей столовой. Никто не подозревал, что многие из тех, кто с благодарностью пользовался щедростью городской администрации, сами принадлежали к церкви преподобного Джима Джонса, отдавая своему пастору все деньги вплоть до страховых выплат.

В 1976 году наивные местные политики, опасавшиеся, что на встречу с Розалин Картер, женой кандидата в президенты Джимми Картера, не придет достаточное число народа, попросили Джонса помочь им увеличить аудиторию. Последователи Джонса до отказа заполнили огромный зрительный зал и устроили своему лидеру бурную овацию. На следующий день в газетах появились фотографии, запечатлевшие Джонса рядом с Розалин Картер. Когда Джимми со скрипом победил на выборах, Джим Джонс получил приглашение на церемонию президентской инаугурации в Вашингтоне.

В глазах калифорнийского общества глава Народного Храма был столпом респектабельности. Он открыто хвастал, что пожертвовал сотни тысяч долларов из фонда Храма голодающим детям Гвианы.

Однако стали появляться люди, ушедшие из Храма. Они рассказывали совершенно иные истории. По их словам, Джонс много говорил о сексе во время своих проповедей и требовал, чтобы счастливые супружеские пары были насильно разведены и сочетались браком с теми людьми, которых выберет он сам из круга своих приближенных старейшин. Более того, Джонс настаивал, что, являясь духовным наставником своей паствы, имеет право на сексуальные отношения с любой женщиной или девушкой общины, и заставлял их заниматься с ним любовью.

Стали известны подробности внутренней жизни Храма. Джонс бил членов общины, чтобы они публично признавались в грехах, которых на самом деле не совершали, в том числе в гомосексуальности. Маленькие дети жестоко избивались на алтаре Храма. Так Джонс заставлял их «проявлять уважение». Девочек заставляли принимать участие в «боксерских поединках» с более сильными противниками, которые избивали их до бесчувствия. Некоторые дети исчезали на какое-то время в маленькой комнате, где встречались с «голубоглазым

монстром». Из этой комнатки не доносилось ударов. Были слышны только пронзительные детские крики и треск электричества, которое под высоким напряжением пропускалось через их тела.

И все это время в фонд Храма бесконечным потоком поступали деньги.

Многие газеты Сан-Франциско являлись гордыми обладателями круглых сумм наличными, которые Джонс выдавал в качестве премий от своего Храма за «выдающиеся вклады журналистов в дело мира и общественного просвещения». Даже местный департамент полиции удостоился щедрой дотации на помощь вдовам и сиротам офицеров, погибших при исполнении служебного долга.

Официальные круги вплоть до президента Картера в Белом Доме пережили горькое разочарование в герое Джиме Джонсе.

Мыльный пузырь начал лопаться, и преподобный пастор понял, что наступило время приводить в действие план бегства. Миллионы долларов, переведенные им в Гвиану, были уже вложены в покупку двадцати акров джунглей и болот близ порта Кайума на карибском берегу. Там был возведен павильон, призванный стать штабом нового поселения Джонстаун, и спальные помещения, готовые принять Джонса и его последователей, грезивших созданием «нового социалистического общества». В ноябре 1977 года в Джонстаун переселились тысячи добровольцев, и политики Сан-Франциско вздохнули с облегчением, довольные, что готовый разразиться скандал убрался сам собой на расстояние в три с половиной тысячи километров от их города. Однако один независимый конгрессмен не пожелал оставлять этот скандал неразъясненным.

Пятидесятитрехлетний Лео Райан был из числа политиков, предпочитавших встречаться с проблемами лицом к лицу. Оставив однажды свой комфортабельный и безопасный кабинет в Конгрессе, он добровольно заключил себя в одиночную каме-

ру тюрьмы строгого режима Фолсом, самого надежно охраняемого исправительного учреждения Калифорнии, чтобы лично проверить, как персонал обращается с заключенными. Затем он работал инкогнито учителем в школах гетто, чтобы выявить недочеты в образовательной системе.

Когда избиратели высказали ему опасения, что многие близкие им люди — мужья, жены, сыновья и дочери — узнали правду о Джонсе в Гвиане, но удерживаются там насильно, Райан убедил Государственный департамент США заставить гвианское правительство разрешить ему посетить Джонстаун и лично поговорить с членами Храма.

17 ноября 1978 года в сопровождении группы репортеров из газет и с телевидения он charterным рейсом прилетел в поселение и вошел в логово льва. Джим Джонс жил в центральном павильоне Джонстауна. В дальней комнате под замком он держал тысячу американских паспортов, отобранных у своих последователей. Вооруженная охрана патрулировала границы уединенного поселения, «чтобы отпугивать бандитов», объяснил Джонс конгрессмену. Поселенцы выглядели исхудавшими и голодными, но большинство из них все же казались фанатически преданными Джонсу.

Райан пришел в недоумение. Обратившись к собранию верующих, проходившему под наблюдением вооруженной охраны Джонстауна, он сказал: «Я уверен, что многие из вас считают, что приезд сюда — это лучшее, что когда-либо случилось с вами в жизни». Его голос потонул в шуме радостных одобряющих голосов. «Но я обещаю вам, что если кто-то из вас хочет уехать, он может сделать это вместе со мной, под моей личной защитой».

В зале наступила напряженная тишина.

Джонса охватила ярость и растерянность. Любой, кто сбежит отсюда вместе с конгрессменом и вырвется из-под злых чар своего пастора, расскажет всему миру правду о Джонстауне. Ряды со-

бравшихся дрогнули, и один доброволец шагнул вперед.

Райану было позволено остаться в Джонстауне на ночь и поговорить с поселенцами. Группу журналистов отослали в порт Кайума, расположенный в десяти километрах от поселения. Когда они добрались туда, телерепортер Дон Харрис нашел у себя в кармане незамтно подброшенную в Джонстауне записку. В ней значилось несколько имен, за которыми следовала мольба о помощи: «Пожалуйста, вытащите нас отсюда, прежде чем Джонс всех убьет».

На следующий день, когда журналисты вернулись, Райан уже дожидался их вместе с двадцатью перепуганными верующими, пожелавшими уехать. Джонс обнял их одного за другим, когда они выстроились перед землеройным грузовиком, чтобы ехать через джунгли к взлетной полосе. Однако людей оказалось слишком много для маленького самолета, и Райан мужественно решил подождать второго рейса вместе с оставшимися.

Неожиданно возникла потасовка и брызнул фонтан крови, встреченный леденящими душу одобрительными возгласами. Один из старейшин Джонса выхватил нож и нечаянно ранил себя, целясь в Райана. Журналисты втащили забрызганного кровью конгрессмена на грузовик и устремились к взлетной полосе. Дрожа от волнения, они вкратце стали рассказывать о случившемся пилоту, когда вслед за ними на бетонную полосу выехал трактор и люди, присхавшие на нем, открыли стрельбу по беглецам. Райан умер в то же мгновение — ему разнесло голову. Телерепортер Дон Харрис погиб, прошившись автоматной очередью. Его оператора убили, когда он снимал происходящее на пленку. Молодой фотограф из «Сан-Франциско Экзаминер» был сражен наповал. В него разрядили всю ружейную обойму.

В довершение всего один из мнимых «беженцев» из Джонстауна выхватил пистолет из кармана брюк и принялся стрелять в пилота. Это была настоящая бойня.

Несколько столетий рыцари ходили в крестовые походы, во имя Бога очищая от «язычников»-турок Святую Землю. Однако кровавадные миссионеры чаще убивали, чем обращали. Наиболее кровавые походы возглавил Годфри Бульонский, откликнувшийся на призыв Папы Урбана II, который утверждал, что турки преследуют ближневосточных христиан. В 1097 году войска Годфри осадили сирийскую крепость Антиохию. Осада продолжалась семь месяцев. В конце концов город пал и захватчики убили всех жителей-турок. Затем евангелическая армия отправилась в поход на Иерусалим. С помощью военной техники солдаты сумели перелезть через стены города и развязали новую кровавую оргию. Евреи, искавшие убежища в стенах своих синагог, были сожжены заживо. Историк Саломон Райнах писал: «Семьдесят тысяч человек были умерщвлены ради торжества христианской веры!»

А в поселении преподобный Джим Джонс в последний раз собрал вокруг себя свою возлюбленную паству. «Я предупреждал вас, что это случится, — всхлипывая, обратился он к ним. — Мы слишком хороши для этого мира. Теперь идемте со мной, я отведу вас в лучшее место».

Когда старейшины Народного Храма отделились от центрального павильона, неся в руках огромные баки с ядом, разбавленным сладким напитком Кул-Эйд, слышались отдельные рыдания и молитвы. Последователи Джонса, словно зачарованные, выстраивались в очередь за смертоносным зельем, затягивая песнопения.

Первыми погибли младенцы, высосав яд из бутылочек, засунутых взрослыми в их беспомощные рты. Затем последовали дети постарше и наконец их родители.

Когда в Джонстаун прибыли гвианские войска, они обнаружили бездыханные тела целых семей, слившиеся в предсмертных объятиях.

Сам Джонс лежал мертвый с пулей в голове. В Народном Храме проходило последнее общее собрание.

Один из фанатиков, прежде чем лишиться себя жизни, написал записку, адресованную Джиму

Джонсу. В ней значилось: «Отец, я не вижу выхода и согласен с твоим решением. Без тебя мир, возможно, не придет к коммунизму. Я более чем устал от этой жалкой и безжалостной планеты и того ада, который она уготовила для многих и многих прекрасных людей. Спасибо тебе за единственную жизнь, которая у меня была».

Конгрессмен Лео Райан оставил более подходящую для Джонса эпитафию. Накануне своей гибели он давал интервью тележурналистам. Его последние слова сохранились на пленке диктофона, найденного под грудой тел. «Джим Джонс много говорит о любви, братстве и человечности, о своей вере и о силе религии, — сказал он. — Однако я ни разу не слышал, чтобы он упомянул Бога».

Глава четвертая

НАЦИСТЫ

Хроника восхождения Адольфа Гитлера... и его рьяных последователей. Два десятилетия фашистской демагогии, вместившие в себя все, от улушения до геноцида.

«Убей одного человека, и ты убийца. Убей миллионы человек, и ты победитель. Убей всех, и ты Бог».

Жан Ростар (1955)

Гитлер: рождение монстра

Маленького Адольфа Гитлера ничто не отличало от сверстников. Он был прилежным учеником. Получал преимущественно отличные оценки. Редко пропускал школу. За этим следил его строгий отец. Учителя могли упрекнуть юного Адольфа только в одном недостатке — излишней рассеянности. Он не мог долго заниматься одним делом. Он был мечтателем.

Позднее будет тщательно сфабрикована ослепительная легенда о молодых годах Адольфа Гитлера, проведенных в Австрии. Она будет доказывать, что он был прирожденным лидером, что одноклассники следовали за ним инстинктивно, что природа наделила его в равной степени художественным талантом и замечательной политической чуткостью. Она будет утверждать, что в одиннадцатилетнем возрасте он «проник в суть истории». Все это, разумеется, чушь. Биография Адольфа Гитлера интерпретировалась в соответствии с интересами

нацизма. Она послужила краеугольным камнем для создания мифа о супермене, лидере супернации, господствующей расы. Характер этого человека был так хорошо замаскирован, что психиатрам остается только гадать о его истинном душевном состоянии в детском возрасте.

Тогда, на изломе века, *кто-то* должен был распознать неординарность этого голубоглазого, темноволосого, шкодливого подростка с напряженным взглядом, старательно марававшего тетрадки за партой в обыкновенной средней школе австрийского города Линц. Кто-то должен был проникнуть в мрачные глубины его молодого ума и разглядеть там его будущее — будущее всего мира.

Кто-то мог предотвратить рождение монстра, но не сумел. Этот кто-то был его отец.

Алойс Гитлер служил на таможне в австрийском городке Браунау-ам-Инн на самой границе с Баварией. Он был суровым человеком, и маленький Адольф не питал к нему сердечной привязанности. Алойс, выходец из более чем скромной семьи, сумел достичь нижней ступеньки среднего класса. Вместе с тем он приобрел консерватизм, осторожность и педантичное отношение к семье и работе. Он чувствовал, что ему есть чем гордиться, и даже коллеги признавали, что Алойс Гитлер многого добился в жизни.

Отец Алойса, бедный деревенский мельник, выучил своего сына на сапожника, пока тот еще был ребенком, Алойс рано женился, однако нам практически ничего не известно о его первой жене. Вторая жена, Франциска Матцельбергер, родила ему двоих детей и умерла от чахотки. Алойс женился в третий раз. Но несчастья не оставляли его. Клара Гитлер произвела на свет двоих детей, скончавшихся во младенчестве. Третий ребенок, мальчик, родился в Браунауэ в 6.30 вечера 20 апреля 1889 года и выжил.

Вслед за ним у Клары родилось еще двое детей. Сын Эдмунд умер шести лет от роду, причинив душевную травму своему старшему брату. Затем на

свет появилась сестра Паула, так же, как Адольф, благополучно достигшая зрелого возраста.

Кроме смерти брата, в семейной истории Адольфа Гитлера были другие моменты, мешавшие спокойно жить будущему диктатору. Его отец родился вне брака. Этот факт породил ошибочный слух, активно распространявшийся политической оппозицией в тридцатые годы и союзниками во времена второй мировой войны, о том, что Адольф сам был незаконнорожденным и его настоящая фамилия была Шикельгрюбер. Это заблуждение продолжало существовать несмотря на то, что появление на свет отца Гитлера было впоследствии узаконено браком его деда и бабки, Марии Шикельгрюбер.

Принято считать, что в школьные годы Адольф Гитлер часто конфликтовал с отцом. Он считал его невоспитанным грубияном. Известны истории о том, как юный Адольф вынужден был на себе тащить домой пьяного отца после поздних попок в кабаках, а потом слушать, как он кричит на мать. Эти рассказы не бесспорны, однако многие факты указывают на то, что Адольф, восприняв от отца предрассудки, свойственные среднему классу, тем не менее глубоко презирал его. В ответ Алойс Гитлер, единственный, кто мог повлиять на характер мальчика, оставался совершенно безучастен к фантазиям своего сына.

Адольфу было четырнадцать, когда отец умер и семья переехала в Линц. Клара оказалась вынуждена содержать дом и растить детей на государственную пенсию. В Линце Гитлер решил, что должен стать художником. Несмотря на отсутствие очевидного таланта, в 1907 году в возрасте восемнадцати лет он отправился в Вену, готовый посвятить жизнь своему призванию.

Здесь легенда и вымысел перемешиваются. Согласно нацистским историческим книгам и романтизированным воспоминаниям самого Гитлера, в столице Австрии он боролся с нищетой и вел ти-

пичную богемную жизнь бедного художника, участвуя в политических и философских диспутах за столиками уличных кафе.

На самом деле, по всей видимости, существование Гитлера в Вене было куда менее романтичным. Отчаянно поругавшись с матерью, которая убеждала его продолжить учебу, сын заставил-таки ее выделить ему щедрый пенсioen. Затем Адольф отправился в Венскую Академию Искусств. После просмотра его экзаменационных рисунков заявление Гитлера о зачислении решительно отклонили. Вторая попытка на следующий год оказалась еще безуспешнее — его не допустили даже до экзаменов. В Академии архитектуры Гитлеру сказали, что образование, полученное им в Линце, не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к абитуриентам этого вуза.

Перед Рождеством 1908 года умерла мать Гитлера. Адольф сходил с ума от горя, но тем не менее понимал, что вместе с наследством получил возможность полнее отдаться своей мечте. Чтобы увеличить свой капитал, Гитлер продал дом Клары в Линце и заявил свои права на часть ежегодной пенсии, которую получала мать, на том основании, что он все еще оставался студентом дневного отделения. Это была откровенная ложь.

Теперь Гитлер большую часть времени проводил в кафе, ввязываясь в любой спор о политике и философии. Иногда он посещал оперу, время от времени рисовал акварели и писал пьесы, которым никогда не суждено было увидеть сцену. Он практически ничего не зарабатывал, проматывая столько денег, сколько его покойный отец не потратил за всю свою жизнь.

К тому времени у Адольфа Гитлера не завелось ни одного близкого друга. Несмотря на истории о нападении на свою художественную модель и сифилисе, подхваченном у проститутки, ничто фактически не указывает на его интерес к женскому

полу. Знаменитый синдром сурового отца и ласковой матери привел к развитию у Гитлера эдипова комплекса, мешавшего его отношениям с женщинами.

Зато глубокая, яростная, неугасимая ненависть к еврейскому народу снедала душу Адольфа Гитлера. Это был классический пример обвинения инородцев в собственных жизненных неудачах. В начале века на евреев легко было валить все беды. Спасаясь от погромов в России и Восточной Европе, они потянулись на Запад. Гитлер столкнулся с этими обездоленными людьми, когда стал безработным и, так же, как многие другие, видел в иммигрантах нежелательных конкурентов, отнимавших рабочие места у более достойного коренного населения. Вскоре ярко проявились другие, ставшие впоследствии характерными для Адольфа Гитлера черты — замкнутость, неспособность поддерживать обыкновенные человеческие отношения, ненависть к высшему обществу и внезапные, страстные, безумные вспышки гнева. Он переселился в мир своих фантазий, чтобы убежать от реальности, в которой он был всего лишь неудачником.

К 1912 году наследство Гитлер промотал и пошел работать на стройку, возвращаясь за полночь в вонючую ночлежку. Но это длилось недолго.

Позднее Адольф Гитлер пространно рассказывал, как пришел к мысли отправиться на историческую родину, в сердце германских земель, для которых Австрия была не более чем провинцией. В самом деле, в 1913 году он переезжает в Мюнхен, но совсем не по тем причинам, которые называл впоследствии. Гитлер пересек границу ради того, чтобы избежать призыва в австрийскую армию.

Когда мюнхенская полиция задержала его и выдала австрийским властям, Адольф написал письмо в Вену, умоляя избавить его от военной службы, однако унижение оказалось напрасным. Призывника Гитлера отбраковала медицинская комиссия.

Единственный член семьи Гитлера дожил до его прихода к власти в Германии. Это была его младшая сестра Паулина. Однако среди его менее близкой родни были люди, с которыми фюрер сохранял тесные отношения.

Одной из них была его сводная сестра Анжела, дочь отца Адольфа, Алойса, от его второй жены. В 1939 году Гитлер снял деревенский дом в Берстесгадене среди величественных Альп Баварии и попросил Анжелу присмотреть за ним на правах экономки.

Она согласилась и переехала туда вместе со своей дочерью Ангелиной, которую дядя Адольф ласково звал «Гели». Девушка вскружила Гитлеру голову, он принялся неуклюже ухаживать за ней, однако, как принято считать, его чувства остались без ответа. Мы никогда уже не узнаем, к каким средствам прибегал Гитлер, чтобы добиться своего... но только Гели совершила самоубийство, не выдержав давления.

В 1914 году разразилась первая мировая война, и Адольф Гитлер, двадцатипятилетний неудавшийся художник, принял решение круто изменить свою жизнь. Он понял, что может стать героем Германии. Нужно было только перейти от слов к делу.

Все еще будучи австрийским гражданином, Гитлер обратился к самому кайзеру с прошением о зачислении его в баварский пехотный полк. Отправившись на фронт, он занялся самой опасной работой — копанием траншей. Командуя ротой, он постоянно находился на передовой под пулями и шрапнелью неприятеля. Несомненная доблесть Гитлера вскоре снискала ему славу пуленепробиваемого человека. Он был дважды представлен к наградам и во второй раз получил Железный Крест первой степени.

Капралу Гитлеру удавалось успешно избегать вражеских пуль, однако величайший ужас той войны, горчичный газ иприт, его не миновал. Полуослепший, он попал в госпиталь и там узнал новость о капитуляции Германии. Как и большинство немецких солдат, Гитлер считал прекращение боевых действий предательством со стороны правительства, обвиняя во всем коммунистов и членов всемирного еврейского заговора. Выписавшись из

госпиталя, Гитлер продолжал числиться в армии, но получил инвалидность как жертва газовой атаки и возвратился в Мюнхен с партийным билетом новообразованной Рабочей Партии Германии под номером пять. Исправно посещая партийные собрания, он вскоре был избран на руководящий пост, вышел в отставку и вплотную занялся вербовкой новых членов. Со временем он изменил название партии, и она стала именоваться Национальной Социалистической Германской Рабочей Партией — сокращенно «нацистами».

Затем Гитлер ввел нарукавные повязки с изображением свастики и открыл в себе ораторский талант. Он обнаружил, что с легкостью может манипулировать настроением толпы.

Путь, приведший Гитлера на вершину политической власти, подробно документирован. Его трудно назвать плавным восхождением. Крупные победы то и дело сменялись внезапными неудачами. В результате одного из подобных зигзагов судьбы Гитлер оказался в тюрьме Ландсберг за участие в путче 1923 года с целью свержения законного правительства Баварии. Томясь за решеткой, он написал основную часть своей книги «Майн кампф», что в переводе с немецкого означает «Моя борьба», изложив читателям свои представления о будущем Германии. Этой книгой и многочисленными публичными заявлениями будущий фюрер предупредил остальные народы, что немцы не пожалеют жизни, чтобы отомстить за все обиды — реальные и вымышленные, которые те когда-либо наносили их родине.

Яростные обличения сыпались на головы евреев, славян, коммунистов, пацифистов, цыган, душевнобольных, «подрывников» и «людей второго сорта». Этой доктрине всеобщей ненависти суждено было изменить жизнь не только Европы, но и всего мира. Художник-мечтатель, не имевший друзей, никем не любимый, чьи работы осмеивались, человек, которого сторонился даже отец, писал:

«Мы должны бороться за безопасное существование и за репродукцию нашей расы и нашего народа. За пропитание наших детей, за чистоту нашей крови, за свободу и независимость нашей Родины, чтобы наш народ мог набраться сил для выполнения миссии, возложенной на него Создателем вселенной».

Очень скоро эти слова превратятся в догму, которая разрушит Германию, свергнет народы Восточной Европы в российскую зависимость, причинит неисчислимые беды мирным гражданам в невиданных доселе масштабах и погубит многие миллионы жизней.

Кровавые бани СС в гетто

Когда злой гений Гитлера замышлял геноцид против евреев, как оригинальный способ разрешить «еврейский вопрос», он не мог пожелать более верных, исполнительных и безжалостных помощников, чем Генрих Гиммлер и Райнхард Гейдрих. Они уничтожали огромные массы людей с беспрецедентным хладнокровием и методичностью, постоянно совершенствуя механизм истребления целых народов. Они исполняли свои смертоносные обязанности с подобострастием гражданских чиновников.

Гиммлер очень жалел, что по молодости лет не мог принимать участия в первой мировой войне. Появившись на свет в октябре 1900 года в семье мюнхенского школьного учителя, он преклонялся перед ветеранами, возвращавшимися с фронта, и разделял убеждение, что все их усилия пошли прахом из-за предателей, успешно действовавших в тылу. Евреи, масоны, большевики, славяне, поляки сделались козлами отпущения для ультраправых радикалов, чьи карательные бригады множились день ото дня при полнейшем попустительстве со стороны слабого веймарского правительства. Мо-

лодой Гиммлер сумел выдвинуться на подъеме волны антисемитизма. Он не видел ничего плохого в утверждении, что лучше убить нескольких невинных людей, чем позволить избежать наказания одному человеку.

Внешне Гиммлер был далек от идеального облика белокурого физически сильного «истинного арийца». Большой желудок не позволял ему принимать участие в пивных состязаниях, а перенесенный в подростковом возрасте паратиф исключал тяжелые нагрузки. Однако его методичный ум, усердие и талант конторского служащего делали его полезным для организации, стремившейся построить новую Германию. Он стал ценным администратором и эффективным пропагандистом.

Гиммлер питал поистине рабскую привязанность к Гитлеру. Когда будущий фюрер вышел победителем в политической борьбе и стал лидером правой группировки, Гиммлер провозгласил его немецким Мессией, «величайшим гением всех времен». Но Гитлер отблагодарил «верного Генриха» лишь в 1927 году, поручив ему первое ответственное задание. Опасаясь, что члены военизированного подразделения правых *Sturmabteilung* (SA) более преданы своим бригадирам, нежели ему самому, Гитлер создал новую организацию, *Shutzstaffel* (SS), со сходными полномочиями, и Гиммлер был назначен заместителем ее главы.

Поначалу в подчинении у Гиммлера находилось всего лишь двести восемьдесят человек, но он был терпеливым и проницательным. Со временем ему удалось завоевать доверие Гитлера, регулярно докладывая ему о заговорах, — реальных и вымышленных, не забывая при этом кропотливо собирать досье на всех его врагов, фактических и потенциальных. Через два года Гиммлер стал шефом SS. Однако он все еще оставался привязанным к Баварии, тогда как основные действия смещались в Берлин и на север. Удача снова улыбнулась ему, послав новое назначение, позволившее осуществить свои тщеславные мечты.

Райнхард Гейдрих также был сыном учителя. Он родился в городе Халле в Тойтобургском лесу в 1904 году. В восемнадцать лет он поступил служить во флот. Высокий и привлекательный, Гейдрих любил кататься на горных лыжах, прекрасно фехтовал, играл на виолончели и принимал участие в знаменитых уик-эндах с крокетом и камерной музыкой у адмирала Канариса. Однако, когда Гейдриху было двадцать шесть, от него забеременела дочь влиятельного промышленника и он отказался жениться на ней, заявив, что девица, занимающаяся любовью до свадьбы, не может стать достойной женой. За этот позорный инцидент Гейдрих был изгнан из флота, но недолго оставался безработным. В октябре 1931 года Гиммлер взял его в свой личный штат. Сообразительность и изощренная жестокость Гейдриха вкупе с усердием Гиммлера образовали жуткий союз, сковавший страхом всю Германию.

С избранием Гитлера германским канцлером, состоявшимся в январе 1933 года, служба СС получила невиданную доселе власть. Всего через три месяца Гиммлер основал первый в Германии концентрационный лагерь Дахау, заполнив его баварскими коммунистами и прочими антинацистами. Гейдрих, между тем, сформировал новую организацию, *Sicherheitsdienst*, сокращенно СД, взявшую на себя обязанности контрразведки. В ее сети попали потенциальные оппозиционеры, и в том числе адмирал Канарис. Гейдрих не без оснований подозревал его в подпольных связях с Англией в преддверии новой войны. К 1934 году Гиммлер уже контролировал почти все германские земли. В апреле он возглавил гестапо, сеть тайной полиции, образованную Герингом. Гейдрих стал его заместителем. Два месяца спустя они устроили первую карательную акцию.

Недоверие Гитлера к СА умело подогревалось руководителями СС. В конце концов Гиммлер и Гейдрих высказали опасение, что час торжества СА

уже близок. Разъяренный Гитлер приказал собрать начальников СА в местечке Бад-Виссе в Баварии. Оттуда их отправили напрямик в тюрьму, где и расстреляли. Глава СА Эрнст Реме был патроном Гимmlера двенадцатью годами ранее, устроившим его в военную бригаду. Гимmlер выступал под его флагом во время неудавшегося путча в Мюнхене в 1923 году, однако не испытывал теперь никаких угрызений совести, подписывая приказ о расстреле своего бывшего начальника и покровителя. Выстрелы в Бад-Виссе стали сигналом для СС развернуть массовые убийства по всей Германии, ликвидируя выдающихся политиков по списку, составленному Гимmlером и Гейдрихом. Гитлер заявил в Рейхстаге, что семьдесят девять человек погибли во время так называемой «Ночи длинных ножей». Однако большинство историков сходятся во мнении, что истинное количество жертв приближалось к пятистам.

Затем Гитлер объявил, что, согласно его указу, СС становится полностью независимым органом в рамках Нацистской партии. А в мае 1935 года Прусский Верховный суд постановил, что действия гестапо не подлежат разбирательству в суде, если они были совершены во исполнение воли руководства страны. Теперь у Гимmlера и Гейдриха руки оказались окончательно развязанными. Они получили возможность действовать абсолютно свободно, не опасаясь никого, кроме фюрера. Члены СС оказались на переднем крае объявленной Гимmlером борьбы за чистоту нации. Кандидаты на вступление в ряды этой организации должны были документально доказать, что в их роду не было евреев начиная с 1800 года. Для офицеров этот срок смещался до 1750 года. Руководители СС поощряли браки между истинными арийцами. Рождение каждого ребенка в таких семьях поощрялось особыми подарками. Если мужчины — члены СС предпочитали оставаться холостыми, они пользовались привилегиями системы *Lebensborn*, позволявшей им

становиться отцами детей привлекательных и чистокровных немецких девушек. Штат СС большей частью состоял из уроженцев деревень, потому что Гиммлер имел почти маниакальное убеждение, что города несут зло и контролируются евреями. «В городах рождаются трусы, — говорил он. — Герои рождаются в деревнях». Хотя работа, которую Гиммлер собирался поручить своим войскам, едва ли приличествовала героям.

В октябре 1938 года семнадцать миллионов польских евреев, проживавших на германской территории, были лишены гражданства правительством Польши. Несколько дней спустя эсэсовцы объявили, что Германии эти люди также не нужны. Гейдрих организовал широкомасштабный рейд. Евреи были посажены в поезда, доставлены к польской границе и высажены на нейтральной территории. Семнадцатилетний сын одной из жертв насильственной депортации находился в Париже, когда до него дошли шокирующие вести. Он отправился в немецкое посольство, намереваясь убить посла, однако вместо этого застрелил мелкого служащего и был немедленно арестован.

Гейдрих не мог упустить такой шанс. Каждый начальник полиции Германии получил предупреждение, что в ночь с 9 на 10 ноября следует ожидать антиеврейские выступления. Полицейские офицеры обязывались побеседовать с местными политическими организаторами и растолковать им правила игры. Ни жизнь, ни имущество немцев не должны были пострадать. Синагоги разрешалось поджигать только лишь в том случае, если не возникало опасности распространения пламени на расположенные рядом строения. Дома евреев можно было подвергать только механическому разрушению.

Последовавшие затем «спонтанные» демонстрации унесли жизни тридцати пяти человек, уничтожили 180 синагог и разгромили семь тысяч пятьсот торговых фирм. Страховые компании оценили ущерб в три миллиона фунтов. *Kristallnacht*, «хрус-

тальная ночь» — так образно окрестили ее в народе из-за огромного количества перебитых стекол — стала отчетливым предупреждением для евреев Европы. Те, кто имел возможность, бежали в более дружественные страны. Тем, у кого такой возможности не было, оставалось покорно ждать грядущий геноцид.

Накануне захвата нацистами Польши Гитлер предупреждал генералов своей армии: «Произойдут вещи, которые не придутся вам по вкусу, но вы не должны вмешиваться. Строго выполняйте свой воинский долг». Это был приказ, которому тяжело было повиноваться офицерам вермахта, воспитанным на традициях честной войны.

СС не терпелось начать военные действия. Гимлер и Гейдрих помогли Гитлеру очистить высшие командные круги от колеблющихся. Многие генералы сочли захватнический план Гитлера слишком вызывающим и опасным. Некоторые оказались достаточно наивными, чтобы просить отложить вторжение. Верхушка СС представила Гитлеру наспех состряпанные доказательства неблагонадежности этих людей, что позволило заменить «трусливые сердца» людьми, готовыми слепо следовать приказам. Гейдрих изобрел хитроумный способ проверять лояльность всех нацистских лидеров. Он организовал в Берлине дорогой бордель для избранных под названием «У мадам Китти» и наполнил его самыми привлекательными девочками по вызову, какие только нашлись в Германии. Однако каждая спальня была предварительно напичкана подслушивающими устройствами и микрофонами, чтобы все легкомысленные постельные разговоры можно было записывать на пленку.

Тот же Гейдрих явился мозгом наиболее успешного денежного предприятия СС. В 1938 году Германия объединилась с Австрией, после того как эсэсовцы убили австрийского канцлера Энгельберта Доллфусса и в Вене открылось Бюро еврейской иммиграции. Там за откровенно вымогательскую

плату евреи могли купить выездные визы и тем самым избежать риска оказаться в концентрационном лагере. К концу 1939 года шестьдесят процентов австрийских евреев продали все свое имущество СС и бежали из страны. Второе такое Бюро открылось в Праге после оккупации Чехословакии и оказалось не менее прибыльным.

Идея пропагандистской инсценировки для оправдания вторжения в Польшу тоже принадлежит Гейдриху. Вечером 31 августа немецкая радиостанция в приграничном городе Глайвице была атакована польскими солдатами. Вскоре после этого нападавшие ретировались, оставив за собой трупы немцев и поляков. На следующий день нацистские танки пересекли польскую границу, и немецкие газеты назвали этот шаг мстью за провокацию. Однако польскими солдатами были переодетые эсэсовцы. А трупы, разбросанные повсюду, оказались бывшими заключенными концентрационных лагерей.

Когда вторжение началось, вермахт понял, что предупреждение Гитлера не было шуткой. Несколько эсэсовцев было обнаружено в синагоге за расстрелом пятидесяти евреев и арестовано. Гиммлер немедленно потребовал их освобождения. Генералам дали понять, что мужчины, женщины и дети на захваченных территориях впредь будут безжалостно уничтожаться. Еще недавно в это трудно было поверить, однако теперь это казалось более чем вероятным. Военные умоляли отложить убийства до тех пор, пока их непосредственная миссия не будет завершена. Они боялись, что именно их мир обвинит во всех зверствах, но Гиммлер и Гейдрих отказались обсуждать приказы фюрера. Евреев начали загонять за высокие стены и проволочные заграждения пятидесяти пяти гетто. Гиммлер принялся исполнять обязанности главы Комиссариата рейха по укреплению немецкой национальности.

Жители захваченных северных земель подлежали выселению из-за того, чтобы обеспечить землей новых немецких фермеров. На языке нацистов это

называлось «сменой населения». За этим эвфемизмом скрывался целый спектр грехов. Гиммлер заявлял, что во время вторжения в Россию были убиты десятки тысяч славян. Через год после оккупации Польши он говорил: «Мы должны очистить эту землю от сотен тысяч людей. Мы должны иметь мужество расстрелять тысячи польских лидеров, в противном случае пройдет некоторое время, — и они начнут мстить нам».

Массовые расправы скоро сделались обычной практикой для СС. Почти что сорок пять тысяч евреев погибло от голода в течение одного 1941 года, когда Гиммлер резко сократил рацион заключенных. На русском фронте офицеры вермахта с ужасом наблюдали за тем, как головорезы из Ваффен-СС превращают сотни человек в кровавое, изрешеченное пулями месиво. На Нюрнбергском процессе один из руководителей СС рассказал, что его бригады за двенадцать месяцев уничтожили девяносто тысяч мужчин, женщин и детей. По иронии судьбы практика массовых расстрелов пошла на убыль, когда Гиммлер лично стал свидетелем убийства сотни беззащитных пленников в Минске. Человека, посылавшего на смерть миллионы одним росчерком пера, стошнило при виде крови. Согласно его распоряжению, в дальнейшем пленных следовало уничтожать в передвижных газовых вагонах.

Тем временем Гейдрих был назначен Протектором рейха в Богемии и Моравии. Через несколько недель он получил прозвище Пражский мясник. Гестапо быстро и безжалостно сокрушило чешское движение Сопротивления. Чешский премьер-министр был приговорен к смерти на сфабрикованном судебном процессе. Но чехословацкие агенты стали связными между Лондоном и чрезвычайно важным шпионом в высших кругах нацистской иерархии, действовавшим под кодовым именем Франта. Вскоре стало известно, что Гейдрих близок к раскрытию Франты. Тогда шефы британской секретной службы и чешское правительство в из-

гнании пришли к выводу, что Гейдрих становится слишком опасен. На территорию страны были выброшены двое убийц с парашютами.

Ян Кубис и Йозеф Габчек устроили засаду на дороге, по которой Гейдрих обычно ездил со своей загородной виллы в пражский дворец Градчаны, где помещался его кабинет. 27 мая 1942 года, зайдя в «мерседес» шефа СС, направлявшийся в Прагу, Габчек вышел ему навстречу и поднял пулемет системы «стена». Спусковой крючок заело. Когда машина остановилась, Кубис бросил гранату. Гейдрих выскочил из автомобиля с револьвером в руках. В следующее мгновение он споткнулся и упал. После девятидневной борьбы за жизнь Гейдрих умер в госпитале. СС и гестапо произвели десять тысяч арестов, но самой ужасной расправе подверглась деревня Лидице. Она была полностью сожжена дотла. Все мужское население, составлявшее тысячу триста человек, расстреляно.

Гиммлер остался в одиночку воплощать в жизнь зловещие планы Гитлера.

«Конечное решение» ликвидаторов

Уличная стрельба, голод в гетто. Газовые вагоны... так в тридцатых годах умирали сотни евреев, коммунистов и представителей прочих «нежелательных» групп населения. Тем не менее, даже такой беспрецедентный геноцид оказался недостаточным для исполнительных начальников СС, и концентрационные лагеря, изначально создававшиеся как места для содержания политических заключенных, превратились в лагеря для массового истребления людей. Их оборудовали газовыми камерами и кремационными печами. Как водится, спрос повлек за собой предложение, и вскоре появились новые лагеря, возведенные по специальным проектам.

На территории рейха располагалось шестнадцать

лагерей. Наиболее страшными были польские Аушвиц и Трешлинка. Невзирая на исключительную загруженность, эти лагеря работали исправно благодаря неустанной заботе Адольфа Айхмана.

Родившийся в 1906 году в Ринеланде и воспитанный в Австрии, Айхман был безработным коммивояжером, прежде чем присоединился к СС в качестве «исследователя», изучавшего масонское «зло». Когда Райнхард Гейдрих открыл Отдел еврейской иммиграции, Айхман нашел свою нишу. Благодаря модернизации бюрократического аппарата, ему удалось заработать столько денег, сколько еще ни разу до этого не поступало в сейфы СС. Позже он повторил свой успех в Вене и Праге. Когда Польша была завоевана, Айхмана вызвали в Берлин и назначили шефом Центрального Бюро рейха по вопросам еврейской иммиграции.

Однако в августе 1941 года Гейдрих объявил, что дни, когда евреям удавалось избегать возмездия, миновали и что отныне политика рейха будет направлена на их тотальное уничтожение.

Айхман получил задание доставлять евреев со всей Европы в лагеря смерти. В его обязанности входило собирать их вместе и обеспечивать подачу спецпоездов, доставлявших несчастных напрямик в вечность. Если кто-то умирал по дороге в переполненных товарных вагонах, в этом не усматривалось большой беды. Однажды в поезде, вернувшемся во Францию из Аушвица, было найдено двадцать пять тел детей в возрасте от двух до четырех лет. Лагерная охрана не взяла на себя труд выгрузить крошечные трупы.

Леденящие душу успехи Айхмана стали известны в полной мере во время Нюрнбергского процесса. Рудольф Хесс был комендантом Аушвица с августа 1941 по декабрь 1943 года. Во время перекрестного допроса он признался, что за это время в газовых камерах погибло два миллиона пятьсот тысяч мужчин, женщин и детей и еще пятьсот тысяч скончалось от голода и болезней. К нему при-

сылали евреев из Германии, Голландии, Франции, Бельгии, Венгрии, Чехословакии и Греции, равно как и из самой Польши. Хесс сказал, что более четырехсот тысяч венгерских евреев было ликвидировано в Аушвице за одно только лето 1944 года.

Затем бывший комендант представил циничное сравнение своего лагеря с Трешлиной, имевшей дело преимущественно с заключенными варшавского гетто. «Они применяли одноокисный газ, который считался малоэффективным на практике, — объяснил Хесс. — Я же решил использовать «Циклон-Б», кристаллизованную синильную кислоту... Затем мы провели дальнейшую модернизацию и построили газовую камеру, способную вместить две тысячи человек за один раз, тогда как в Трешлине вместимость составляла всего лишь двести человек». Камеры с «Циклоном-Б» были изобретением Айхмана, появившимся на свет после изнурительной серии проб и ошибок. Они ускорили ликвидационный процесс, позволив довести число уничтожаемых за день евреев до двадцати четырех тысяч. В воздухе Аушвица днем и ночью стоял тошнотворный запах горячей плоти.

Эсэсовцы старались пускать на пользу дела все последствия геноцида. Золотые кольца сдирались с похолодевших пальцев, золотые зубы вырывались из челюстей мертвцов. Кости перемалывались на удобрения. В 1942 году все лагеря получили директиву от шефа СС по экономическим вопросам Освальда Поля: «Человеческие волосы должны собираться. Женские волосы могут быть использованы в производстве носок для персонала подводных лодок и для работников государственных железных дорог... А что касается мужских волос, то они представляют интерес для нас, только если их длина превышает по крайней мере двадцать миллиметров».

На некоторых пленных ставили бесчеловечные опыты, прежде чем уничтожить. Их стерилизовали без применения анестезии, на них испытывали новые лекарства и проводили эксперименты по

выявлению уровня чувствительности человека к боли, холоду, жаре. Некоторые подопытные не доживали до газовых камер. И тем не менее, посреди свирепствующей повсюду смерти Гиммлер заботился о жизни. Он проявлял особый интерес к саду трав, разбитому в нескольких ярдах от бойни Аушвица, радея за возвращение Германии к естественной пище и лекарствам.

Полнейшее пренебрежение к человеческой жизни, тесным образом соседствовавшее с повышенной заботой о пустяках, представляется симптомом психического заболевания, однако в основном нацисты прекрасно сознавали, что совершают зло. В частности, Айхман всегда старался тщательно заматывать следы. Когда армия союзников вошла в Германию, руководители СС уничтожили все свои кропотливо собиравшиеся досье на погибших, рассчитывая, вероятно, что мир ни о чем не догадается...

В июле 1944 года, после неудавшегося покушения на жизнь Гитлера, когда граф Клаус фон Штауффенберг подложил ему бомбу, власть Гиммлера еще более усилилась. Вдобавок к СС, полиции и гестапо под его юрисдикцию попала обширная резервная армия. Страдавший паранойей Гитлер не мог больше доверять военным.

Гиммлер знал, что уже слишком поздно спасти Германию. Союзные войска высадились в Нормандии. И Гиммлер решил попытаться спасти собственную шкуру, начав тайные мирные переговоры за спиной у фюрера. Тем не менее отчаянное положение рейха не умерило его жестокости. Штабные маршалы и генералы, подозревавшиеся в причастности к заговору Штауффенберга, были второпях повешены на струнах от рояля. Потенциальным дезертирам из резервной армии напоминали, что безопасность их семей зависит целиком от их примерного поведения. Тела пойманных дезертиров висели на деревьях с приколотыми к груди плакатами, на которых было написано красным цветом: «Я покинул свою часть без разрешения».

Даже после самоубийства Гитлера, когда союзные части окружили Берлин, Гиммлер все еще верил, что останется в будущем главой Германии. Только после того как преемник Гитлера адмирал Денитц освободил его от всех занимаемых должностей как «политически неблагонадежного», Гиммлер наконец-то спустился с небес на землю. С фальшивыми документами на имя Генриха Гитцингера, без традиционных пенсне и усов он попытался смешаться с толпой беженцев и солдат, стремившихся домой в хаосе, охватившем разбитую Германию. Выдала Гиммлера его бюрократическая натура государственного служащего. Он занял место в длинной очереди, выстроившейся вдоль узкого моста в Майнстедте, который время от времени патрулировался английскими солдатами, и единственный вызвался добровольно показать свои документы. Его немедленно заподозрили и арестовали, хотя и не узнали сразу.

В тюрьме Гиммлер признался, кто он такой, и попросил, чтобы его доставили к маршалу Монтгомери. Его просьба была отклонена. При обыске у него нашли капсулу с цианистым калием за подкладкой воротника, однако у Гиммлера оказалась еще одна, спрятанная в дупле зуба, и когда люди из британской спецслужбы прибыли допрашивать его, он разжевал запасную капсулу и умер. 26 мая 1945 года тело Генриха Гиммлера было вывезено в лес около Люнебурга и зарыто в общей могиле без всяких церемоний. Таким образом, только пять могильщиков знали, где именно закончил свои дни второй человек рейха.

Адольфа Айхмана также арестовали в мае 1945 года, но так и не узнали. Когда американские солдаты задержали его, он был переодет пилотом Люфтваффе и союзники не проявили особенного интереса к рядовому летчику. Айхман воспользовался суматохой, царившей вокруг, и сбежал.

Далее о нем ничего не было известно вплоть до 1957 года, когда израильская спецслужба напала-таки на след монстра, ответственного за гибель шести миллионов евреев. Секретная служба Германии передала своим коллегам сообщение бывшего заключенного Дахау, иммигрировавшего после войны в Аргентину. Его дочь рассказала, что один ее одноклассник делал яростные антисемитские заявления. Этого школьника звали Николас Клемент. Девочка описала внешность отца мальчика, и бывший узник Дахау убедился, что это Айхман.

Фамилия Клемент попала на заметку Тель-Авива. Израильские агенты проследили пути бегства тридцати высших нацистских начальников через Испанию и Италию. Одна ниточка вела в Латинскую Америку. Ватиканские чиновники выдали статус беженца некоему Рикардо Клементи. Немецкие спецслужбы передали израильтянам адрес семьи Клемент — 4261, улица Чакабуко, Оливос, Буэнос-Айрес.

После деликатных переговоров с аргентинским правительством израильские агенты получили разрешение установить слежку за Клементом. Скрытой камерой было сделано несколько фотографий, которые затем показали уцелевшим пленникам лагерей смерти. Но ни один из них не мог со стопроцентной точностью утверждать, что на фотографиях изображен именно Айхман, и израильтяне не осмелились предпринимать какие-либо решительные действия до тех пор, пока не получат неопровержимые доказательства. Схватив не того, кого надо, они рисковали сделаться международным посмешищем.

Нацистского палача выдал букет цветов. Клемент купил его 21 марта 1960 года, возвращаясь с работы на фабрике «Мерседес-Бенц» в Суаресе, пригороде Буэнос-Айреса. Цветы были у него в руках, когда он выходил из автобуса около своего дома в Оливосе. Этого оказалось достаточно, чтобы рассеять

всякие сомнения. Работникам спецслужбы было известно, что 21 марта годовщина свадьбы Айхманов.

Израильская спецслужба произвела то, что позже будет названо наиболее безупречно спланированным похищением вска. Один из первоклассных охотников за нацистами Симон Визенталь говорил: «Если вы убьете его, мир никогда не узнает, что он натворил. С ним должны быть сведены все счета, его процесс должен остаться в истории». 11 мая Клемента затолкали в машину, едва он вышел из автобуса, и отвезли в заранее подготовленное тайное место. Там его раздели и осмотрели, чтобы сличить особые приметы. Шрам от аппендицита, шрам над левым локтем и эсэсовская татуировка с группой крови на левой подмышке — все оказалось на месте и доказывало, что под именем Клемент действительно скрывался нацистский палач Адольф Айхман.

Его накачали наркотиками и доставили в аэропорт Буэнос-Айреса. Охранники, сопровождавшие его, притворялись сиделками и родственниками. В поддельных документах значилось, что они везут израильского гражданина, попавшего в автомобильную катастрофу, и этого оказалось достаточно для спокойного переезда без привлечения лишнего внимания. Для перелета использовался реактивный самолет Эль-Аль, доставивший в столицу Аргентины делегацию израильских политиков, принимавших участие в праздновании 150-летней годовщины независимости республики. В общей сложности через двадцать четыре часа после начала операции наиболее ненавистный евреям человек оказался в Тель-Авиве.

Суд на Айхманом начался 12 декабря 1961 года. Против него было выдвинуто пятнадцать обвинений, среди которых депортация и убийство миллионов евреев, соучастие в убийстве тысяч цыган, соучастие в убийстве девяносто одного ребенка. Айхман утверждал, что, разрабатывая концепцию еврейской эмиграции, он делал то, что предлагали

сионисты — высылал евреев из Европы, чтобы они могли найти себе новую родину. Он сказал, что пытался организовать еврейские поселения в Польше и на Мадагаскаре, но ему помешали вышестоящие нацистские чиновники. Когда в 1941 году фюрер издал указ уничтожать всех евреев, «я перестал находить радость в своей работе, потерял к ней всякую инициативу и интерес». По его словам, он всего лишь исполнял приказы.

Израильтяне скрупулезно следили за соблюдением законности и справедливости процесса. Тем не менее 31 мая 1962 года в 21 час 53 минуты Адольф Айхман был повешен во дворе тюрьмы Рамлех неподалеку от Тель-Авива. Адвокаты не особенно старались выгораживать своего подзащитного, зная, что он яростно протестовал, когда Гиммлер попытался остановить маховик ликвидации, предчувствуя скорый конец Рейха. Они предпочитали верить словам Дитера Висленского, казненного в Чехословакии за военные преступления и бывшего некогда одним из помощников Айхмана: «Он сказал, что даже в могиле будет прыгать от радости, потому что сумел уничтожить пять миллионов евреев».

Клаус Барбье, Лионский мясник

В оккупированной немцами Франции не существовало убежища, где могли бы укрыться те, у кого были веские основания бояться нацистов. Германская армия контролировала север, на юге хозяйничало правительство маршала Филиппа Петена, с неподдельной охотой исполнявшее за нацистов черную работу. Гестапо и СС господствовали по всей стране, наводя ужас на ее граждан.

Евреи жили в постоянном страхе, что их национальность откроется и они погибнут в переполненных поездах, идущих на восток, или же в страшных лагерях смерти, подобных Аушвицу, Маутха-

узну и Равенсбрюку. Многие семьи, подвергшиеся репрессиям, отсылали своих детей на юг страны, где аресты не казались абсолютно неизбежными, надеясь спасти хотя бы свое потомство.

По всей Франции укрывали еврейскую молодежь, и в большинстве своем германские военачальники смотрели сквозь пальцы на этот очевидный сбой в отлаженной ликвидационной системе. Однако местный глава СС не желал мириться с вопиющим нарушением порядка. Это был Клаус Барбье по прозвищу Лионский мясник.

Барбье удалось обнаружить обширное убежище для еврейских детей, устроенное в неприметном доме в центре горной деревушки Изье у самой швейцарской границы. Рано утром 6 апреля 1944 года Барбье послал туда несколько грузовиков. Солдаты выгнали из дома всех его обитателей, затолкали в машины и увезли по узкой, извилистой горной дороге.

В ту же ночь Клаус Барбье отправил телекс в штаб-квартиру гестапо в Париже, сообщая о своих успехах. В нем значилось:

«Рано утром был совершен рейд в приют для еврейских детей под названием «Клони Анфан» в Изье. Всего из дома вывезен сорок один ребенок в возрасте до тринадцати лет. Более того, весь еврейский персонал, из которых пятеро женщин, арестован. Наличие и другие ценности остались нетронутыми. Транспортировка арестованных в Дранси будет осуществлена завтра. Барбье».

Дранси был пересыльным лагерем в окрестностях Парижа, откуда спустя два месяца детей в вагонах для скота отправили в лагерь смерти Аушвиц.

Ни один ребенок не выжил. Все погибли в газовых камерах.

Сегодня на стене старого серого дома в Изье висит доска с именами замученных детей. Ее открыли после войны, чтобы напоминать людям о самых черных днях истории... О доблести борцов Сопротивления, о стыде за предателей, облегчивших задачу нацистов, об ужасе режима СС и геста-

по, но прежде всего о зверствах, совершенных во имя Гитлера одним из его наиболее преданных приспешников — Клаусом Барбье.

Через тридцать девять лет после гибели невинных детей на французов снова нахлынули воспоминания о леденящей кровь славе Барбье. В феврале 1983 года он был обнаружен в Боливии и возвращен во Францию, чтобы предстать перед судом за свои преступления. Его посадили в специальное крыло тюрьмы Сент-Жозеф в Лионе, пока следователи рыскали по горам в поисках свидетельств в поддержку обвинения против него.

Отряды смерти Ваффен-СС сражались во Франции бок о бок с регулярными частями немецкой армии, вызывая тошноту у закаленных в боях солдат своими бесчеловечными зверствами. В мае 1940 года около Байоля британские войска защищали канал Ля Бассе. После продолжительного, тяжелого боя с превосходящим числом противником англичане подняли белый флаг. Когда они двинулись навстречу врагу с поднятыми вверх руками, ротмистер СС лейтенант Фритц Кнохляйн отдал приказ открыть огонь. Затем убитые и раненые были свалены в кучу на территории ближайшего фермерства. Но один человек выжил и позднее свидетельствовал против Кнохляйна на судебном процессе, устроенном после войны.

Архивные документы доказывали, что юношеский фанатизм помог Клаусу Барбье сделаться «безупречным» нацистом. Он родился 25 октября 1913 года в Бад-Годесберге близ Бонна внебрачным ребенком. Позднее его родители поженились. Подроском он стал членом организации «Гитлер Югент» а в двадцать два года добровольцем вступил в ряды СС (Schutzstaffel, или Охранные отряды) и был послан в Дортмунд работать в элитном подразделении. Там Барбье познакомился с Риджиной Виллмс, которая вскоре стала его невестой. Свадьба состоялась в Берлине в 1940 году в присутствии полного эскорта СС. Два года спустя Барбье производят в оберштурмфюреры и посылают в Лион в качестве главы городской организации гестапо.

Очень скоро молодой эсэсовец обнаружил, что его задача «очищения» города от евреев и прочих низших народностей оказалась куда более простой, чем он себе представлял. Информаторы и предатели охотно сотрудничали с захватчиками, выдавая имена своих соседей, чтобы заслужить почести новой власти.

Действия марионеточного правительства маршала Петена привели к тому, что немцы покорили Францию, затратив при этом минимум усилий и при ограниченном контингенте войск. Это и неудивительно, ведь зачастую сами французы действовали с большей жестокостью, нежели захватчики. Особым рвением отличались французские боевые отряды, названные милицией и выполнявшие карательные задания своих хозяев.

Архитектор Альберт Шпеер с 1942 по 1944 год был министром военной промышленности в правительстве Гитлера. Историки считают, что благодаря успешной работе именно этого человека, обеспечившей бесперебойные поставки на фронт танков, самолетов и прочих видов вооружения, на два года задержалось подписание германской капитуляции. Однако Шпеер понял абсурдность своей рабской преданности фюреру, когда постиг всю глубину жестокости этого человека. Еще в 1944 году он жаловался, что варварство гитлеровских эсэсовцев ежемесячно лишает его сорока тысяч иностранных рабочих и даже замыслил устроить газовую атаку в бункере Гитлера, чтобы положить конец злу, приносимому Третьим Рейхом. Альберт Шпеер стал единственным обвиняемым, за которого ходатайствовали во время Нюрнбергского процесса. В результате он был приговорен к двадцати годам заключения в тюрьме Шпандау в Берлине и выпущен на свободу в 1966 году.

Штаб-квартира Барбье располагалась в здании Эколь Санте Милитэр. Там он устроил пыточные камеры, оснащенные хлыстами, цепями, шипованными дубинками, электрошоковыми приборами и сварочными аппаратами.

В своей книге о Лионском мяснике, озаглавленной «Клаус Барбье — его жизнь и карьера», писа-

тель Джон Битти освещает некоторые практиковавшиеся им приемы.

Во время допросов Барбье приказывал ставить у себя в кабинете две ванны. Одну наполняли почти кипятком, а другую ледяной водой. Заключение поочередно окунали в эти ванны до тех пор, пока они не рассказывали палачам то, что от них желали услышать.

Женщин раздевали донага, связывали и обкладывали кусками сырого мяса, затем Барбье спускал с привязи своих немецких овчарок. Существовали и другие пытки, включавшие в себя кислотные инъекции, подпаливание факелами и пропускание сквозь тело электрического тока.

Джон Битти разыскал старого переводчика Барбье Готтлиба Фуха, который рассказал ему о допросе еврейских детей — мальчика и девочки. Дети упорно отказывались выдавать местонахождение остальных членов своей семьи. В приливе ярости Барбье схватил обоих разом и размозжил их головы о стену камеры.

Фух поведал также о том, как чрезмерное усердие Барбье привело однажды к потере ценного для нацистов заключенного. Глава организации Сопротивления, основанной генералом де Голлем, был предан и схвачен вместе с восемью товарищами на тайной встрече в Лионе в июне 1942 года. Его пытали до тех пор, пока он не лишился чувств, а затем протащили через несколько пролетов лестницы за ноги, так что его лицо от полученных увечий изменилось до неузнаваемости. Посланный в Германию для дальнейшего расследования, он скончался по дороге от ран.

Однако самой большой ошибкой Барбье было использование Фуха в качестве переводчика, потому что он был двойным агентом, работавшим на союзников и переправлявшим информацию, полученную от Барбье, швейцарской спецслужбе через границу.

Через три месяца после высадки союзников в

Европе их объединенные войска приблизились к окрестностям Лиона. К тому времени садистская деятельность Барбье достигла невиданного размаха. Он проводил допросы в присутствии обнаженной женщины, сидевшей у него на коленях, получая извращенное наслаждение от мук пытаемых жертв.

После того как пострадало популярное у германских офицеров кафе, Барбье решил отомстить и послал туда рейд гестапо. Пятерых ни в чем не повинных молодых людей выволокли на улицу и расстреляли.

Однажды он вызвал в свою штаб-квартиру местных жандармов, чтобы они вычистили камеры. Жандармы явились и обнаружили груды тел молодых людей, расстрелянных из автомата. Весь пол был залит кровью...

Сто десять мужчин и женщин, содержавшихся в тюрьме Монтлюк, были вывезены Барбье в деревню Сент-Жени-Лаваль. Там, в верхней комнате старого форта, их расстреливали из автоматов до тех пор, пока кровь буквальным образом не начала капать с потолка нижнего помещения.

Союзные войска вошли в Лион 3 сентября 1944 года, но Барбье к тому времени в городе уже не было. Он бежал. 675 дней Мясник держал лионцев в страхе. За это время он организовал убийства более четырех тысяч человек, в том числе и многих людей, сотрудничавших с его организацией, чтобы они не смогли свидетельствовать против него.

В последние дни войны Барбье бедствовал во Франкфурте, существуя на деньги, вырученные на черном рынке. Он тесно общался с другими экс-эсэсовцами. Благодаря их предупреждениям ему не раз удавалось избежать ареста. В августе 1946 года, казалось, удача изменила ему. Американцы выследили Барбье, посадили в джип и повезли к себе на базу. Однако по дороге ему удалось выскочить, а джип в результате возникшей суматохи врезался в дерево. Барбье снова оказался на свободе.

Доктор-садист Марсель Петрио наживался на людском отчаянии посреди хаоса, охватившего оккупированный нацистами Париж. Он убеждал богатых евреев и всех остальных, кто хотел избежать преследований гестапо, что может переправить их на Кубу через Испанию за соответствующую цену. Однако когда люди, попавшиеся на его удочку, приходили, нагруженные деньгами, ювелирными украшениями, мехами, золотом и серебром в его особняк на улице Лезюер, доктор Петрио делал им смертельную инъекцию и через специальное отверстие наблюдал, как они умирали в треугольной комнате без окон. Однажды его арестовало гестапо, озадаченное исчезновением евреев, назначенных к отправке в лагеря смерти. Но вскоре доктора отпустили, вероятно убедившись, что он всего лишь экономит время и силы нацистов. Петрио арестовали во второй раз только после того, как Франция была освобождена союзными войсками. Оказалось, что доктор вел подробные записи, по которым следствие установило, что в треугольной комнате погибло шестьдесят три человека, а их средства сделали Петрио миллионером. Он умер на гильотине 26 мая 1946 года.

Джон Битти утверждает, что первые послевоенные годы Барбье провел, сотрудничая сперва с британской, а затем и с американской спецслужбами, сообщая им информацию о подпольных коммунистических группах. Он жил под именем Клауса Альтмана в баварском городе Аугсбург до 1951 года, пока с женой Региной и двумя детьми не отправился в Южную Америку из итальянского порта Генуя.

Они обосновались в столице Боливии, городе Ла Пац. Барбье стал уважаемым бизнесменом, владельцем лесопилки, водил дружбу с политиками. Несколько раз он даже совершал заграничные поездки.

Беззаботная жизнь Клауса Барбье завершилась в восьмидесятых. Его сын погиб в результате несчастного случая во время полета на дельтаплане, а жена умерла от рака. Вскоре после этого к власти в Боливии пришел новый, более либеральный президент Силес Зуазо и начал кампанию по очищению страны от нацистов. Постоянные требования Франции выдать Мясника в конце концов дали результат, и 4 февраля 1983 года Барбье был арестован. Ему сказа-

ли, что он будет выслан за границу. Его привезли в аэропорт Ла Паца и посадили в грузовой самолет без опознавательных знаков. Барбье оставался спокойным и невозмутимым до того момента, пока не выяснил, что весь экипаж состоит из французских офицеров. Лионского мясника везли в тюрьму города, где он искалечил и замучил так много невинных людей.

Убийцы, которым удалось скрыться

15 мая 1984 года в газеты мира было разослано сообщение от неизвестного телеграфного агентства, гласившее: «Нацистский преступник Вальтер Рауфф, обвинявшийся в смерти тысяч евреев в газовых камерах СС во времена второй мировой войны, умер от рака легких в Южной Америке в возрасте семидесяти семи лет».

Официальный представитель Израиля, добивавшийся выдачи Рауффа, сказал: «Бог сам закрыл это дело». Однако был человек, желавший, чтобы именно ему, а не Богу посчастливилось поставить точку в деле Вальтера Рауффа. Это был охотник за нацистами доктор Симон Визенталь, обвинявший Рауффа в убийстве двухсот пятидесяти тысяч человек.

Доктор Визенталь объявил непримиримую войну нацистским преступникам и самоотверженно ратовал за привлечение их к суду, однако его крестовому походу зачастую мешали дипломатические условия и круговая порука, господствовавшая среди кучки приспешников Гитлера, все еще находившихся в бегах.

Рауфф, к примеру, после падения режима Гитлера вел достаточно беззаботную жизнь. Как и многие из его сообщников, он бежал в Южную Америку и окончил свои дни в Чили владельцем хладокомбината. Он даже не пытался скрываться. Хладокомбинат был зарегистрирован под его настоящим

именем. Время от времени бывший ээсовец даже отвечал на письма, присылаемые любопытными журналистами.

Ходили слухи, что Рауфф был замешан в контрабанде наркотиков в районе Пунта-Аренас и что одно время он работал на ультраправое чилийское правительство в качестве антикоммунистического агента.

Его ненависть к коммунистам наглядно документирована. Будучи ответственным за поставки газовых камер в концентрационные лагеря, Рауфф был известен как «скорая помощь» Гитлера. Тысячи «левых», интеллектуалов, сумасшедших, евреев и прочих «нежелательных» людей загонялись в крытые грузовики, внешне похожие на машины «скорой помощи». Когда закрывались двери, в них начинал поступать углекислый газ и все, кто находился внутри, погибали.

Имя Рауффа было одним из десяти указанных в списке доктора Визенталя, составленном во время допросов Клауса Барбье в 1983 году. «Эти десять имен, — заявлял он на своем докладе в Центре еврейской документации в Вене, — принадлежат нацистам, которых я хотел бы предать суду». Семидесятишестилетний доктор говорил: «Если я смогу добраться до всех десяти, это будет настоящее достижение. Однако если мне удастся разыскать только одного Йозефа Менгеле, думаю, моя душа и тогда успокоится».

Менгеле был врачом в концентрационном лагере Аушвиц, производившим ужасающие эксперименты над людьми и получившим среди заключенных прозвище Ангел Смерти. Одно время Визенталю казалось, что он напал на след доктора Менгеле в далекой религиозной колонии меннонитов на границе Боливии и Парагвая. Однако, тот будучи официально зарегистрирован как беженец и парагвайский гражданин, был надежно защищен от выдачи иностранному государству.

Квалификация доктора Менгеле была безупреч-

ной. Он имел дипломы Мюнхенского и Франкфуртского университетов, и этого оказалось достаточно для назначения его на пост заведующего медицинской частью Аушвица, где, по утверждению Визенталя, он отправил на тот свет четыреста тысяч человек.

В Аушвице Менгеле главным образом пытался найти фактическое подтверждение теории Гитлера о превосходстве тевтонской расы. С помощью генетических манипуляций он изменял цвет волос и глаз своих подопытных, отчего они либо умирали, либо слепли и становились калеками.

После войны Менгеле бежал в Италию, а затем в Аргентину. В конце концов он обосновался в Парагвае. В 1973 году он принял гражданство этой страны. Невзирая на усилия охотников за нацистами, Менгеле продолжал наслаждаться жизнью под защитой парагвайского правительства, хотя время от времени вынужден был пересезжать с места на место во избежание опасности быть похищенным и убитым.

В 1979 году его друзья распустили слух, что доктор умер. В прессе даже появилась фотография тела человека, лежащего на столе в морге, на которой был виден шрам на месте сведенной эсэсовской татуировки. Тем не менее Визенталю удалось обнаружить, что тело на снимке принадлежало не Менгеле, а бывшему капитану СС Эдуардо Рошману, посланному на смерть восемьдесят тысяч евреев в концентрационном лагере в Риге.

Однако не Рауфф и не Менгеле возглавляли список доктора Визенталя. Эта честь принадлежала человеку, который, вероятно, ни разу в жизни не выстрелил ни в одну из своих жертв. Он редко посещал концентрационные лагеря и никогда не присутствовал при казнях. Глава гестапо Генрих Мюллер всего лишь отдавал распоряжения.

Согласно Визенталю, на совести Мюллера смерти миллионов евреев. Однако опытному охотнику за нацистами ни разу не удавалось напасть на след столь ненавистного ему противника.

Сперва принято было считать, что шеф гестапо погиб под руинами захваченного союзниками Берлина. Но когда вскрыли его предполагаемую могилу, в ней обнаружили три черепа, но ни один из них не принадлежал Мюллеру. С тех пор не раз появлялась информация, что он находится в Советском Союзе, Албании, Испании и Египте.

Список Визенталья содержал также имена четырех ближайших соратников Айхмана. Рольф Гюнтер был его заместителем, Антон Бургер офицером штаба, а Йозеф Швамбергер и Алойс Бруннер его помощниками.

На процессе по своему делу Айхман заявил, что Гюнтеру принадлежит особая инициатива в создании лагерей смерти. С воодушевлением принявшись за организацию «конечного решения», он отправился в Данию, чтобы избавить эту страну от всех евреев. Он действовал настолько успешно, что позднее его попросили провести подобную операцию в Венгрии и в Греции, наделив полномочиями стерилизовать людей, ставить над ними медицинские эксперименты и уничтожать в газовых камерах заключенных концентрационных лагерей.

После войны Гюнтер исчез.

Антон Бургер был заместителем начальника Терезиенштадского концлагеря на германо-чешской границе. Эта «модель» лагеря была открыта для посетителей в попытке развеять слухи о массовых уничтожениях. Однако за отштукатуренным фасадом в этом лагере на заключенных проводились бесчеловечные эксперименты, включавшие отравление, стерилизацию и аборты.

Бургер был арестован после войны, но в 1948 году он бежал из тюрьмы и больше его никто не видел.

Третьим подручным Айхмана, избежавшим наказания, стал Алойс Бруннер, погубивший тысячи евреев в Чехословакии, Греции и Франции, откуда он депортировал их в концентрационные лагеря.

По окончании войны Бруннер бежал в Сирию и поселился в Дамаске под именем доктора Фишера.

Второй помощник Айхмана Йозеф Швамбергер был начальником еврейского гетто в польском городе Пршемьсл, в котором было уничтожено пятнадцать тысяч человек.

Эсэсовцы страшно отомстили французской деревне, в которой в июне 1944 года бойцом Сопротивления был застрелен один из немецких офицеров. Все шестьсот сорок два жителя Орадур-сюр-Глян под Лиможем были согнаны вместе. Мужчин собрали на деревенской площади, а женщин и более двухсот детей заперли в церкви. По сигналу командира СС мужчины были расстреляны из автоматов, а церковь подожжена. Детей, которым удавалось выбраться наружу, ловили и бросали обратно. Все сгорели заживо.

В конце войны Швамбергер был спрятан одесской спасательной группой, затем переправлен в Италию, а оттуда в Аргентину. В 1973 году Западная Германия потребовала его выдачи. Швамбергера арестовали, но затем отпустили и отказались от выдачи под давлением местных нацистов.

В списке доктора Визенталя значились трое других начальников концентрационных лагерей...

Фридрих Вартцог был начальником польского лагеря Ламберг-Яновска, в котором погибло сорок тысяч человек. Некоторые наиболее нелицеприятные свидетельства о его деятельности представил сам Айхман, когда рассказал, что из земли, где были похоронены убитые евреи, бил настоящий родник крови.

Заключенных по десять дней морили голодом, а затем, если они оказывались непригодными к работе, расстреливали. Лагерную охрану поощряли использовать заключенных в качестве мишеней при упражнениях в стрельбе. Солдаты намеренно целились в конечности и добивали своих жертв только после того, как они достаточно, на их взгляд, помучились от полученных ран.

Вартцог, бывший инициатором всех этих ужасов, бежал в конце войны, и с тех пор о нем больше ничего не было слышно.

Доктор Ариберт Хайм был начальником концентрационного лагеря Маутхаузен в Австрии, куда заключенных перегоняли пешком из таких лагерей, как Аушвиц. Такие переходы назывались «маршами смерти». Выжившие рассказывали, что во время этих маршей голод заставлял людей опускаться до каннибализма.

В 1941 году немцы произвели первые массовые аресты в Голландии, согнав в Амстердам четыреста тысяч евреев и отправив их в Маутхаузен. Согласно данным Красного Креста, выжил из них только один человек. Когда союзные войска достигли Маутхаузена, они обнаружили там лагерную учетную книгу, в которой значилось, что всего в лагере погибло тридцать пять тысяч триста восемнадцать заключенных.

После войны Хайм бесследно исчез.

Пожалуй, самым загадочным и интригующим представителем списка доктора Визенталя можно назвать Рихарда Глюкса, главного инспектора всех концентрационных лагерей. О нем известно гораздо меньше, чем о любом другом нацистском преступнике. Сохранившиеся сведения сообщают лишь о том, что он был группенфюрером и главой администрации в Отделении безопасности рейха. Дахау, Бухенвальд и Равенсбрюк подчинялись этому человеку, равно как и Аушвиц, в котором погибло более миллиона человек.

Глюкс исчез после войны так же, как и все остальные.

Несмотря на все усилия доктора Визенталя, шансы на поимку сгинувших монстров убывают с каждым годом. Нередко, как в случае с Вальтером Рауффом, смерть находит нацистов раньше, чем людская справедливость.

Глава пятая

ЗЛО — ЭТО БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

Холодные, расчетливые негодяи организовывали преступления ради одной лишь наживы.

*«Любовь к деньгам есть корень зла».
Первое послание Павла Тимофею*

МАФИЯ: сети зла

Газеты того времени пестрели сообщениями в типичном колоритном тоне, тронутом мрачной иронией... «Крестный отец мафии Кармине Галанте был застрелен насмерть над тарелкой спагетти в Нью-Йорке на Никербокер-авеню прошлой ночью. Босс Боссов жевал сигару и потягивал кьянти, когда к итальянскому ресторану «Джо и Мэри» подъехали два черных лимузина, из которых вылезли четверо тщательно одетых мужчин, не торопясь вошли внутрь и открыли стрельбу.

Галанте, истребивший всех оппозиционеров внутри своей группировки и превратившийся в самого могущественного мафиози Америки со времен Лаки Лучано, попытался подняться с кресла, но был срезан автоматной очередью. Его телохранитель Нино Кополло также погиб на месте. Владелец ресторана и его семнадцатилетний сын были ранены, мальчик позже скончался в больнице».

Типичная гангстерская разборка тридцатых годов? Обыкновенное проявление дикости времен тотальных запретов, контрабанды, пулеметных пистолетов и Аль Капоне? Нет, это сообщение появилось в лондонской «Дэйли экспресс» 13 июля

1979 года — пятьдесят лет спустя после знаменитой бойни в день Святого Валентина, впервые повергшей в ужас мировую общественность, показав, насколько могущественны стали бандиты.

За пятьдесят лет, прошедших с тех пор, организованная преступность становилась все более и более прибыльным бизнесом со страшным лицом. Этой презренной субкультурой и теневой экономикой заправляла одна и та же зловещая, проникающая всюду организация...

Ее можно именовать по-разному — «Банда», «Синдикат», «Национальная сеть организованной преступности»...

Старшие и, следовательно, более сентиментальные члены этой организации называют ее Коза Ностра, что в буквальном переводе означает «наша вещь». Тем не менее большинство людей зовут ее проще — Мафия.

Ее корни покрывает густая тень, так же, как и всю ее деятельность. Доподлинно не известно даже происхождение самого слова «мафия». Возможно, оно было заимствовано из сицилийского диалекта, где означает синоним бравады, или из арабского языка, где слово «мехия» значит «хвастливый». Единственное, что известно наверняка, это то, что мафия впервые возникла в тринадцатом веке в качестве патриотического подполья, призванного противостоять навязанному Сицилии господству французов. В пасхальный понедельник 1282 года эти борцы за свободу устроили кровавую расправу над иноземными завоевателями под звуки набата в своей столице Палермо.

Подобное общество позднее образовалось в Неаполе и получило название «Каморра». На протяжении столетий оба тайные братства процветали, **соблюдая** обет защищать местное население от деспотических иностранных правителей, однако их авторитарная власть приводила к тому, что они начинали подчинять и использовать людей.

Итальянцы, иммигрировавшие в Америку, пе-

ревезли с собой через Атлантику оба тайных общества. К концу прошлого века их представители расселились по окраинам крупных американских городов. Впервые будущие «семьи» дали о себе знать в 1890 году, когда одиннадцать мафиози-иммигрантов линчевали в Новом Орлеане.

Правительство выплатило тридцать тысяч долларов вдовам и семьям повешенных. Однако эти деньги были экспроприированы преступным братством.

На рубеже веков на счета мафии стали поступать крупные денежные суммы от итальянцев-южан, и вскоре под ее контролем оказались иммигрантские гетто всех наиболее крупных городов. Сперва мафиози предлагали им свою защиту за определенную плату. Затем они прибрали к рукам нелегальные игорные дома, ломбарды, проституток и в конце концов наркобизнес.

Введение в 1920 году сухого закона оказалось весьма кстати для успешно развивавшейся мафии. Черный рынок спиртных напитков, в которых Америка топила свое горе в годы Великой депрессии, был практически безграничен.

Все члены разрозненных, плохо организованных мафиозных семей объединились в эти годы, чтобы удовлетворять неиссякаемый спрос... и получать непомерные барыши.

Когда в 1933 году сухой закон был отменен, торговля спиртным перестала быть выгодным предприятием и бандитам пришлось переквалифицироваться. Несмотря на то что ломбарды, игорные дома и проститутки обеспечивали постоянный доход, нужно было искать новые поля деятельности.

Растущий рынок наркотиков оказался наиболее перспективным, и мафия установила французскую и дальневосточную связь. Легальный игорный бизнес также превратился в золотое дно. Пышным цветом расцвели игорные столицы — Лас-Вегас и Рено, а позднее Атлантик-Сити. Третьим китом в основе благосостояния нового поколения мафиози стало рабочее движение.

Ла Коза Ностра —	буквально переводится как «наша вещь»
Капо ди Тутти Капи —	Босс Боссов. Крестный отец
консильоре —	советник, начальник кадров при семье
капореджима —	начальник семейной охраны
солдат —	«боевик», или «сильная рука»
рейджим —	группа солдат
идти на матрасы —	начать войну с представителями другой группировки
Усатый Пит —	насмешливое прозвище старомодных мафиозных гангстеров, любящих пострелять без разбора
сделать его кости —	убийство с целью доказать преданность
омерса —	мафиозный обет молчания
бутлег —	буквально означает «голенище» — нечто незаконное вроде бутылки со спиртным, которую очень удобно было прятать за голенищем
хайджэк —	«Хай, Джек!» — так приветствовали друг друга контрабандисты спиртного, желая дать понять, что сделка откладывается
спикизи —	можно перевести как «говори—не бойся». Бар, практиковавший продажу спиртных напитков из-под полы; назван так оттого, что покупатели опасались делать свои заказы слишком громко.

Мафия бесстыдно и регулярно доила фонды тред-юнионов и пользовалась их «силовой» поддержкой, когда организация забастовки сулила крупные барыши.

В начале этого века тред-юнионами заправлял мафиозный босс из Нью-Йорка Джэкоб Орджен, Маленький Ауги. Профсоюзный рэкет успел принести ему внушительное состояние, прежде чем он

был застрелен наемным убийцей в 1927 году. Такие мафиозные авторитеты, как Альберт Анастасия, Вито Дженовезе, Мейер Лански и Лаки Лучано, все работали на Орджена и учились у него в те далекие годы.

Если операции Орджена можно назвать подготовительным плацдармом для коррупции в рядах профсоюзов, то деятельность Джимми Хоффа нужно признать высшей школой. Трудно назвать более порабощенный бандитскими группировками профсоюз, чем профсоюз водителей грузовиков, и Хоффа был его знаменитым боссом.

Хоффа сделал своими помощниками людей с криминальным прошлым. Хорошей рекомендацией для многих из них послужил прежний опыт искусного шантажа. Получив миллионы долларов на операциях с профсоюзами, Хоффа купил банк в Майами, чтобы эффективней управлять своим капиталом. Когда непримиримый Роберт Кеннеди стал главой Комитета по борьбе с рэкетом, Хоффа сделался его главным личным врагом. Он описывал руководство Хоффы профсоюзом водителей грузовиков как «тайное зло».

Вскоре после этого темные дела Хоффы всплыли на поверхность, и в 1967 году он сел в тюрьму, осужденный на тринадцать лет за скрытое давление на пенсионный фонд профсоюза и нанесенный ему ущерб в два миллиона долларов. Четыре года спустя президент Никсон издал указ о помиловании, и Хоффа был отпущен на свободу с условием, что не станет заниматься профсоюзной деятельностью до 1980 года. Такое решение суда не устраивало амбициозного Хоффу, и он подал апелляцию, требуя отмены запрета.

Однако распоряжение Никсона не было единственной проблемой Джимми Хоффы. Оказавшись в тюрьме, он назначил главой профсоюза своего давнего союзника Фрэнка Фитцсимманса и пребывал в полной уверенности, что тот попросту заменяет его, пока босс не выйдет на свободу. Но Фит-

цзимманс успел уже ощутить вкус власти и не пожелал так просто сдавать полномочия. Штаб-квартира профсоюзов Детройта превратилась в поле битвы Фитцзимманса и Хоффы.

Несмотря на то что у Хоффы было много верных союзников в руководстве профсоюзов, сторонние наблюдатели считали, что чудаковатый, нелепый стиль управления, присущий Хоффе, не соответствовал более «респектабельному» образу теневого авторитета, желавшего наложить руку на профсоюзные средства. Джимми Хоффа оказался лишним.

Вскоре после полудня 30 июля 1975 года Хоффа сел в свою пуленепробиваемую машину и отправился на таинственную встречу за ленчем. Позднее в полицию позвонил неизвестный и сообщил, где можно найти машину. Она оказалась пуста. Больше Джимми Хоффа никто не видел.

С точки зрения мафии преступление Хоффы заключалось в том, что он нарушил обет молчания. Благодаря громогласному профсоюзному боссу все послевоенные труды семей чуть не пошли прахом.

Члены мафии всегда отличались умением хранить молчание. Все новобранцы должны были класть себе на ладонь кусочек горящей бумаги и произносить следующую клятву: «Вот так и я буду гореть, если выдам тайны семьи». Помимо естественной осторожности, за этим обрядом скрывался хитрый расчет. Шефы мафии мудро рассудили, что им будет легче и спокойнее жить и творить свои темные дела, если представители закона будут меньше интересоваться их таинственной организацией. Поэтому следовало избегать неоправданных убийств среди бела дня и публичных скандалов.

Первым это понял Сальваторе Маранцано, получивший почетный титул Капо ди Тутти Капи — Босс Боссов. В 1931 году Маранцано созвал конференцию из представителей главных семей Америки и предложил совместно принять конституцию, которая положит конец ожесточенным распрям в верх-

них преступных кругах. Однако этот человек, как это нередко случается, опередил свое время. Через пять месяцев он был убит вместе с сорока своими людьми.

Война между бандитскими группировками напугала американцев и заставила заняться этой проблемой вплотную. Это, в свою очередь, встревожило самих мафиози. Им пришлось умерить саморекламу и прекратить разнузданное кровопролитие.

Человек, заказавший убийство Маранцано, Мейер Лански, лучше всех усвоил урок и принял эстафету развития кооперации у своего поверженного противника. Лански и его современники, такие, как Лаки Лучано и Вито Дженовезе, сделали миллионы долларов благодаря переходу к незаметному ведению дел.

Если Маранцано первый сформулировал новую философию мафии, а Лански претворил ее в жизнь, то Карло Гамбино сумел основательно ее усовершенствовать. Гамбино послужил прообразом для создания знаменитого киноперсонажа, Босса Боссов дона Карлеоне, в фильме «Крестный отец». Мафия достигла процветания под жестким руководством этого пожилого человека. В 1976 году, когда Карло Гамбино мирно скончался в своей постели в возрасте семидесяти трех лет, мафия, по-видимому, окончательно ушла в подполье.

Для успешного завершения такой трансформации оказалось необходимым устранить амбициозного, старомодного мафиози Кармена Галанте, жаждавшего крови и считавшего себя наследником Крестного отца Карло Гамбино.

На примере жизни Галанте можно изучать историю американской мафии. Его родители были сицилийскими иммигрантами, осевшими в Нью-Йорке в районе Восточного Гарлема. Его вес никогда не превышал шестидесяти восьми килограммов и десяти фунтов, но проворное владение пистолетом быстро принесло Галанте популярность среди бандитов, нарекших его Золотым Солдатом.

Под Рождество 1930 года он оказался вовлеченным в перестрелку, в которой получили ранения инспектор и шестилетняя девочка. За это его посадили в тюрьму сроком на пятнадцать лет, однако освободили досрочно, и через двенадцать лет блудный сын вернулся в лоно мафии.

Галанте был противоречивым и непредсказуемым человеком. Он вступил в неравный брак со своей двадцатидвухлетней любовницей ради того, чтобы их дети приобрели статус законных. На его совести тысячи жизней, погубленных наркотиками, которые Галанте сделал доступными. Он заказывал бесчисленные убийства, но в то же время любил кошек и был прекрасным садовником. Он контролировал проституцию, владел порнографической империей, но выходил из себя, если слышал, что мужчина выражается нецензурно в присутствии женщины.

В 1911 году Комиссариат нью-йоркской полиции пригласил к себе на службу нового, крутого «суперполицейского» лейтенанта Чарльза Бекера и дал ему задание покончить с нелегальными игорным бизнесом в городе. Человек, обремененный таким доверием, оказался наиболее продажным полицейским Нью-Йорка. Через несколько месяцев он уже владел собственным игорным клубом и вымогал деньги у нескольких остальных в обмен на свое покровительство. В конечном итоге Бекера погубила жадность. Он не поделил выручку со своим партнером по казино и застрелил несчастного у дверей ресторана. Его задержали полицейские, не подчинявшиеся коррумпированному лейтенанту, и в 1915 году Бекер отправился на электрический стул.

Основными областями деятельности Галанте был сбыт наркотиков несовершеннолетним, организованная проституция, ростовщичество и шулерство. Он принимал активное участие в установлении «французской связи» для того, чтобы завалить марсельскими наркотиками все восточное побережье Соединенных Штатов.

Всю свою жизнь Галанте не расставался с пистолетом. Этот чрезмерно шумный и жестокий подход

к делу и привел его к гибели в возрасте шестидесяти девяти лет.

Уверенный в том, что после смерти Карло Гамбино никто не посмеет встать у него на пути, Галанте принялся систематически нарушать территории других мафиозных семей. О Галанте говорили, что он пытается собрать пятьдесят миллионов долларов и передать по наследству своим родственникам. В этом случае он рисковал вступить в войну с другими семьями и подставить членов собственной группировки под удар полиции и ФБР.

В январе 1979 года ему предложили сложить с себя руководящие полномочия, но Галанте отказался и тем самым подписал свой смертный приговор.

Именно поэтому 13 июля 1979 года убийцы в горнолыжных очках, вооруженные пистолетами-пулеметами, появились у дверей ресторана «Джо и Мэри» и расправились с Галанте так быстро, что он не успел выпустить изо рта дорогую сигару, прежде чем рухнул на пол. В довершение дела пуля сорок пятого калибра пробила левый глаз бывшего босса. Это традиционная визитная карточка мафии.

Менее чем в двух километрах от разыгравшейся кровавой сцены двадцать безжалостных главарей мафии подняли тост, когда получили известие, что с Галанте покончено. Они собрались в другом нью-йоркском ресторане, чтобы разработать тайную стратегию после устранения своего бывшего коллеги.

Главный следователь по этому делу сказал: «Это еще раз доказывает хладнокровие и деловую хватку этих людей».

Первые известия о подпольном мафиозном саммите дошли до ФБР, когда калифорнийский главарь вылетел в Нью-Йорк. За ним следили и убедились, что он нанял машину и отправился в ресторан в златном районе Бруклина. К удивлению фэбэ-эровцев, у дверей ресторана тускло поблескивали ряды дорогих «кадиллаков» и «линкольнов».

В числе прочих на тайной встрече присутствовал

Фунци Фрэнк Тьери, глава нью-йоркской семьи Дженовезе. Галанте изо всех сил стремился подчинить себе людей Дженовезе, и полиция считала, что семидесятичетырехлетний Тьери был причастен к его убийству. Смерть Галанте принесла ему несомненные выгоды... Некоторое время спустя он был избран новым Крестным отцом.

Тьери занимался примерно тем же, чем и Галанте. Семью годами ранее он принял на себя руководство семьей Дженовезе после убийства ее прежнего босса Томми Эмболи. Эту смерть полиция также приписывает Фрэнку Тьери.

Подчерк Тьери более соответствовал новому облику делового мафиози. В отличие от Галанте, он умел убивать тихо и не пачкая рук. Азы своего дела он постигал, будучи солдатом знаменитого Вито Дженовезе, участвуя в кровавых клановых разборках пятидесятых годов, когда главари мафии вели спор за контроль над империей Лаки Лучано, депортированного в Италию. Однако с тех пор Тьери сильно переменился, занявшись традиционными мафиозными сферами деятельности, за исключением наркотиков. С ними Тьери наотрез отказывался иметь дело.

Шпионская сеть ЦРУ заказала мафии убийство кубинского лидера Фиделя Кастро, как признавались позже сами бандиты из Коза Ностра. Джимми Фратьянно заявлял в 1981 году, что первоначальный замысел включал в себя отравленные сигары и автоматическую стрельбу в духе Капоне. Предлагалось даже подвергнуть Ф. Кастро публичному унижению, заставив при помощи пороха лишиться знаменитой бороды.

Его законный бизнес включал в себя фирму по производству спортивной одежды, торговую корпорацию и компанию по обслуживанию школьных автобусов.

Вскоре после прихода к власти Тьери получил известность в нью-йоркском департаменте полиции как величайший ростовщик Штатов. О нем говорили: «Он контролирует большинство игорных

заведений и ломбардов Бронкса, Восточного Гарлема, Бруклина и Квинса. Помимо того, ему подчиняются шулеры в Нью-Джерси, во Флориде, в Пуэрто-Рико, Калифорнии и Лас-Вегасе».

Бандитам пришелся по душе стиль жизни Тьери. Он жил в аккуратном трехэтажном доме на тихой улочке в респектабельном районе. Каждое утро он целовал жену, которую, по странной иронии судьбы, звали Америка, и отправлялся на работу, одетый в традиционный деловой костюм. Шофер вез его приблизительно полтора километра до дома любовницы, Риты Перей. Оттуда Тьери управлял своими делами.

Говорят, что он никогда не пользовался телефоном и за всю свою жизнь не совершил ничего, что могло бы привлечь внимание газетчиков. Верности членов семьи он добивался не угрозами, а взаимовыгодным сотрудничеством. Трансформация мафии из банды вооруженных грабителей в банду бизнесменов-мультимиллионеров завершилась полностью.

К 1980 году мафия подчинила себе все области американской деловой жизни. Департамент юстиции Соединенных Штатов назвал следующие области деятельности, наиболее тесно связанные с мафией: музыка, видеозапись, пассажирские и транспортные перевозки, сбор мусора, производство одежды, банковское дело, страховые компании, мясоперерабатывающая промышленность, гостиничный бизнес, казино, похоронные конторы, табачное производство, строительные компании, кондитерское производство, сыроварни, пиццерии.

Сегодня американец начинает свою жизнь, барахтаясь в пеленках, произведенных мафией, слушает рок-музыку, записанную мафиозными звукозаписывающими компаниями, ужинает мафиозными отбивными, разъезжает на автомобилях, купленных на заем в банке, подчиняющемся мафии, проводит отпуска в отелях, принадлежащих мафии, приобретает выстроенные мафией дома и, окончив свои дни, препоручается заботам мафиозных похоронных бюро.

Ральф Салерно, один из главных американских специалистов по организованной преступности, как-то сказал: «Если пять нью-йоркских семей решили бы вдруг парализовать город, они смогли бы остановить все такси, автобусы, грузовики, поезда, корабли и самолеты. Более того, в их силах было бы закрыть в буквальном смысле этого слова тысячи торговых домов и частных компаний, включая прачечные, пункты питания, службу по сбору и вывозу мусора и многие другие.

Не будет преувеличением сказать, что в Нью-Йорке каждый кусок пищи, которую вы съедаете, любая принадлежность одежды, которую вы носите, всякое путешествие, которое вы совершаете, имеют отношение к организованной преступности».

Влияние мафии сейчас столь обширно, что более двух тысяч человек, действительных или потенциальных свидетелей обвинения, находятся под охраной программы защиты свидетелей правительства США, которая ежегодно обходится стране в двадцать миллионов долларов.

Одно время существовали данные, что в Америке насчитывается от трех до пяти тысяч мафиози. Сегодня это всего лишь капля в море по сравнению с тысячами простых, честных служащих, работающих на предприятиях, всецело принадлежащих мафии. По оценке журнала «Тайм», доходы от более чем десяти тысяч легальных предприятий, по существу принадлежащих мафии, составляют двенадцать миллиардов долларов в год, что в пять раз превышает годовую прибыль самой крупной американской индустриальной корпорации «Эксон». К этой сумме следует добавить доход мафии от совершаемых преступлений, который, по приблизительным подсчетам, составляет сорок восемь миллиардов в год.

Все эти невероятные богатства поступают главным образом за счет банального вымогательства. Компании вынуждены покупать продукцию мафии, иначе им грозит закрытие или разорение.

По свидетельству Департамента юстиции США, для того чтобы подкупить государственного вете-

ринарного инспектора, требуется не более двадцати пяти долларов в день. За эти деньги он скажет, что конина или мясо кенгуру является стопроцентной говядиной, и тогда оно будет продано не производителям питания для домашних животных, а мясным лавкам и ресторанам. Овощи, поставляемые мафией, зачастую кажутся свежее, чем у остальных, но это впечатление достигается химическими добавками, способными вызвать рак.

Щупальца мафии иногда бывают длиннее, чем руки закона. В 1984 году главарь мафиозной группировки угодил за решетку в испанской Барселоне. Каждый вечер заключенного, тридцатичетырехлетнего Раймонда Ваккарици, посещала жена. Женщина вставала на улице под окном его камеры и звала мужа, и Ваккарици высовывался наружу для получасовой беседы.

Тюремные власти знали об этих невинных свиданиях и не считали нужным им мешать. Но, к несчастью, мафии также было об этом известно... Они опасались, что коллега начнет выбалтывать их секреты, когда предстанет во Франции перед судом по обвинению в убийстве, ограблении и ношении оружия.

Однажды знойным июльским вечером жена Ваккарици явилась на свой обычный пост. Когда ее муж высунулся из окна, прогремели два выстрела из пневматической винтовки. Пули попали в лицо и в сердце, и заключенный умер прежде, чем рухнул на пол своей камеры.

Бандиты действуют единым фронтом. Мафиози баллотируются на выборах в разнообразные общественные организации. Кандидатов-соперников убеждают отступить от своих намерений при помощи бейсбольных бит, ножей и пистолетов. Если компания сопротивляется и не хочет платить, немедленно могут быть организованы забастовки, в результате которых она лишается средств к существованию. У немногих хватает сил противостоять мафии. Большинство, сознательно или неумышленно, преумножает миллиардные мафиозные капиталы.

Джэкоб Орджен и Джимми Хоффа мертвы, но правила, установленные ими когда-то, продолжают жить и приносить такие доходы, о которых сами они и не смели помышлять.

Мейер Лански, Лаки Лучано и Вито Дженовезе: первые бандитские магнаты и основатели Индустрии смерти

Мейер Лански, урожденный Майер Зуховянский, был шестнадцатилетним иммигрантом из Польши, поселившимся с семьей в Нью-Йорке и поступившим учеником в инженерную контору. В один прекрасный день он оказался в Ист-Сайде, беднейшем районе города, и стал свидетелем нападения на девушку. Недолго думая, Лански кинулся на обидчиков с кулаками.

Завязалась драка, кто-то вызвал полицейских, и все трое ее участников оказались в тюрьме, задержанные на сорок восемь часов. Эти сорок восемь часов перевернули жизнь Мейера Лански.

Двое нападавших на девушку оказались молодыми ворами Сальваторе Лучания и Бенджамином Сигелем... Позднее они предпочитали именоваться Лаки Лучано и Багзи Сигель. Несмотря на первую недружелюбную стычку, ознаменовавшую их знакомство, бандиты взяли Лански под свою защиту и Лучано, в частности, ввел юного инженера в курс преступной жизни.

Лучано был на пять лет старше Лански. В десятилетнем возрасте он вместе с родителями переселился в Нью-Йорк с Сицилии, и с тех пор жизнь немало трепала его. В первый раз Лучано арестовали через несколько часов после прибытия корабля, доставлявшего иммигрантов в Америку, за кражу фруктов с ручной тележки. Затем цепь мелких преступлений привела его к первому сроку, полученному в 1915 году за торговлю наркотиками. Вскоре после освобождения Лучано встретился с Мейером Лански.

Поначалу Лучано был наставником для Лански. Позднее они стали партнерами и контролировали некоторые нью-йоркские банды — преимуществен-

но итальянские и ирландские, специализировавшиеся на грабежах домов, магазинов и складов.

Однако существовала одна область, в которой Лучано был спецом, но которую не выносил Лански — проституция. Еще будучи подростком, он безнадежно влюбился в юную проститутку и как-то ночью нашел ее на аллее с перерезанным горлом. Преступление скорее всего было делом рук ее сутенера. С тех пор еврей Лански питал отвращение к торговле телом.

В период с 1918 по 1932 год Лански арестовывали семь раз по самым разнообразным поводам — от недостойного поведения до убийства, — но всякий раз он выходил на свободу за отсутствием доказательств.

Лучано был более удачлив и успешно избегал сетей полиции. Вместе с Лански они стали членами банды Маленького Аути Джэкоба Орджена, который сделал себе состояние на рэкете профсоюзов. Если Лански совершал преступления, не отличавшиеся особой жестокостью, то Лучано сделался одним из наиболее знаменитых бандитов Нью-Йорка, вселявших ужас в сердца его обитателей, чьим любимым оружием стал ледоруб. Вотчиной Лучано была целая сеть публичных домов Манхэттена, которые к середине двадцатых приносили ему один миллион долларов годового дохода.

В 1920 году случилось событие, превратившее Лучано, Лански и других бандитов в мультимиллионеров... Сухой закон.

Сладкоречивый Лански первый проторил дорожку в новый нелегальный бизнес для молодого поколения потрясающих пистолетами головорезов и наладил поставку спиртного в Нью-Йорк. Его главным помощником стал Альфонсо Аль Капоне, человек, беззаветно преданный Лански и Лучано.

В 1927 году к Лучано и Лански присоединился третий безжалостный убийца и будущий король преступного мира Вито Дженовезе. Он родился в 1897 году в Неаполе. Прибыв в Нью-Йорк шес-

тнадцати лет от роду, он стал соседом и другом Лучано. Так же, как и он, Дженовезе начинал с мелких проступков и прежде, чем попасть в банду Джэкоба Орджена, арестовывался только однажды за хранение револьвера.

Несмотря на репутацию Лански, Лучано и Дженовезе, банда трех все же не была самой могущественной в Нью-Йорке. Этот титул оспаривали двое матерых главарей мафии Сальваторе Маранцано и Джузеппе Массериа. В междоусобных разборках этих злейших врагов только за один год погибло до шестидесяти «солдат».

Оба босса пытались перетянуть Лучано, Лански и Дженовезе на свою сторону, вероятно из страха перед их растущей властью, но все трое неизменно отказывались от любых предложений. Тогда Маранцано заманил Лучано в пустой гараж, где их поджидали двенадцать мужчин в масках. Маранцано приказал им подвесить Лучано к балке перекрытия и бить до потери сознания. Когда Лучано пришел в себя, пытка возобновилась. В конце концов Маранцано полоснул его ножом по лицу.

Неудивительно, что, вися под потолком гаража, Лучано признался свосему мучителю, что передумал и счастлив был бы присоединиться к банде Маранцано. Босс предложил ему пост номер два, если он уберет с дороги соперника, Массериа.

Лучано пригласил Массериа на ужин, дав ему понять, что серьезно подумывает о консолидации с ним. Они подписали сделку и подняли тост друг за друга за столом ресторана Скарпато в Кони-Айленд. Затем Лучано удалился в туалет, и в его отсутствие в зал ворвались четверо вооруженных людей. Массериа, должно быть, догадался об уготованной ему судьбе, когда увидел вновь прибывших. Это были Вито Дженовезе, Багзи Сигель и двое людей Лански, Альберто Анастазия и Джо Адонис. Массериа попытался бежать, но пулеметная очередь скосила его.

Теперь только Маранцано стоял между бандой Лански и верхушкой американского преступного мира.

Шестидесятитрехлетний Маранцано стал первым мафиозным Капо ди Тутти Капи. После смерти Массериа этот элегантно одетый сицилиец, собиравшийся некогда стать священником, созвал на совет представителей всех семей Нью-Йорка. Приглашенные собрались в зале, украшенном распятиями и другими религиозными символами, и Маранцано предложил им скрепить подписями их союз, который он окрестил Коза Ностра, а себя провозгласил его Крестным отцом. Лански со своими союзниками предпочел действовать по своему плану, и в сентябре 1931 года он помог Лучано свети старые счета с Маранцано.

В одно прекрасное утро в агентство по недвижимости на Парк-авеню, принадлежавшее Маранцано, заявили четверо «представителей налоговой службы». Они назвали инспекторами Государственного департамента по сбору налогов и попросили посмотреть учетные книги, а затем поговорить с боссом. Таким образом под видом инспекторов в личный кабинет Маранцано проникли Багзи Сигель, Альберто Анастазия, Ред Левайн и Три Пальца Томас Лакчезе. Все четверо вытащили ножи.

Всего лишь пять месяцев спустя после провозглашения себя Крестным отцом Маранцано погиб, получив много ножевых ранений. Напоследок бандиты пустили ему пулю в голову для верности. В последовавшие несколько дней было убито еще сорок человек из банды Маранцано.

Так Лански, Лучано и Дженовезе прочно утвердились в качестве главарей мафии. Дни старомодных мафиози, стрелявших во всех без разбора и насмешливо именовавшихся «Усатыми Питами», подходили к концу. Их место занимали банковские и корпорационные работники, за плечами которых, тем не менее, по-прежнему стояли наемные убийцы. Одно направление трансформированной

организации получило название Национальный преступный синдикат, а другое — Индустрия Смерти.

Альберто Анастазия, участвовавший в убийствах и Джузеппе Массерия и Сальваторе Маранцано, принимал активное участие в формировании наемных боевых отрядов. Известный в Нью-Йорке как «Господин главный палач», он четверть века совершал заказные убийства, став главой одного из пяти мафиозных кланов — семьи Мангано.

В конце концов всевозрастающая влияние Анастазии стала представлять слишком большую опасность для его основных соперников, среди которых был и Дженовезе. Однажды утром в 1957 году его наемники последовали за Анастазией в парикмахерскую. Когда теплое полотенце закрыло Анастазии лицо, он не смог разглядеть двух вооруженных мужчин, возникших за спиной парикмахера. В следующее мгновение они хладнокровно разнесли голову главаря мафии.

Эту сцену, пожалуй, не одобрил бы Мейер Лански. Он более чем кто-либо другой заботился о том, чтобы собрать восдино разрозненные, «феодалные» мафиозные кланы. Не желая отказываться от своих автономий, они, тем не менее, сумели договориться по основным пунктам и выработать общий для всех кодекс поведения. Все семьи сошлись на том, что для успеха общего дела важнее всего привлекать к себе как можно меньше внимания. Дни шумных и кровавых уличных разборок ушли в прошлое.

В книге «Мейер Лански: король бандитов» писатели Дэннис Эльзенбург, Ури Дэн и Элл Ландау так формируют свою основную мысль: «Преступность переросла рамки маленьких гетто и сделалась общенациональной».

Сообщник Лански и Лучано Джозеф Док Стачер сказал о своих боссах: «Они были непобедимой командой. Если бы эти двое стали президентом и вице-президентом Соединенных Штатов, то смогли бы управлять страной куда лучше, чем эти идиоты-политики».

Лански несомненно был изворотливым политиком внутри своего преступного синдиката. Будучи евреем в обществе, где доминировали итальянцы, он, тем не менее, сумел стать уважаемым авторитетом и приобрел репутацию «независимого» мафиози, которого прежде всего интересуют деньги, а не внутриклановые междоусобицы. Особенно ценили Лански за особый талант отмывать грязные деньги мафии в казино Лас-Вегаса, Кубы и Багамских островов.

Мафия сделала миллионы благодаря Лански, личное состояние которого составляло триста миллионов долларов. Достигнув преклонного возраста, он имел основание опасаться только налогового инспектора. Лански покинул США с единственной целью — поселиться в собственном отеле в Израиле, чем немало раздосадовал израильское правительство. Однако доживать свои дни Лански возвратился в Америку, туда, где он провел лучшие годы, заработав баснословные богатства для своей преступной организации.

Старинный приятель Лански Вито Дженовезе также наслаждался безмятежным существованием. Накануне второй мировой войны он перевел два миллиона долларов на секретный счет в швейцарском банке и бежал в Неаполь. Горячий сторонник Муссолини, он щедро спонсировал фашистов, но когда соотношение сил изменилось, мафиози поспешно переметнулся на сторону противника и предложил свои услуги американцам.

Дженовезе подстраивал мелкие пакости деятелям черных рынков в послевоенной Италии и способствовал их ликвидации. Позднее он же вместе со своими доверенными людьми воскресил эту форму бизнеса. Деятельность Дженовезе в Италии прекратилась, когда его выслали в Соединенные Штаты, где он должен был предстать перед судом за прошлые преступления. Следствие прекратилось после убийства главного свидетеля, и Дженовезе, возвратившись в Нью-Йорк, вновь очутился в родной стихии.

Его бывшего подручного Альберто Анастасию убрали вместе с остальными несогласными, но Дженовезе недолго наслаждался плодами власти. Всего лишь год спустя он угодил в тюрьму за контрабанду наркотиков. Отсидев за решеткой десять из присужденных ему пятнадцати лет, бывший мафиозный главарь был найден мертвым в своей камере. Согласно заключению медиков, он скончался от сердечного приступа.

Жизнь Лаки Лучано (Счастливого) не всегда соответствовала его прозвищу. Удача в конце концов отвернулась от него, и отчаянный сицилиец оказался в тюрьме, осужденный на срок от тридцати до пятидесяти лет за совершение девяти преступлений. В ноябре 1942 года его навещал старый приятель Лански.

Он поведал другу, что заключил сделку с морской разведкой США, которая не без оснований подозревала, что информация о конвоях союзников систематически похищается сочувствующими Муссолини итальянскими иммигрантами. Эти опасения подтвердились, когда в нью-йоркской гавани сгорел французский лайнер «Нормандия». Пламя одновременно возникло в разных местах, из чего американские военные моряки, собиравшиеся транспортировать на лайнере войска и боеприпасы, заключили, что пожар, вне всяких сомнений, дело рук итальянских саботажников.

Условия сделки, заключенной Лански, состояли в том, что мафия под руководством Лучано, осуществляемым непосредственно из тюремной камеры, будет сотрудничать со специальным подразделением морской разведки, выявляя итальянских шпионов. В обмен на эту услугу Лучано должен был получить свободу по окончании войны. Мафиози с готовностью согласился.

По меньшей мере одного из членов мафии освободили из тюрьмы немедленно по просьбе Лучано. Это был Джонни Данн, Петушиный Глаз, ответственный за безупречную ликвидацию двоих по-

дозреваемых немецких шпионов. Помимо поддержания мира в порту, на счет команды бандитов можно записать еще и обнаружение вражеской подводной лодки неподалеку от Лонг-Айленда. Четверо немецких шпионов были схвачены при попытке сойти с ее борта на берег и на допросах выдали сеть нацистских агентов на территории Северной Америки.

Накануне захвата Сицилии союзниками Лучано послал распоряжение местным главарям мафии во всем оказывать поддержку американцам. Четверо сотрудников морской разведки США, владевшие итальянским языком, совместно с членами сицилийской мафии произвели успешные рейды по итальянским и немецким военным базам в поисках секретных планов обороны. Позднее в Риме мафия предотвратила попытку убийства британского генерала сэра Гарольда Александра и сумела сохранить для истории полный личный архив Муссолини.

Американские власти выполнили свою часть договора, и в 1945 году, через несколько месяцев после окончания войны в Европе, Лучано получил свободу, но был депортирован в Италию.

Его сообщник Лански явился попрощаться с другом, предварительно вручив ему пятьсот тысяч долларов, чтобы он мог начать новую жизнь. Бывший мафиози прожил в Риме некоторое время, но вскоре затосковал по «славным делам» минувших дней и уехал на Кубу. Оттуда Лучано разослал приглашения лидерам организованной преступности США приехать для встречи с ним в Гавану. Однако прежде чем он успел заложить основание своей империи в изгнании, президент Батиста под давлением Соединенных Штатов выдворил мафиози обратно в Италию.

26 января 1962 года Лучано приехал в аэропорт Неаполя, чтобы встретиться с американским продюсером, задумавшим снять фильм о жизни главаря мафии, но удача снова изменила престарелому бандиту. Он умер прямо в зале ожидания аэропорта от сердечного приступа.

Судьба распорядилась так, что Мейер Лански, Вито Дженовезе и Лаки Лучано — три кита американской организованной преступности, всю свою жизнь насаждавшие коррупцию, сеявшие вокруг себя мучения и смерть, сами окончили жизнь вполне естественно.

Аль Капоне и бандиты Чикаго

Аль Капоне, Даймонд (Ноги), Мак-Герн (Автомат), Моран (Багз), Шульцц (Голландец)... Все эти имена вошли в американский фольклор. О тех, кому они принадлежали, написаны многочисленные книги, сняты фильмы и телевизионные сериалы. Разрекламированные и опозитизированные, эти люди зачастую превращались в героев.

Но если взглянуть трезвым взглядом на гангстеров двадцатых годов, то станет ясно, что они были далеки от идеалов. Они проживали жизнь с дешевым шиком и в большинстве своем умирали насильственной смертью. Принципиальным исключением из общего правила стал самый знаменитый гангстер века, сам Аль Капоне. Он скончался вполне мирно, хотя и страдая от сифилиса.

Альфонсе Капоне родился в Нью-Йорке в 1899 году. Он был одним из девяти детей в семье итальянских иммигрантов. Повзрослев, он сделался уличным головорезом и заработал себе пожизненное прозвище Лицо Со Шрамом, работая вышибалой в бруклинском борделе.

Этот мелкий хулиган вполне мог оставаться рядовым, незначительным преступником, если бы не один случай. Капоне необходимо было улизнуть из Нью-Йорка, где его разыскивали для допроса по делу об убийстве полицейского, поэтому он связался с чикагским гангстером Джонни Торрио, с которым они когда-то вместе принимали участие в нью-йоркских уличных потасовках. Торрио не-

медленно пригласил молодого злоумышленника в свою банду.

Капоне прибыл в Чикаго в 1919 году и обнаружил, что Торрио работает на старого мафиозного магната, Брильянта Дима Колосимо. Этот странный человек, получивший свою кличку благодаря склонности к ювелирным украшениям, владел несколькими борделями и вымогал деньги с профсоюзов. Торрио, двоюродный брат жены Колосимо, являлся его главным помощником, поклявшимся ценою собственной жизни защищать босса. Эта клятва была не просто обещанием. Торрио, так же как и остальные члены наемной армии Колосимо, приносили клятву верности своему главарю на его семейной Библии.

Колосимо и его вторая жена, певица Дэйл Винтер, проводили вечера в собственном ресторане на Саут Вэбэш-авеню в окружении отъявленных мерзавцев, политиков и деятелей шоу-бизнеса. Когда вышло постановление о сухом законе, Торрио пытался убедить Колосимо расширить свое дело, чтобы получить максимальную выгоду от нового подпольного рынка спиртного. Старик отказался.

11 мая 1920 года Торрио попросил Колосимо приехать в ресторан, чтобы подписать договор о поставках виски. Колосимо прибыл и дожидался партнеров в пустом зале. Аль Капоне вышел из телефонной будки и, действуя по распоряжению Торрио, застрелил Колосимо, прихватив с собой его бумажник, чтобы создать достоверную картину убийства с целью ограбления. Всего лишь час спустя он уже был рядом с Торрио, готовый пролить слезы по поводу известия о кончине босса и приносить клятвы мести. Торрио и Капоне унаследовали преступную империю Колосимо, расширили торговлю спиртным и принялись умножать доставшееся им богатство.

В начале двадцатых годов преступный мир Чикаго раскололся надвое между людьми Торрио — Капоне и бандой ирландских гангстеров, возглавляемой Чарльзом Дионом О'Баннионом Динни.

О'Банниона, вероятно, можно назвать наиболее примечательным гангстером тех дней. В прошлом он был певчим в церковном хоре и одно время собирался стать священником. В мир преступности О'Баннион попал почти случайно. Сотрудничая в газете «Херолд Экзаминер» Уилльяма Рэндольфа Херста, он подрабатывал по ночам в клубе, популярном у бандитов. Они-то и объяснили молодому О'Банниону, какие выгоды сулит жизнь вне закона.

Динни О'Баннион стал преступником с большим чувством юмора и ярко выраженным стилем. В отличие от своих итальянских соперников, ирландец не позволял открывать бордели на своих территориях, отказывался распространять любые алкогольные напитки, кроме высококачественных ликеров, произведенных и очищенных под его личным контролем, и управлял делами из самого большого цветочного магазина в Чикаго, обслуживавшего великосветские свадьбы и похороны.

О'Баннион издевался над грубостью итальянских бандитов. В 1924 году он сыграл с ними шутку, обошедшуюся ему слишком дорого. О'Баннион продал Джонни Торрию половину своей пивоварни за пятьсот тысяч долларов, не сообщив своему новому компаньону, что получил известия о грядущем рейде государственной инспекции. В результате, когда нагрянула полиция, О'Баннион оказался с чистыми руками, но Торрию, взявший себе за правило избегать всяких контактов с представителями закона, попался. В ярости он поклялся отомстить.

10 ноября 1924 года трое мужчин заглянули в цветочный магазин О'Банниона, чтобы заказать траурный венок. Обаятельный хозяин не подозревал, для кого предназначается этот заказ. Покупателями были Альберто Ансельми, Джон Скализе и Франк Йел, наемные убийцы, нанятые Торрию и Капоне. Они хладнокровно расстреляли О'Банниона.

Похороны О'Банниона стали самыми роскошными похоронами, когда-либо виденными в Чикаго. Богатые и знаменитые перемешались с убийцами, ворами и воротилами теневого бизнеса. Все стремились отдать дань уважения человеку, несколько лет снабжавшему их первоклассными спиртными напитками. Динни был бы доволен цветочным убранством. Одни только венки в общей сложности стоили пятьдесят тысяч долларов.

В последовавшие годы участь О'Банниона постигла многих других. Торрио и Капоне развязали войну, которую не в силах были остановить. К концу двадцатых годов в результате кровавых рейдов противников на улицах Чикаго погибло более тысячи человек. Первой жертвой таких рейдов стал сам Торрио.

Гимми Вайс и Джордж Моран (Багз) — бандиты, верные О'Банниону, подкараулили итальянского главаря неподалеку от дома. Расстреляв Торрио из автоматических пистолетов, они оставили его умирать. Но Торрио выжил и был арестован по обвинению в распространении спиртного. Суд приговорил его к девяти месяцам тюремного заключения.

На следующий год, потрясенный событиями в Чикаго, Торрио, сознававший к тому же, что он вряд ли включен в дальнейшие планы Капоне, удался от дел в возрасте сорока трех лет. Вайс и Моран продолжали преследовать его, и вскоре Торрио вынужден был покинуть Чикаго, а затем и Флориду. В конце концов мафиози обосновался в Неаполе и только лишь в 1928 году осмелился снова показаться в Нью-Йорке. До 1939 года Торрио тайно работал на Мейера Лански, но затем снова на два года угодил в тюрьму за неуплату налогов. Он умер в 1967 году от сердечного приступа.

Исчезновение Торрио из Чикаго в 1925 году означало, что Капоне становится единовластным хозяином богатой подпольной территории. Торрио увез с собой более пятидесяти миллионов «отступ-

ных», но у Капоне осталась процветающая империя из публичных и игорных домов и разветвленная система вымогательства, которой он руководил умело и с размахом.

Однажды позерство Капоне едва не стоило ему жизни. Своим пятимиллионным делом он управлял из отеля «Хауторн», располагавшегося в насквозь коррумпированном районе Цицero, на окраине Чикаго. В сентябре 1926 года Багз Моран и Гимми Вайс, не сумевшие свести счеты с Джонни Торрио, попытались уничтожить его преемника. Они проехали мимо отеля «Хауторн» на автомобилях и на ходу открыли по нему шквальный огонь из автоматов.

Ко всеобщему удивлению, Капоне не пострадал, но гордость его была задета. По его приказанию Вайса застрелили на улице. С Мораном оказалось сложнее. Ему удалось ускользнуть, и Капоне пришлось ждать два года, чтобы отомстить во время знаменитой бойни в день Святого Валентина.

Тем временем он занялся более насущными проблемами своего бизнеса. Члены семьи Дженна, возглавляемой четырьмя братьями-сицилийцами, были у Капоне основными поставщиками поддельного виски и джина. Их ликеры были невероятно дешевы, вонючи и ядовиты. Себестоимость одного галлона* составляла сорок центов. Капоне он доставался за два доллара, а потребителям, завсегдатаям чикагских притонов, за шесть. Многие из них слепли, выпивая эту жидкость, а некоторые даже умирали.

Однако Капоне поссорился с Дженна отнюдь не из-за качества их виски. Братья претендовали на его власть и влияние в среде итальянской преступности. Один за другим Дженна и члены их банды погибали от рук людей Капоне до тех пор, пока последние оставшиеся в живых члены этой семьи не бежали из Чикаго кто на Сицилию, кто в другие штаты.

---

* Галлон — 3,78 литра.

Другой жертвой Капоне стал продажный политик по имени Джозеф Эспозито, прозванный Брильянтовым Джо за то, что украсил свой пояс драгоценными камнями на сумму пятьдесят тысяч долларов. Эспозито был членом комитета, управлявшего делами печально известного Девятнадцатого административного округа, где под его контролем находились полиция, политики и профсоюзы. В то же время Эспозито управлял сетью перегонных предприятий, принадлежавших Капоне. Оказавшись между двух огней в войне Капоне — Дженна, он был застрелен на улице неизвестным убийцей в 1928 году.

Сын полицейского, Роджер Тоуи был еще одним поставщиком подпольно произведенных спиртных напитков. Капоне пожелал убрать его с дороги, чтобы самому завладеть доходным бизнесом. Сперва он похитил партнера Тоуи Мэтта Килба и потребовал за него выкуп. Тоуи заплатил требуемые пятьдесят тысяч, но Килба все равно застрелили. Тоуи продолжал упорствовать, не уступая натиску Капоне, за что был обвинен в похищении и приговорен к пожизненному заключению.

Проведя девять лет за решеткой, он сбежал и сумел доказать свою невиновность. Через несколько дней после обретения с таким трудом завоеванной свободы, Тоуи был застрелен на улице в Чикаго.

Капоне вершил свое кровавое правосудие даже в Нью-Йорке. Франк Йел, принимавший участие в убийстве О'Банниона, был заподозрен в махинациях со спиртным за спиной Капоне. В 1927 году его заманили якобы на деловую встречу в Бруклин и расстреляли из проезжавшей машины.

Однако наиболее желанной из намеченных жертв Аль Капоне по-прежнему оставался Багз Моран, приверженец О'Банниона, пытавшийся некогда убить Джонни Торрио. Чтобы расправиться с ним, Капоне нанял самого страшного боевика в Чикаго Джека Мак-Герна по прозвищу Автомат.

Настоящее имя Мак-Герна было Джеймс Винченцо де Мора. Он родился в чикагской Малой Ита-

лии в 1904 году и, повзрослев, стал профессиональным боксером. С Капоне его свел отец, работавший на одном из перегонных предприятий семьи Дженна. «Визитной карточкой» Мак-Герна была никелированная монетка, вдавленная в ладонь его жертвы. В 1929 году было обнаружено по меньшей мере пятнадцать тел с такими знаками, оставленными Мак-Герном. Он брал большие деньги за свои услуги и зарабатывал достаточно, чтобы покупать контрольные пакеты акций многих чикагских клубов. Его женой стала одна из клубных танцовщиц. Когда в 1927 году комик Джо Е. Льюис отказался выступать в клубе Мак-Герна, бандит избил его и перерезал голосовые связки.

14 февраля 1929 года, в день Святого Валентина, Джек Мак-Герн получил от Капоне приказ расправиться с его главным врагом Багзом Мораном, который незадолго до этого осмелился публично злословить на его счет.

В тот день банда Морана ожидала партию спиртного в гараже на улице Норт Кларк, 2122. Семь человек находились внутри, когда нагрянули трое «полицейских» с автоматами. Они приказали контрабандистам выстроиться лицом к стене и расстреляли всех до единого. Роли представителей закона исполнили люди Капоне, среди которых был Мак-Герн.

Однако самого Багза Морана в числе жертв не оказалось. Он явился позднее и бежал, едва завидев псевдополицейских.

Бойня в день Святого Валентина, как окрестили ее журналисты, вызвала настолько сильное негодование в обществе, что политики и полиция, даже коррумпированные, вынуждены были принять какие-то меры, чтобы остановить волну насилия, захлестнувшую Чикаго. Автомат Мак-Герн, чье участие в массовой расправе ни для кого не было секретом, перестал числиться наемным убийцей у Капоне. Излишняя популярность погубила его.

Киллер, оказавшийся не у дел, решил, что мо-

жет повесить автомат на стену и посвятить себя исключительно развитию собственных клубов, однако начавшаяся Великая депрессия существенно сказалась на его доходах. 14 февраля 1936 года, ровно семь лет спустя после знаменитой бойни, Мак-Герн, переживавший нелегкие времена, но по-прежнему одетый с иголки, медленно шел по тихой улице. Несоизбранно перед ним возникли двое вооруженных мужчин и застрелили некогда грозного наемника. Полиция, прибывшая на место преступления, обнаружила никелированную монетку, вдавленную в ладонь Мак-Герна, и картонное сердечко рядом с ним на асфальте.

Убийц Мак-Герна так и не нашли, но есть основания полагать, что одним из них был Багз Моран. Верный О'Банниону ирландец исчез после расправы над его людьми в гараже на улице Норт Кларк. После войны он возник снова, на этот раз в Огайо, где попался полиции при попытке ограбить банк. Моран умер в тюрьме Ливенворт в 1957 году. Таким образом, он пережил почти всех известных чикагских гангстеров двадцатых годов. Он прожил на десять лет дольше, чем самый знаменитый из них, его главный враг Аль Капоне.

Заставив Морана, спасавшего свою жизнь, бежать из Чикаго, Капоне стал главарем всей преступной сети города. Но торжество его было недолгим...

В 1931 году налоговому инспектору за считанные недели удалось добиться того, над чем полицейские тщетно бились целые годы. 24 октября на поспешно организованном суде Капоне был признан виновным в уклонении от уплаты налогов. Суд обязал его заплатить пятьдесят тысяч долларов штрафа и приговорил к одиннадцати годам тюрьмы. Такой крутой поворот судьбы сломил Аль Капоне.

В 1939 году он вышел на свободу, испытывая мучительные боли из-за сифилиса, постепенно сводившие его с ума. Укрывшись во флоридском поместье, он остался страдать в одиночестве, избегае-

мый как соседями, так и новым поколением мафиози, не желавшим иметь никаких дел с кичливым, громогласным представителем кровавого прошлого, о котором лучше было бы вовсе не вспоминать. Всеми покинутый, Аль Капоне умер в 1947 году.

Багзи Сигель: голливудский гангстер

Картина, открывшаяся глазам полиции, когда они прибыли на место убийства Багзи Сигеля, была действительно ужасающей. Она вряд ли пришлась бы по вкусу человеку, имевшему репутацию мафиозного Казановы.

Сигеля застрелили в тот момент, когда он сидел на диване в доме своей подружки. Последняя пуля пробила ему левый глаз, что само по себе считалось «визитной карточкой» мафии. Высокий, красивый, элегантно одевавшийся Багзи наверняка пришел бы в негодование от такого беспорядка. Он предпочел бы более достойную смерть.

Бенджамин Сигель, появившийся на свет в Бруклине в 1906 году, всегда верил, что ему предначертано великое будущее. Однако так же, как и многие другие, начинал он с малого — крал машины, перегонял грузовики с алкогольными напитками, охранял подпольные игорные дома.

Его судьба переменилась после встречи с более изобретательным и более расчетливым Мейером Лански. Он назвал свою небольшую кучку мелких преступников бандой Бага и Мейера и к середине тридцатых, неоднократно доказав свою верность Лански, зарекомендовал себя настоящим авторитетом среди рэкстиров восточного побережья Америки.

В 1935 году Сигель принимал участие в перестрелке с конкурирующими бандитами из группировки Голландца Шульцца, и после этого Лански решил, что его другу разумнее будет покинуть на

время Нью-Йорк. Вручив ему пятьсот тысяч фунтов, он отослал Багзи в Калифорнию, посоветовав связаться с местной бандой Джека Драгны.

Жизнь под лучами калифорнийского солнышка показалась раем пылкому Сигелю. Вскоре после прибытия он уже соблазнял красоток одну за другой. Разведенная миллионерша графиня Дороти ди Франко взяла молодого бандита под свое крыло. Вместе они съездили в Италию, где встречались с Муссолини. Затем Сигель и графиня снарядили экспедицию на поиски испанских сокровищ на Кокосовых островах. Однако, разворотив их динамитом, любовники вернулись в Штаты с пустыми руками.

Сигель был на короткой ноге с такими голливудскими знаменитостями, как Джин Харлоу, Гари Купер и Кларк Гэйбл. Джордж Рафт, известность которому принесли роли бандитов, стал его лучшим другом. Вместе они беззаботно кутили в игорных клубах Французской Ривьеры до тех пор, пока Сигель не получил распоряжение от Лански прекратить «изображать из себя кинозвезду» и заняться делом.

Однако Сигель не только прожигал жизнь на светских раутах. Вместе с Драгной он руководил обширной сетью нелегальных игорных домов в Лос-Анджелесе и плавучими казино, которые официально разрешалось открывать на определенном удалении от американского берега. Кроме того, в ведении Сигеля находились операции по контрабанде наркотиков и даже телеграфная служба. На протяжении всей второй мировой войны деньги текли к нему рекой. В 1945 году при помощи Лански он получил банковскую ссуду в размере трех миллионов долларов на постройку в Лас-Вегасе роскошного отеля, включавшего в себя казино. Некоторое время спустя этот пустынный город превратился в бандитскую Мекку.

Добавив собственные три миллиона долларов к доле, внесенной преступным синдикатом, Сигель

начал строить «Фламинго». Название было выбрано его подружкой, Вирджинией Хилл. Однако в процессе строительства крупные суммы денег, указанные в смете, перекочевали на счет в швейцарском банке. Согласно слухам, счет был зарегистрирован на имя мисс Хилл.

В конце 1946 года главные гангстеры Америки, включая восточных коллег Сигеля Мейера Лански, Лаки Лучано и Вито Дженовезе, встретились в одном из отелей Гаваны, чтобы приятно провести отпуск, побывать на концерте Фрэнка Синатры и обсудить поведение заблудшего Багзи. Лански, считавший Сигеля кровным братом, спорил и пытался всячески защитить друга. Тем не менее его оппоненты оказались в большинстве и было решено потребовать от Сигеля вернуть синдикату все инвестиции с процентами, как только откроется отель. Если он не сумеет этого сделать, тогда...

Багзи Сигелю не повезло. Открытие отеля «Фламинго» произошло 26 декабря 1946 года. Рядом с хозяином была Вирджиния Хилл. Вечеринка провалилась. Из-за плохой погоды самолеты приземлялись в Лос-Анджелесе, в результате чего до отеля добрались считанные единицы из числа приглашенных знаменитостей. Запланированная пышная церемония прошла практически незамеченной из-за малочисленной публики, интерес к отелю угас и игроки, вопреки ожиданиям, не повалили валом в новое казино. Сигель боролся со злой судьбой две недели, однако все его усилия оказались напрасными. Одно только казино принесло сто тысяч долларов убытка. Заведение пришлось закрыть.

А между тем требования выплаты долга банде становились все более и более настойчивыми. Но Сигель не мог расплатиться даже при всем своем желании. Большая часть денег была вложена в строительство, а тех средств, которые хранились в швейцарском банке, не хватало, чтобы покрыть долг. Багзи рассчитывал выкрутиться благодаря покровительству старого друга Мейера Лански, но тот в конце концов предпочел умыть руки.

Лаки Лучано, знавший Багзи дольше, чем сам Лански, согласился взяться за организацию казни, но сначала он в последний раз предложил должнику вернуть деньги по-хорошему. Сигель отказался.

Вечером 20 июня 1947 года Сигель сидел на диване в гостиной Вирджинии Хилл, в доме, который она снимала на Норт Линден Драйв в Лос-Анджелесе. Неизвестный убийца ворвался в комнату и произвел пять выстрелов. Все пули попали в цель.

Все богатые и знаменитые друзья Бенджамина Багзи Сигеля немедленно отвернулись от него, когда о нем пошла дурная слава. На похоронах присутствовало всего лишь пять человек.

Джек Легз Даймонд (Ноги) и Шульцц Голландец: ню-йоркские бутлегеры

Джек Легз Даймонд и Голландец Шульцц были двумя хулиганами, пытавшимися установить в самом сердце Нью-Йорка не прижившийся там безапелляционный, жестокий стиль ведения дел, принятый в Чикаго. Оба считали себя хитрыми и крутыми парнями. Оба изменили имена, чтобы производить больше эффекта. Оба кончили жизнь под пулями, хладнокровно расстрелянные своими же соратниками.

Джек Легз Даймонд (Джон Ноланд) родился в 1896 году в Филадельфии. Подростком перебравшись в Нью-Йорк, он прошел классический путь преступника — от уличных драк к воровству и «покровительству». В начале двадцатых он работал на рэкетира Джекоба Орджена, Маленького Ауги, устраняя конкурентов по его приказу.

Благодаря деньгам, которые платил Орджен, Джек мог позволить себе вести шикарную жизнь. Помимо законной жены, он содержал многочисленных любовниц и получил свое прозвище Легз

(Ноги) за непродолжительную связь с профессиональной танцовщицей. Он регулярно скупал акции ночных клубов до тех пор, пока не приобрел личное роскошное ночное заведение.

Даймонду жилось легко и просто. Однако в 1927 году Маленький Ауги был убит, а Легз ранен. Поднявшись с больничной койки, он перестал принимать участие в разборках между группировками и посвятил себя менее опасному занятию — контрабандной торговле, став партнером опытного бутлера, называвшего себя Голландцем Шульцем.

Настоящее имя Шульца было Артур Флигенхимер. Он родился в Нью-Йорке в 1902 году и повторил криминальный путь Легза Даймонда. Возможно, они были даже слишком похожи, и вскоре из партнеров они превратились в противников.

Когда Даймонд вынужден был уйти в подполье после убийства пьяного в своем клубе, Шульц присвоил себе большую часть его бизнеса. Даймонд оплатил Шульцу, похитив предназначавшиеся ему вагоны со спиртным.

Даймонд действовал, уверенный в своей безнаказанности, потому что сумел найти себе нового могущественного патрона, владельца крупного нью-йоркского игорного клуба и борделя Арнольда Ротштайна. Однако в 1928 году он потерял нового друга, так же, как и Орджена. Ротштайн был найден умирающим в собственном казино после того, как проиграл триста двадцать тысяч долларов в покер и отказался платить.

Шульц решил, что настало подходящее время, чтобы избавиться от Даймонда. К нему домой был направлен отряд боевиков, которые застали свою жертву в постели с любовницей и открыли беспорядочную стрельбу. Даймонд получил пять пуль, но выжил. Затем последовали еще два неудачных покушения на его жизнь. Но 17 декабря 1931 года люди Шульца все же добились своего.

Даймонд праздновал оправдательный приговор по делу об избиснии двух конкурентов и рано ут-

ром заглянул в гости к подружке. Оттуда он отправился домой и, едва улегшись в постель, услышал, как снаружи высадили дверь. Через несколько минут Легз Даймонд был мертв.

Голландец Шульц почувствовал, что у него наконец-то развязаны руки, и со спокойным сердцем занялся торговлей спиртным, игорным бизнесом и рэкетом. Все вместе приносило ему по двадцать миллионов долларов в год. Но его кровавый стиль ведения дел перестал устраивать новое поколение главарей мафии, таких как Лаки Лучано, Вито Дженовезе и Мейер Лански.

После сенсационного дела об уклонении от уплаты налогов, возбужденного из-за незначительной и нсобременительной для такого богача суммы, которое Шульцу, тем не менее, удалось выиграть, Лаки Лучано и его партнеры решили избавиться мафию от дальнейшего позора. 23 октября 1935 года Голландец Шульц был убит во время обеда с тремя друзьями в ресторане «Ньюарк» в Нью-Джерси. В обеденный зал вошел наемный убийца с автоматом и расстрелял всех четверых.

Так погиб последний старомодный гангстер Нью-Йорка.

Смерть президента

В Америке мафия считается «общественным врагом номер один». Однако долгое время у мафии тоже существовал общественный враг... Клан Кеннеди.

Эта вражда продолжалась полстолетия, и, согласно преданиям, возникла, когда патриарх клана Кеннеди, Джозеф, сделал себе состояние на контрабанде спиртного во времена сухого закона.

В 1927 году один из ирландских сухогрузов был захвачен бандитами и одиннадцать контрабандистов застрелены. Именно тогда, по версии мафии, Джозеф Кеннеди начал бесконечную кампанию

против своих обидчиков, продолженную его детьми, Джоном; президентом Соединенных Штатов, и Робертом, ставшим министром юстиции.

Благодаря усилиям Роберта Кеннеди глава профсоюза водителей грузовиков Джимми Хоффа оказался за решеткой. Департамент юстиции США повел непримиримую борьбу с мафией, стараясь избавить профсоюзы от криминальной зависимости. Старший брат Джон отказался поддержать разрушительное вторжение на Кубу, разработанное ЦРУ при помощи мафии.

Многие годы спустя после убийства обоих братьев был наконец поднят вопрос о том, имеет ли мафия отношение к убийству президента в 1963 году. Когда-то такой вопрос был попросту невыносим, однако если дело касается организованной преступности США, невыносимое часто становится вполне вероятным.

Именно так и случилось в 1979 году, когда комиссия, учрежденная Палатой представителей Конгресса, высказала предположение, что к преступлению, случившемуся в Далласе 22 ноября 1963 года и потрясшему весь мир, возможно, причастен наемный убийца. Расследование длилось два года и стоило правительству три миллиона долларов. В конце концов эксперты комиссии сформулировали свое заключение: «Один из главарей преступного мира либо небольшая их группа могли принимать участие в убийстве президента Кеннеди».

Далее в заключении упоминались боссы мафиозных кланов, «с наибольшей долей вероятности участвовавшие в разработке плана убийства»: Карлос Марчелло из Нового Орлеана и Сантос Траффиканте из Майами. Оба немедленно опубликовали пространные опровержения своей причастности к смерти Кеннеди.

Точка зрения правительственных экспертов основывалась на косвенных фактах связи Ли Харви Освальда, человека, предположительно стрелявшего в президента, с миром организованной преступности. Такие же факты имелись у следствия

относительно Джека Руби, застрелившего Освальда, прежде чем тот успел предстать перед судом.

Дядей Освальда был некий Чарльз Маррет, работавший на Карлоса Марчелло, так же, как и Дэвид Ферри, обнаруженный в числе знакомых подозреваемого убийцы президента.

Маррет взял Освальда под свою опеку, когда его любимый племянник перебрался из Далласа в Новый Орлеан. Он нашел Освальду жилье, устроил на работу в свою букмекерскую контору и относился к нему как к родному сыну. Следственная комиссия выяснила, что он был первым заместителем человека, управлявшего сетью игорных заведений Марчелло. Маррет умер в 1964 году.

Дэвид Ферри был пилотом Марчелло. Именно он доставил своего босса обратно в США из Гватемалы, куда Роберт Кеннеди депортировал его в 1961 году. Ферри также имел тайную связь с ЦРУ и тренировал пилотов, позднее принимавших участие во вторжении на «остров Свободы». Рабочий адрес Ли Харви Освальда в Новом Орлеане в 1963 году был таким же, как у Ферри. Кроме того, Освальд состоял в том же авиационном клубе, в котором Ферри работал пилотом.

Эти улики, как отметила комиссия Палаты представителей, являются косвенными и на их основании невозможно вынести обвинительный приговор, но, принимая во внимание свидетельства связи с мафией Джека Руби, убившего Освальда, делают гипотезу о заказном убийстве еще более вероятной.

Связь Руби, владельца ночного клуба, с представителями преступного мира не подлежит сомнению. Записи его телефонных разговоров доказывают, что он имел личные контакты с мафиози из Майами, Нового Орлеана и Чикаго. Кроме того, он посещал Сантоса Траффиканте. 21 ноября, за день до гибели Кеннеди, Руби видели выпивающим вместе с другом пилота Дэвида Ферри.

Кто бы ни был режиссером этой кровавой драмы, очевидно одно: публичная казнь Освальда понадобилась злоумышленникам, чтобы помешать ему

назвать определенные имена во время процесса. Жизнь самого Руби не многого стоила... вскоре после своего ареста он умер в тюрьме от рака.

Связь Руби с Сантосом Траффиканте замыкает круг.

Когда Мейер Лански, Лаки Лучано и подобные им занимались отелями и казино Гаваны под покровительством продажного кубинского диктатора Фулдженсио Батисты, Траффиканте был мелкой сошкой в тени таких гигантов. В 1959 году Фидель Кастро устроил переворот и низложил режим Батисты, попутно выдворив из страны всех мафиози, включая Траффиканте.

Вполне возможно, что босс Дэвида Ферри не подозревал, что его пилот работает на ЦРУ. Но даже если бы ему было все известно, он вряд ли стал бы возражать. Скорее всего, Траффиканте одобрил бы такую связь, потому что ЦРУ, мафия и крупные бизнесмены были в равной степени заинтересованы в свержении Кастро и восстановлении на Кубе капиталистического правления. С молчаливого согласия американского правительства ЦРУ всячески старалось ликвидировать источник коммунистической угрозы на Карибских островах. Мафия и бизнесмены стремились реставрировать там прибыльную индустрию туризма.

В прошлом ЦРУ и мафия успешно взаимодействовали, даже осуществляли совместные военные операции в период второй мировой войны. В начале шестидесятых, во время разработки плана вторжения на Кубу, сотрудничество продолжилось.

Крупные бизнесмены также были подключены к работе. Эксцентричный Говард Хьюз вызвался полностью профинансировать ту часть вторжения, которая касалась убийства Фиделя Кастро. В ЦРУ обсудили щедрое предложение. В Лас-Вегасе, где Хьюз владел акциями семнадцати казино, были найдены два отчаянных мафиози. Однако вторжение бесславно захлебнулось и оба наемника погибли в семидесятых годах при невыясненных обстоятельствах.

Другой пример порочного союза преступников и политиков — смерть Мерилин Монро. Главными героями разыгранной драмы традиционно стали Джон и Роберт Кеннеди. По слухам, оба имели близкие отношения с первой секс-бомбой мира.

У шефа ФБР Эдгара Гувера были веские причины недолюбливать Кеннеди. Министр юстиции Роберт, опираясь на поддержку брата в Белом доме, существенно урезал полномочия могущественного начальника разведки и тем самым нажил себе злопамятного врага.

Агенты Гувера собирали досье на всех ведущих политиков страны. Именно благодаря этому власти многие годы закрывали глаза на его эксцентричное руководство Федеральным Бюро Расследований. Личные дела обоих Кеннеди раздувались от скандальной информации.

Ни Джон, ни его младший брат не предпринимали особых усилий, чтобы скрывать свои внебрачные связи. Оба были близко знакомы с Мерилин Монро, и когда у суперзвезды произошел нервный срыв, возникла опасность, что некоторые факты, дискредитирующие первых лиц государства, станут достоянием общественности.

Смерть Монро была окружена ореолом таинственности. О ней ходило множество робких слухов, но за время, прошедшее с тех пор, многое открылось и стало ясным. В 1981 году бывший преступник Рональд Гибсон Санны написал книгу под названием «Главная фигура», содержащую доселе неизвестные откровения. На ее страницах Гибсон сообщал о том, как во времена его работы на мафию ему рассказывали, что Мерилин была убита наемником-мафиози. По его словам, Эдгар Гувер, взбешенный любовными интригами актрисы с ведущими политиками, обратился за помощью к мафии, которая согласилась заставить молчать зарвавшуюся звезду в благодарность за услуги, оказанные преступному синдикату ФБР.

Гибсон был не единственным человеком, утверждавшим, что смерть Мерилин наступила не слу-

чайно. Главные патологоанатомы, занимавшиеся этим делом, в конце концов признались во всеулышание, что скорее всего ей в вену была введена смертельная доза наркотика.

Была ли Мэрилин Монро убита мафией? Действительно ли Джона Ф. Кеннеди устранили бандиты? Эти теории звучат нелепо... Почти так же нелепо, как история о союзе мафии и правительства США ради вторжения на Кубу. Тем не менее, вторжение состоялось...

На южном побережье Франции расположены роскошные, залитые солнечным светом виллы миллионеров и знаменитостей. Эти места представляют собой благодатный край для разнообразных мошенников. В начале восьмидесятых полиция подсчитала, что здешний доход от торговли наркотиками, сбора дани с казино, проституции и вымогательства составляет более семидесяти миллионов фунтов в год.

Бандитские разборки в чикагском стиле начались на Ривьере в 1970 году. Более ста человек погибло в перестрелках, начало которым положил арест преступного магната Мими Гуэрини.

Целая серия убийств последовала в феврале 1977 года, после того как бандиты стреляли в бывшего жокея Жака Имбера Кота, владельца ночного клуба в маленьком приморском местечке Касси. Рассказывали, что он не поладил с бандой, контролировавшей марсельский конец «французской связи», по которой в Америку поступали наркотики из Европы. Имбер лишился глаза, провел шесть месяцев в больнице, но тем не менее выжил, оправдывая свое прозвище, полученное благодаря престолярному верованию, что коты имеют девять жизней.

Месяц спустя после покушения на Имбера один из троих нападавших был убит, когда возвращался с кладбища после посещения могилы сына. Второй погиб на следующий день, застреленный на улице. Третий нашел свою смерть через несколько недель. Он схлопотал пулю, остановившись на светофоре.

Следующим актом борьбы за власть на Ривьере стало кровавое насилие, развязанное в октябре 1978 года. Тогда в результате перестрелки, затеянной в одном из баров Марселя погибло девять человек. Их тела были изрешечены девяносто одной пулей. На пятерых погибших в полиции имелись досье, а четверо остальных были ни в чем не повинными посетителями, убитыми на всякий случай, чтобы они не смогли разболтать лишнего. Полиция, работавшая бок о бок с ФБР, пришла к выводу, что нити этого преступления тянутся к мафии.

Близнецы Крэй: мафия лондонского Ист-Энда.

Когда лондонские гангстеры близнецы Крэй выслушали свой приговор в суде в 1969 году, судья Мелфорд Стивенсон презрительно добавил от себя: «На мой взгляд, общество заслужило отдых от вашей деятельности». Эта деятельность включала кражи, вымогательства, убийства и прочно связалась в памяти англичан с воспоминаниями о «бурных шестидесятых».

Братья Крэй держали в своих руках преступный мир Лондона поистине мафиозной хваткой. Когда они были в зените славы, их чествовали звезды шоу-бизнеса. Знаменитости стремились сфотографироваться рядом с ними. Они щедро жертвовали деньги на благотворительные цели. Их боялись как никого. Во всех отношениях эти люди были английскими копиями американских гангстеров тридцатых годов, чьи подвиги они внимательно изучали и кому старались подражать во всех подробностях.

Даже после того как все их преступления были оглашены в суде и криминальный дуэт отправился за решетку на пожизненный срок, многие люди в лондонском районе Ист-Энд продолжали вспоминать о Крэях с теплотой. Одни видели в них Робин Гудов, другие, настроенные более реалистично, считали, что они поддерживали мир между преступными группировками, благодаря чему в злочных местах было безопасно. Мало кто в те времена задумывался о том, какими средствами достигался этот мир.

Близнецы Крэй родились 17 октября 1933 года в Хокстоне в Ист-Энде. Рони был старшим. Регги появился на свет сорок пять минут спустя. Был еще старший брат Чарльз.

В жилах мальчиков текла еврейская, ирландская и румынская кровь. Их отец Чарльз, которому было двадцать пять, когда родились близнецы, работал

старьевщиком, скупая и перепродавая поношенную одежду, золото и серебро. Матери, Вайолет, был всего двадцать один год.

Перед самой войной семья переехала на улицу Бетнал Грин, в самую обветшавшую ее часть, над которой некоторое время спустя усердно потрудились специалисты из Люфтваффе. Рони и Регги сызмальства получили прозвище Ужасная Двойня за любовь к дракам — сперва на кулаках, а позднее в ход пошли велосипедные цепи и карманные ножи.

К шестнадцати годам оба стали носить при себе пистолеты. Год спустя они впервые предстали перед судом. Братья обвинялись в нанесении тяжких телесных повреждений шестнадцатилетнему юноше, с которым они подрались, но дело было закрыто за недостатком улик.

Близнецы были борцами во всех смыслах этого слова. В семнадцатилетнем возрасте они стали профессиональными боксерами. Через год, призванные на военную службу, они разбили нос вербовавшему их капралу и большую часть своего армейского срока провели за решеткой.

Освободившись и демобилизовавшись в 1954 году, братья решили заняться рэкетом. Если букмекер, владелец магазина или клуба хотел, чтобы у него не было никаких «проблем», он шел к Рони и Регги, платил им требуемое недельное жалованье и молодые люди брали его под свою защиту. Легкие деньги потекли рекой, и бизнес Крэйев стал расширяться. Вскоре их вотчиной стали весь Ист-Энд и большая часть территории Северного Лондона.

Братья основали свои собственные клубы сперва в Ист-Энде, где спортивный зал обеспечивал прикрытие для занятия рэкетом, а затем и в престижном Найтсбридже. Там пара гангстеров быстро сделалась местной достопримечательностью.

К тому времени Рони уже именовался Полковником, Регги — Тихоней, а их дом на Вэллэнс-роуд называли не иначе, как «Форт Вэллэнс».

Крэйи умели быть великодушными, верными,

очаровательными, но также и пугающими, непредсказуемо жестокими. В большинстве случаев заводилой был Рони, заставляя Регги доказывать, что и ему не слабо то, что под силу брату.

В 1956 году Рони ранил человека в ногу. Оппознанный во время очной ставки, он ушел от ответственности, утверждая, что он — Регги. Однако в тот же год Рони попался снова и получил три года тюрьмы за нанесение ран байонетом во время рейда по территории конкурирующей группировки.

На этот раз опасная неуравновешенность Рони стала очевидной. В тюрьме он впал в неистовство и постоянно твердил, что его пытаются «убрать». Ему нужно было видеть свое отражение в зеркале, чтобы убедиться, что он все еще жив. В конце концов Рони отправили на обследование в клинику для душевнобольных, где признали ненормальным. Оттуда Рони выбрался очень эффектно. Регги навестил брата в больнице и поменялся с ним одеждой. Когда Рони оказался в безопасности, Регги признался в своей маленькой хитрости.

Рони Крэй гулял на свободе несколько недель. Его распирало от гордости за удачно совершенный побег, и он несколько раз звонил в полицию Ист-Энда. Однако душевное состояние Рони внушало опасения его семье, и после неудачной попытки самоубийства они позволили полиции снова схватить молодого бандита. Его опять поместили в клинику и провели курс лечения. В 1958 году врачи сочли, что Рони лучше, и отпустили его на свободу.

Но Рони Крэй был далек от исцеления, и лучше всех это знал его младший брат. У Регги обнаружилась хорошая смекалка и деловая жилка. Пока Рони сидел в тюрьме, семейный бизнес процветал. Крэйи владели клубом «Дабл Р» в Боу, новым клубом в Стретфорде, продавали машины и даже держали нелегальный игорный клуб в двух шагах от полицейского участка Боу. Но вместе с Рони возвращались его гангстерские замашки, угрожавшие уничтожить налаженный бизнес.

Братья долго спорили о судьбе их «фирмы». Но в 1960 году спор разрешился сам собой. Регги сел в тюрьму на восемнадцать месяцев за вымогание денег посредством угроз, и на этот раз пришла очередь Рони взять семейный бизнес в свои руки.

Первым делом он заключил соглашение со знаменитым хозяином трущоб Питером Рахманом. Головорезы Крэйя обязались охранять его сборщиков квартплаты за внушительные комиссионные. В результате Рони не только увеличил свой доход, но и стал вхож в доселе незнакомое ему общество. Его новый клуб под названием «Амбар Эсмеральды» в Найтсбридже стал излюбленным местом встреч эстрадных артистов и спортсменов. Это ночное заведение облюбовали также бедные, но симпатичные молодые люди легкого поведения... потому что Рони теперь не скрывал своей гомосексуальной ориентации.

У Регги все было иначе. Выйдя из тюрьмы в 1961 году, он по уши влюбился в шестнадцатилетнюю девушку из Ист-Энда. Интересы братьев впервые разошлись настолько круто. Рони всю тянул за своими новыми развращенными друзьями «с запада», а Регги возвратился к корням в восточную часть города. В основном благодаря деловой смекалке Регги владения Крэйев обросли рестораном и несколькими новыми клубами. Вскоре Регги женился, но его юная невеста не смогла жить в безумном мире гангстеров и в 1967 году совершила самоубийство.

Во второй половине шестидесятых, быть может из-за депрессии Регги по поводу неудавшейся женитьбы, но скорее всего из-за фантазий в духе Аль Капоне, преследовавших его брата, в поведении Крэйев намечается резкий крен в сторону насилия.

Братья стали все чаще ввязываться в драки и затевать поножовщину. В эти годы на жизнь Крэйев покушались по меньшей мере трижды, и Рони взял за привычку класть перед сном под подушку заряженный пистолет.

Близнецы затеяли междоусобную войну с бандой Чарли Ричардсона, чьей территорией считался Южный Лондон. «Южане» были не прочь заняться рэкетом на западе в Ист-Энде.

В марте 1966 года мелкий «злодей», работавший на Ричардсона, вторгся на территорию Крэйев. Вскоре братьям доложили, что некто Джордж Корнелл шатается по Ист-Энду и втолковывает местным жителям, что, дескать, Рони Крэй всего лишь толстый глупый гомик и что не стоит обращать на него внимания... Все равно он не сможет никого защитить.

Затем Рони намекнули, что Корнелла можно найти в хорошо известном «Слепом Бродяге». Лондонский «Капоне» отправился туда немедленно, спокойно подошел к стойке бара и, как позже рассказывал, «приставил пистолет Корнеллу к голове, посмотрел ему в глаза и спустил курок. Затем я положил пистолет в карман. Его тело рухнуло с табурета на пол, и я вышел».

Позже он так оправдывал совершенное убийство: «Корнелл был паразитом. Он был пьяницей и пустобрехом. Он был ничем, и я только сделал благое дело, очистив от него землю».

На следующий год Регги тоже совершил жестокое убийство, не желая отставать от брата.

К тому времени семейный бизнес уже распространился на торговлю наркотиками и порнографией. Эта деятельность на прибавила друзей братьям Крэй. Гомосексуализм Рони сделался уже притчей во языцех, однако никто, казалось, не замечал его ставшей очевидной паранойи. Регги Тихоня после самоубийства жены принялся много пить и стрелять по ногам своих обидчиков.

Крэйев стали всячески избегать. С ними не хотели знаться ни знаменитые богачи, ни безвестные бедняки, потому что братья приносили одни неприятности. Тогда Рони и Регги задумались о своем «имидже» и в надежде произвести впечатление решили совершить бессмысленное убийство.

Жертвой наметили Джеска Мак-Вити Шляпу, получившего свою кличку из-за того, что, никогда не снимал шляпы, под которой скрывал лысину. Единственным преступлением Мак-Вити были невыплаченный братьям долг в размере пятисот фунтов и пьяные оскорбления в адрес Крэйев во время попойки.

По приказу близнецов четверо их людей заманили Мак-Вити на «вечеринку» в снятый предварительно особняк на Сток Ньюингтон-авеню. Рони и Регги вместе с двумя подручными ждали в засаде. Мак-Вити догадался об уготованной ему участи, едва переступив порог, и хотел было бежать, но Рони прижал его к стене и сказал: «Ну же, Джек, будь мужчиной». А Мак-Вити ответил: «Я согласен быть мужчиной, но я не хочу умирать как мужчина!»

Рони стащил свою жертву в подвал, где убийство приобрело оттенок фарса. Регги приставил пистолет к голове Мак-Вити и спустил курок... но ничего не произошло. Тогда Рони выхватил складной нож и ударил Мак-Вити в спину, но не смог пробить толстое пальто.

Мак-Вити вырвался и кинулся к окну. Ему почти удалось выбраться наружу, но в последний момент его поймали за ногу и втащили обратно. Рони заломил ему руки за спину и крикнул брату: «Убей его, Рег. Сделай это. Теперь уже отступать некуда». Регги поднял нож и ударил молящего о пощаде Мак-Вити прямо в лицо. Следующим ударом он прополоснул несчастному глотку насквозь и пригвоздил к полу.

Тело Мак-Вити так и не нашли.

Окрыленные успехом, братья решили создать нечто вроде американской Корпорации смерти. Однако к тому времени за каждым шагом преступной парочки следила специальная группа в Скотланд Ярде, возглавляемая детективом Леонардом Ридом, прозванным Японцем.

Следующей своей жертвой братья Крэй намети-

ли мелкого воришку, выступавшего свидетелем на процессе в Олд Бейли. В качестве орудия убийства были избраны арбалет и шприц, наполненный цианистым калием, спрятанный в маленьком чемоданчике. Затем Рони и Регги планировали убить по контракту карточного шулера, сбежавшего из Лас-Вегаса, не заплатив долги. Третьим в списке значился владелец ночного клуба «Мальтезе», в машину которого должны были заложить динамит.

К тому времени у детектива Рида скопилось достаточно улик по делу Крэйев, однако он понимал, что до тех пор пока близнецы не окажутся за решеткой, все свидетели будут страдать «потерей памяти» или попросту скрываться.

Полиции повезло. Человека Крэйев задержали в аэропорту при посадке в самолет, направлявшийся из Глазго в Лондон. При нем нашли динамит, предположительно предназначавшийся для машины хозяина «Мальтезе». Следственная группа обыскала дом задержанного и обнаружила арбалет и шприц с ядом.

Вечером 8 мая 1968 года Рони и Регги отправились выпить в «Старый Рог» в Бетнал Грине. Оттуда они перебрались в клуб «Астор» на модную Беркли сквер. В четыре часа утра братья вернулись в новую квартиру их матери в Шордиче. Регги отправился спать с подружкой, Рони с другом. На рассвете в квартиру ворвались полицейские и арестовали обоих близнецов.

Братьев обвинили в убийстве Джорджа Корнелла и Джека Мак-Вити. Восемьмерым остальным членам их «фирмы», включая старшего брата Чарльза, были предъявлены обвинения в преступлениях по-мельче.

Близнецы свою вину отрицали, но тем не менее после беспрецедентного процесса, продолжавшегося тридцать девять дней, получили пожизненный срок с отметкой, что никакие амнистии не могут распространяться на них в течение по меньшей мере

тридцати лет. Обоим осужденным было по тридцать пять лет во время процесса, а это означало, что на свободу они выйдут уже пенсионерами, если выйдут вообще.

Рони и Регги направили в разные тюрьмы со строгим режимом. В 1972 году их на некоторое время соединили в тюрьме Паркхерст на острове Уайт. Однако в 1979 году медики снова осмотрели Рони и направили его в клинику для заключенных с психическими расстройствами.

Регги пришлось тяжелее, чем брату. Ему присвоили категорию «А», что означало: очень опасен и склонен к побегу, поэтому рядом с ним постоянно находились два тюремных охранника, которые следили за каждым его движением. Посетителей к нему допускали избирательно, и время их визитов было ограничено до минимума. Будучи заключенным категории «А», он не имел права на пересмотр своего дела, и все его протесты оставались без ответа. В 1982 году он безуспешно пытался совершить самоубийство, вскрыв себе вены.

Рони повезло больше. В тюрьме Брэдмура ему предоставили некоторые привилегии. Его время от времени навещали старые друзья из Ист-Энда, эстрадные знаменитости, спортсмены. Они приносили с собой разные вкусные вещи, вроде копченой семги и пирогов с дичью, и классические записи для стереосистемы, установленной в его камере рядом с цветным телевизором.

Рони потчевал своих гостей бесконечными историями о былых подвигах, которые они с братом совершали во времена, когда их именами пестрели центральные газеты. В 1983 году журналист Брайен Хитчен, давний приятель Рони, услышал от него такие слова: «Мы никогда не причиняли вреда простым, обыкновенным людям. Мы отбирали деньги у негодяев и часть отдавали тем, кто действительно переживал трудные времена.

Я оглядываюсь на те времена, и, естественно, сейчас они представляются мне хорошими. Тогда

мужчины могли брать с собой в паб женщин, не опасаясь, что кто-то их оскорбит. Никто не грабил стариков. Этого просто не могло быть, пока мы присматривали за Ист-Эндом».

О своей жизни в Брэдмуре Рони отзывался так: «Тут есть несколько действительно плохих парней, Брайен, в самом деле плохих. Но у всех у них есть матери, вот отчего разрывается сердце. Ведь не важно, что они совершили, матери все равно не перестают приходить к ним и любить их. Когда я вижу этих мам, мне становится их так жаль...»

В 1982 году оборвалась основная связь близнецов с внешним миром. Их самая частая посетительница, их мать Вайолет, умерла за неделю до своего семидесятитрехлетия. Вайолет Крэй стала легендой Ист-Энда. Люди говорили, что она была единственным человеком на Земле, способным как-то контролировать близнецов.

Рони и Регги выпустили на один день, чтобы они смогли присутствовать на похоронах матери, которые превратились в грандиозное событие в Ист-Энде, отмеченное посещением многих звезд.

Возвратившись в Паркхерст, Регги сказал: «Мне так одиноко без посещений нашей мамы. Ее визиты всегда были самыми лучшими. Я буду очень скучать по ней. На похоронах мы с Рони были прикованы наручниками к полицейским ростом под метр девяносто, но им не стоило так волноваться. Насилие больше не является частью моей жизни.

Меня зло берет, когда я читаю о сегодняшнем положении дел в Ист-Энде, знаете, когда нападают на пожилых женщин. В прошлые годы, когда мы встречали на улице старушку, мы помогали ей перейти дорогу и желали спокойной ночи. А сегодня восьмидесятилетних женщин насилуют и убивают из-за их пенсий. Меня от этого тошнит».

О своей безнадежной жизни в тюрьме он сказал: «После всех этих лет очень легко сломаться. Они пробежали так быстро. Но только когда я вижу, как сюда приходит молодежь, я осознаю, какая огромная часть моей жизни прошла впустую».

Банда Ричардсона: бич Южного Лондона

Если Крэйи были знамениты своими молниеносными актами мщения, то их противники из банды Ричардсона с южного берега Темзы считались мастерами медленной расправы. Они оспаривали у братьев Крэй репутацию наиболее ужасных людей в Лондоне. Их называли «пыточной бандой», за то что они обыкновенно приколачивали своих врагов к полу шестидюймовыми (15 сантиметров) гвоздями и отрезали им большие пальцы на ногах кусачками для болтов.

Главарь банды Чарльз Ричардсон родился в 1934 году в Кэмбервелле. Будучи еще школьниками, они с братом Эдди стали преступниками. Это произошло после того, как отец ушел из дома, оставив семью безо всякой материальной поддержки.

Начав, как водится, с мелких краж, братья постепенно стали владельцами целой сети процветающих предприятий, легальных и полуполигальных, раскинувшихся по всей южной части Лондона. Чарльз специализировался на скупке металлического лома, но в то же время в его ведении находилось несколько мебельных фирм. Эдди занимался игральными автоматами и оптовой торговлей медикаментами.

Благодаря всем этим компаниям братья были преуспевающими людьми, но все же не богачами. Вышеозначенные предприятия были по большей части лишь прикрытиями, официальным фасадом для другой, куда более прибыльной деятельности — для краж и хранения ворованных товаров.

Бизнес игровых автоматов Эдди приносил больше дохода, чем аналогичные предприятия его конкурентов, по очень простой причине. Если владельцу клуба или паба предлагали купить одну из машин Эдди, он хорошо знал, что самым мудрым решением будет принять такое предложение. В противном случае здоровые головорезы могли вло-

миться к нему среди бела дня и устроить разгром в его драгоценном заведении.

Однако главной статьей дохода Ричардсонов были так называемые «долгие фирмы». Механизм работал примерно так: сперва абсолютно легально создавалась новая компания. У поставщиков заказывались товары, все выплаты производились строго в договорные сроки, у компании появлялось доброе имя. Через несколько месяцев успешного функционирования поставщики получали от нее крупные заказы в кредит. Отпущенные товары быстро распродавались, Ричардсоны набивали свои карманы деньгами, и компания исчезала, будто ее и не было.

Однажды Чарльза арестовали за торговлю краденым, но полиция вынуждена была снять обвинения за недостатком улик. Тем не менее, в Скотланд Ярде внимательно следили за деятельностью банды, и в 1965 году представителям закона неожиданно стали известны те страшные методы, с помощью которых Ричардсоны держали людей в повиновении.

В июле того же года один из пострадавших от рук банды явился в полицейский участок Южного Лондона и поведал ужасающую историю о том, как бандиты пытали его, признав виновным на издевательском судебном процессе. В конце концов несчастного заставили вытирать с пола собственную кровь.

Как удалось выяснить полиции, инсценированные суды и пытки были изобретением Эдди. Умиравших от страха жертв приводили к нему на суд, признавали виновными и затем мучили самыми разнообразными способами от простого избияния до изощренных пыток. Людей секли кнутами, тушили сигареты об их тела, выдирали клещами зубы, отрезали пальцы кусачками и подключали к электрошоковым аппаратам. После этого, если дела жертвы были совсем плохи, ее отправляли к работавшему на банду врачу для оказания экстренной медицинской помощи.

В 1966 году полиция решила, что собрала достаточно улик, чтобы начать действовать. Толчком послужил судебный процесс над человеком, обвинявшимся в убийстве южноафриканского спекулянта нсобработанными алмазами, которому Чарльз Ричардсон якобы доверил крупную сумму денег, не получив ничего взамен. Кроме того, ходили слухи, что Чарльз имел какие-то сношения с контрразведкой Южной Африки, сокращенно именуемой БОСС, и даже пытался поставить на прослушивание телефон премьер-министра Гарольда Уилсона.

К тому времени Эдди уже отбывал пятилетний тюремный срок за нарушение общественного спокойствия. В 1966 году полиция провела серию арестов по Южному Лондону и арестовала всю банду.

Однако сам процесс в Олд Бэйли начался лишь в апреле 1967 года. Подсудимым были предъявлены обвинения в мошенничестве, вымогательстве и в нанесении тяжких телесных повреждений. Несмотря на попытку подкупить судью, Эдди Ричардсон был признан виновным после сорокашестидневного слушания дела и получил еще десять лет вдобавок к своим пяти. Чарльз сел за решетку на двадцать пять лет.

Судья Лоутон сказал ему: «Вы бесчеловечно, садистски издевались над теми, кто перебежал вам дорогу. Людям, должно быть, стыдно сознавать, что они живут с вами в одном обществе. Мы примем все меры, чтобы вы не совершили больше никаких преступлений. Нужно дать ясно понять бандитам, что все они будут повержены так же, как сейчас повержены вы».

Подобно братьям Крэй, Чарльз Ричардсон позднее пытался оправдать свои преступления. «Люди, с которыми мне приходилось иметь дело, — говорил он, — были профессиональными жуликами. Я всего лишь пытался вернуть свои деньги. Меня тошнит от того, каким меня теперь изображают. Я поп-

росту козел отпущения. Получил двадцать пять лет за нанесение тяжких телесных повреждений, ни для одного из которых не потребовался даже аспирин».

Джимми Эпполито раздувался от гордости, позируя перед фотокамерой рядом с женой американского президента Джимми Картера, Розалинд. Однако когда Эпполито выставил фотографию на всеобщее обозрение, его подпольные боссы были далеки от эйфории. Напротив, они приговорили его к смерти за «позерство» — привлечение к мафии излишнего внимания.

Тридцатичетырехлетний Эпполито работал на нью-йоркский клан Карло Гамбино, а в свободное время помогал любимому детскому благотворительному фонду Картера. В марте 1980 года его пригласили якобы на деловую встречу. Эпполито и его шестидесятичетырехлетний отец приехали в условленное место и принялись ждать в своей машине. Через некоторое время неизвестный убийца застрелил обоих.

В интервью газете «Санди таймс» в 1983 году он сказал, что его связи с Южной Африкой и организацией БОСС были на руку британскому правительству. «Я был пешкой в их большой игре, — говорил он. — Чем большего преступника они из меня делали, тем больше становилась вина правительства Южной Африки за использование меня, тем сильнее можно было на них надавить. Весь бизнес состоит в основном из давления и шантажа, разве не так?..

Я никогда не пытался посадить «жучка» в телефон Гарольда Уилсона. Я мог бы это сделать, но я этого не делал. Им просто нужно было избавиться от меня на возможно более долгий срок».

Семьей и друзьями Чарльза Ричардсона была начата шумная кампания с целью добиться его досрочного освобождения. Они подали апелляцию в суд, утверждая, что Чарльз больше не представляет опасности для общества. Но все усилия пропали даром. Ответом на все петиции было молчание.

В 1980 году он ушел из открытой тюрьмы и около года был в бегах, пытаясь опубликовать в газетах

требование о возвращении ему свободы. На Рождество он нарядился Санта-Клаусом и раздавал подарки детям. Вернувшись в тюрьму, Ричардсон получил разрешение выходить на один день в неделю, чтобы работать с инвалидами. В 1983 году, в преддверии досрочного освобождения, его отпустили домой на выходные, чтобы Ричардсон мог быстрее адаптироваться к жизни на воле.

У ворот тюрьмы бывшего бандита забрал «роллс-ройс». Вернувшись в круг семьи, Чарльз посадил ожидавших его родственников, включая освобожденного к тому времени Эдди, в автомобиль и повез их на ленч с шампанским.

На следующий день торжества продолжились на публике. Чарльз без устали посещал окрестные пабы и ночные клубы, а когда наконец он вернулся домой на Олд Кент-роуд, триста пятьдесят человек снесли замки и решетки, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение Чарльзу Ричардсону.

«Оглянитесь вокруг, — сказал он подоспевшим репортерам. — Я люблю этих людей, а они любят меня. В тюрьме я получал по двести рождественских открыток в год. Вот какой я злодей».

В июле 1984 года Чарльз Ричардсон был в конце концов отпущен на свободу.

Глава шестая

ЖАЖДА КРОВИ

Эти люди, более дикие, чем любые животные, совершали самые ужасные преступления. Массовые убийцы, сексуальные маньяки, каннибалы и вампиры — все они наслаждались самим видом крови, все, от безумного римского императора, уничтожавшего своих соотечественников и превратившего сестер в проституток, до коварного писателя, засорявшего умы слабых циничной тсорией жестокости и давшего миру слово «садизм».

«Человек — это всего лишь животное, которое причиняет боль другим только потому, что ему этого хочется».

Артур Шопенгауэр (1851)

Калигула

Всеобщес ликование охватило римлян в 37 году от Рождества Христова, когда двадцатипятилетний Гай Цезарь унаследовал титул императора от старого тирана Тиберия, проведенного несколько тягостных лет в добровольном изгнании и заслужившего всеобщую ненависть за жестокую расправу над взбунтовавшимися военными.

Однако римляне зря вздыхали с облегчением. Старый жестокий император сыграл с ними напоследок злую шутку, назначив Гая Цезаря своим преемником. Молодой человек был внуком Августа и сыном Германика, одного из выдающихся военачальников Римской империи.

Маленьким мальчиком Гай проводил много времени в армии вместе с отцом. Легионеры полюбили ребенка и стали считать своим счастливым талисманом. Специально для него была изготовлена миниатюрная военная форма, дополненная сапожками ручной работы — калигами. Солдаты дали мальчику ласковое прозвище Калигула, то есть Сапожки. Всего за четыре коротких года это безобидное слово превратилось в синоним безудержного насилия, повергавший в ужас не только римских граждан, но даже старых военных, с чьей помощью императору удалось взойти на престол.

В юности Калигула обнаружил в себе склонность к дикой экстравагантности и неумную страсть к сексуальным удовольствиям. Старшие полагали, что со временем он перебесится и остепенится, особенно после принятия столь ответственного титула императора, но они ошибались. Под маской юношеской неумеренности до поры до времени скрывалось извращенное умопомешательство, обнаружившееся в полной мере лишь тогда, когда молодой человек достиг абсолютной власти.

Первые шесть месяцев правления Калигулы превратились в своеобразный «медовый месяц» для граждан Рима. Новый император быстро заслужил их симпатию, раздавая направо и налево сокровища казны Тиберия, щедро предоставляя налоговые скидки и денежные премии солдатам римского гарнизона. Наиболее близких из доверенных солдат, широкоплечих германцев, своих личных охранников, Калигула наделил небольшими состояниями.

К предупреждениям встревоженных сенаторов о грозящем банкротстве император относился с опрометчивым пренебрежением. С безрассудным расточительством Калигула принялся финансировать бесконечные кровопролитные зрелища на аренах римских амфитеатров.

Со всех уголков империи в столицу свозили огромное количество львов, пантер, слонов и медведей, пойманных в лесах и пустынях, и стравливали их в цирках, ко всеобщему удовольствию зрителей.

Денежные призы гладиаторов удваивались и даже утраивались ради того, чтобы их схватки были более ожесточенными и кровопролитными. Грандиозные представления достигали такого размаха, что у публики захватывало дух и она без устали восхищенно аплодировала императору Калигуле.

Роскошные цирковые зрелища заставляли верных подданных закрывать глаза на тот факт, что император вынудил трех своих сестер оставить мужей и переселиться во дворец Калигулы в Риме, чтобы разделить с ним постель. Подавлялось всякое негодование по поводу ночных прогулок любвеобильного монарха, во время которых он устраивал оргии с проститутками, охраняемый верными германцами, а затем сжигал дотла городские бордели.

В 38 году после года правления Калигула, по-прежнему любимый народом, заболел лихорадкой. Цирковые зрелища внезапно прекратились.

Тысячи сердобольных римлян дни и ночи проводили вокруг дворца императора. Всякое движение на улицах столицы прекратилось, музыка и торговля были запрещены на расстоянии менее восьмисот метров от его резиденции. Жители Рима усердно молились за здоровье Калигулы.

Целый месяц он находился между жизнью и смертью. Затем лихорадка отступила. Император очнулся, ослабевший от болезни, и силы стали возвращаться к нему с каждым днем, но вскоре выяснилось, что в сознании его произошли необратимые перемены. Калигула стал законченным безумцем.

Собрав вокруг своего ложа друзей и близких, Гай Цезарь признался: «В действительности я не был болен, я просто переродился и стал Богом!»

Последние деньги, остававшиеся в его распоряжении, Калигула пустил на грандиозные торжества, превзошедшие все предыдущие зрелища. Он объявил, что каждый его подданный должен наслаждаться жизнью так же, как и он. Торговля снова прекратилась из-за того, что день за днем объявлялся Калигулой выходным, чтобы гражданам не

нужно было отпрашиваться с работы ради посещения цирков.

Бесконечное кровавое пиршество очень скоро привело к весьма неприятным последствиям. Римляне пресытились удовольствиями, а кошелек Калигулы наконец-то иссяк. Император понял, что ему нечем кормить львов, предназначенных для будущих боев с гладиаторами, которые в свою очередь разбежались из цирков из-за резко упавших гонораров.

Наступил день, когда на арене одного заурядного цирка появились истощенные львы и давно не выступавший пожилой гладиатор с брюшком. Избалованные зрители не захотели довольствоваться столь убогим зрелищем и, поднявшись с тридцати тысяч мест амфитеатра, дружно выказали императору свое негодование.

Реакция безумного Калигулы была молниеносной. Наиболее крикливые заводилы были схвачены стражей и утащены под арену. Там всем отрезали языки и вытолкнули захлебывавшихся в собственной крови людей напрямик к диким зверям.

Римские зрители, привыкшие видеть на арене натренированных профессиональных «охотников», были шокированы видом простых граждан, таких же, как они сами, вынужденных противостоять голодным хищникам.

Более всех остальных от сексуальных извращений Калигулы страдали члены его семьи. Скорее всего, в мир чувственных утех будущего императора ввела его бабушка, не чаявшая в мальчике души. В тринадцать лет он уже имел кровосмесительные отношения со своей четырнадцатилетней сестрой Друзиллой. Взойдя на трон, он заставил двух остальных сестер, Агриппину и Лесбию, развестись с мужьями и разделить с ним ложе. Однако хуже всех пришлось Друзилле. Когда она забеременела, император решил, что ребенок, который родится от их кровосмесительного союза, будет наделен могуществом Бога. Однажды ночью Друзилла погибла, распотрошенная Калигулой. Он пытался вырвать из ее чрева не родившегося ребенка. На следующее утро император объявил, что его возлюбленная сестра скончалась от внезапного паралича. Тело несчастной женщины плотно спеленали и спешно сожгли, пока ни одна из плакальщиц не увидела ее страшные раны.

Однако сам Калигула от души наслаждался зрелищем, кричал и хлопал в ладоши до тех пор, пока последнего неосторожного крикуна не утащили с арены, растерзанного изголодавшимися львами.

Покидая цирк, Калигула сказал капитану своей охраны, безумно поблескивая глазами: «Как бы я хотел, чтобы у Рима была всего одна шея и я мог бы отсечь все эти головы одним ударом».

Кровожадные римляне были шокированы. Больше никто не осмеливался выступить против императора, однако Калигуле по-прежнему нужны были деньги на содержание цирков и армии, чья лояльность основательно поколебалась. Каким бы безумцем ни был Гай Цезарь, он понимал, что ничто не охлаждает гнев разъяренных подданных эффективнее, чем резкое увеличение налогов.

Проблему пропитания львов Калигула разрешил очень просто. Каждую ночь партию преступников из римских тюрем отправляли в амфитеатры и скармливали хищникам. Истощившаяся казна пополнялась средствами, экспропрированными у наиболее состоятельных граждан столицы. Против них выдвигали сфабрикованные обвинения, за скромную плату в несколько золотых монет нанимались лжесвидетели, и в результате обширные имения и состояния этих людей отходили государству в качестве штрафов.

В конце концов, настроив против себя весь Рим, император одумался и принялся выкачивать деньги у поработанных народов Франции и Испании.

Остатки сокровищ Тиберия император приберег для странного представления, разыгранного в Неапольском заливе с целью опровергнуть пророчество, услышанное Калигулой еще в детстве. Прорицатель сказал мальчику, что получить титул императора у него столько же шансов, сколько перейти залив, не замочив ноги.

Калигула приказал поставить на якоря четыре

тысячи лодок, одну к другой, нагрузив их торфом, и резво пробежал по этой импровизированной дороге, украшенной искусственными деревьями и тавернами с одного берега залива на другой. Затем счастливый император возвратился в Рим.

Тем же вечером на море разыгрался шторм и потопил почти половину судов, все еще стоявших на якоре. Услышав об этом, Калигула поклялся отомстить морскому богу Нептуну. Однако потеря кораблей не сумела испортить настроение императору настолько, чтобы отказаться от проведения вечеринки в честь его любимого коня Инциката, Быстрого. В подарок от Калигулы животное получило очередное живописное панно, продолжившее коллекцию аналогичных произведений искусства, украшавших стены его мраморной спальни. В тот же вечер Инцикат был произведен из сенаторов в консулы Римской Империи.

В отчаянном желании возместить средства, утраченные на эскапду в Неапольском заливе, Калигула отбросил всякую осторожность и повелел своей страже отбирать деньги у простых прохожих на улицах. Граждане, остановленные военными, должны были отдавать в казну императора все, что имелось у них в кошельках. Сокрытие хотя бы одной-единственной монеты грозило мгновенной смертью.

Когда верная гвардия сообщила Калигуле, что умудрилась обобрать даже городских проституток, в голову безумного императора пришла одна из самых отвратительных идей. Собрав во дворце членов своей семьи, он обрушил гневные упреки на Агриппину и Лесбию: «Все в Риме усердно работают, чтобы поддержать меня средствами, только от вас я никогда не видел никаких денег. Теперь пришла ваша очередь потрудиться».

Своим императорским указом Калигула провозгласил, что отныне его дворец будет открыт для посещения в качестве публичного дома, в котором

его сестры выступят в роли проституток. Видным сенаторам было приказано в обязательном порядке являться на сексуальные оргии и платить за вход по одной тысяче золотых монет. К пушему стыду наиболее родовитых сенаторов, очень скоро они получили распоряжение приводить с собой жен и дочерей, чтобы они работали проститутками, так же как его сестры.

Враги Рима, так же как и сами римляне, были способны на жестокие хитрости. Митридат был правителем Понта, государства на Черном море, входящего ныне в состав Турции, пятьдесят девять лет начиная с 124 года до Рождества Христова. Действуя врасплох, он со своими войсками захватил Сирию и часть Малой Азии, где проживали тысячи римлян. Затем он тайно оповестил своих генералов о дне массовой расправы. Когда этот день настал, сотни тысяч римских мужчин, женщин и детей были вытасканы из своих домов на улицы и безжалостно убиты.

Терпение римских граждан было на пределе, когда Калигуле надоела затея с публичным домом и он решил лично отправиться грабить поработоченные провинции Франции и Германии. Вперед себя он послал гонцов во французские гарнизоны с сообщением, что хотел бы встретиться с самыми богатыми людьми их округов. Местом встречи был назван Лион.

Местные представители римской власти перепугались, что Калигула может попросту ограбить, а потом убить представителей высшей французской знати. Тогда было бы не миновать нового галльского восстания. Тем не менее, никто не посмел ослушаться приказа императора, и назначенная встреча состоялась. Померкший разум Калигулы оказался более изощренным, чем полагали его подданные. Он предложил богатым гражданам единственный в жизни шанс приобрести «сокровища» из его дворца по бросовым ценам.

Когда семнадцатилетний Нерон унаследовал императорский престол после смерти приемного отца, Клавдия, никто не думал, что он может стать бичом своих подданных. Фатоватый, напыщенный молодой поэт, считавший себя также талантливым музыкантом и одаренным архитектором, не выказывал ни малейшей склонности последовать примеру воинственных предков. Нет, все тринадцать лет своего правления он предпочитал сражаться с воображаемыми врагами, которых легко было сокрушать и повергать в бегство.

В 64 году от Рождества Христова в Риме вспыхнул пожар, бушевавший почти неделю. Ходили слухи, что Нерон сам поджег столицу, чтобы позднее перестроить ее по собственным, дилетантским проектам. Для того, чтобы оправдаться, императору пришлось искать козла отпущения. Очень скоро он обнаружил прекрасных кандидатов на эту роль. Число последователей христианской религии в столице Римской империи быстро умножалось. Это пугало многих представителей власти. Обвинив членов новой секты в поджоге Рима, Нерон сразу убил двух зайцев - восстановил против христиан римских граждан и получил наслаждение, изобретая самые мучительные расправы для мнимых поджигателей. Вместо боев «благородных» гладиаторов, на аренах цирков стали разыгрываться леденящие кровь представления. Дикие звери терзали и пожирали беззащитных христиан. Вдоль широких дорог, ведущих к амфитеатрам, воздвигали кресты с распятыми на них последователями неизвестного Бога. По вечерам их обмазывали смолой и поджигали, превращая в огромные факелы, освещавшие дорогу прибывавшей публике.

Римским гражданам пришлось по душе такие развлечения. Они помогали им позабыть, что Нерон убил свою мать и жену. Однако их терпение лопнуло, когда стало известно, что император кастрировал одного из слуг, «обвенчался» с ним и стал жить, как с женой. Узнав, что его объявили врагом народа и приказали засесть до смерти, плачущий Нерон совершил весьма неуклюжее самоубийство, полоснув себя по горлу. Его последними словами стала картинная фраза: «Какая потеря для искусства».

Так начался один из самых необычных «аукционов» в истории. Калигула сам называл цены... Затем вместе со своими помощниками — императорской гвардией — Калигула роздал обескураженным покупателям их приобретения, и французы обнаружили, что выложили многие тысячи золотых.

монет за тюки со старой одеждой, среди которой попадались рваные сандалии и окаменевшие куски сыра.

Калигула между тем отправился на берега Рейна, поклявшись расправиться со своими врагами в Германии. Одна короткая боевая стычка окончилась пленением тысячи германцев, среди которых Калигула отобрал триста человек. Остальных он приказал выстроить вдоль скалы и поставить по лысому человеку с обоих концов. Затем, удовлетворенный наличием достаточного числа пленников для триумфального вступления в Рим, император отдал распоряжение своим легионам: «Убейте всех от одной лысой головы до другой».

С этими словами Калигула покинул поле «битвы». Расположившись лагерем неподалеку от порта Булонь, он приказал утратившим всякий боевой дух солдатам построиться на берегу моря. Повинуясь, римские стрелки развернули фланги у самой воды. Огромные катапульты и пращи подтащили по песчаным дюнам, чтобы прикрыть пехоту и кавалерию. Все взгляды были прикованы к горизонту, недоверчиво ожидая появления неведомого врага.

Величественной походкой Калигула ступил в воду, поднял меч и страшной клятвой поклялся мстить морскому богу Нептуну за гибель своих кораблей в Неапольском заливе. Солдаты беззвучно наблюдали за тем, как их предводитель срубает мечом морскую пену. Затем он распорядился обстрелять море из катапульт. Артиллерия повиновалась. В воду посыпались тучи стрел. Пехота стала пронзать мелководе копиями. Кавалерия поскакала навстречу волнам, рассекая волны мечами.

«А теперь за добычей!» — скомандовал неугомонный Калигула, и все его воины устремились в море, наполняя свои шлемы перламутровыми раковинами.

Это было уже слишком. Непобедимая Римская армия скатилась до того, чтобы дурачиться на потеху безумного императора!

На обратном пути в рядах военных как на дрожжах стали зреть заговоры. Когда Калигула вошел в Рим, приведя с собой беспорядочную толпу пленных германцев, кучку бриттов, захваченных на торговом судне в Болонье, и тонны морских раковин, Сенат уже скрежестал зубами и армия была близка к мятежу.

Император, между тем, с упоением праздновал свои доблестные «победы». Вскоре после возвращения он выдвинул предложение обезглавить все изваяния богов, имевшиеся в Риме, и заменить их головы его собственными скульптурными портретами. Нарядившись в шелковые женские одежды, Калигула танцевал в залах своего дворца и заводил отвратительные любовные интрижки с молодыми людьми.

Но дни его были сочтены.

Для того чтобы низложить Калигулу, не потребовалось массового восстания. Его жизнь оборвала внезапная вспышка гнева старого солдата.

Кассию Херею, трибуну преторианской когорты, было поручено одно из самых презренных занятий — сбор налогов. Как честный солдат, он не смел нарушить клятвы повиноваться во всем императору. Получив приказ пытаться молодую девушку, несправедливо обвиненную в предательстве, Кассий не выдержал и расплакался при виде мук несчастной. Молва о слезах ветерана достигла ушей Калигулы, и с тех пор император не упускал случая поддразнить его, всякий раз при встрече изображая плачущего младенца.

Однако этого ему показалось мало. Для того чтобы выставить Кассия на всеобщее посмешище, Калигула придумал новую шутку. Согласно своим обязанностям главнокомандующего, он каждое утро должен был сообщать новый пароль начальнику своей стражи, который в свою очередь повторял его младшим офицерам. Паролем обычно служил какой-нибудь лаконичный воинственный лозунг, к

примеру: «Победа!» или «Не сдаваться». Калигула решил нарушить традиционное однообразие, и Кассию отныне пришлось повторять откровенную чушь вроде «духи и пудра» или «поцелуй меня, солдат», рождаемую изощренной фантазией императора.

В конце концов чувство собственного достоинства Кассия Херея перевесило его чувство долга. В январе 41 года от Рождества Христова, возглавив заговор, он явился в крытую галерею, соединявшую дворец с личным театром Калигулы, и послал предупредить императора о своем приходе. Глава Римской империи наслаждался представлением новой пьесы, которую ставила для него труппа греческих юношей-танцоров. Получив сообщение, он покинул остальных зрителей и вышел. В галерее Кассий преградил ему дорогу.

«Мне нужен новый пароль на сегодня, император, — сказал он.

«Ах, да, — покосился на него Калигула. — Сейчас, дайте подумать. Пожалуй, сегодня паролем будет «стариковская юбка».

Эти слова стали его последней издевкой. Кассий вытащил меч и нанес Калигуле десять страшных ран. Когда император испустил дух, старый солдат вошел в театр и объявил: «Представление окончено, император мертв».

В театре повисла изумленная тишина, в следующее мгновение сменившаяся аплодисментами, более громкими и радостными, чем те, что раздавались за прошедшие четыре года в цирках и на оргиях безумного императора Калигулы.

Влад Протыкатель

Если герой многочисленных триллеров граф Дракула ходил когда-либо по земле в человеческом облике из плоти и крови, то его наверняка звали Владом Тепешем. Но если сравнить реальные деяния этого человека с легендами о знаменитом вам-

пире, последний покажется не более чем злодеем из детской сказки. Его жестокий, кровожадный прототип получил в народе прозвище Влад Протыкатель.

Влад Тепеш правил Валахией, областью, входящей ныне в состав Румынии, с 1456 по 1476 год. Его отца называли Дракулом, то есть Драконом, оттого что изображение этого существа украшало его щит. Сын, Влад Пятый, любивший пить кровь своих врагов, придал отцовскому гербу новое значение.

Его способность изобретать все новые и новые мучительные способы умерщвления людей была поистине ужасающей. Однажды он обедал в окружении большого количества своих медленно умирающих жертв. Одному из гостей сделалось дурно от зловония, и он имел неосторожность пожаловаться на это графу, который приказал посадить брезгливого гостя на кол, «чтобы он оказался над неприятным запахом».

Двенадцать лет своей жизни Влад провел в одной из венгерских тюрем. Не имея возможности мучить людей, он проводил долгие одинокие часы в застенках, издеваясь над животными.

И тем не менее, в своей собственной стране Влад Пятый считался героем, блестящим генералом, решившим положить конец десятилетиям междоусобных войн и дать отпор туркам, постоянно угрожавшим ее границам. Когда турки взмолились о мире, Влад пригласил к себе парламентаров и прибил им одежду к телу короткими гвоздями, чтобы агония длилась подольше.

Любимым способом умерщвления жертв у Влада было сажание на кол. Таким образом он расправился с двадцатью тысячами своих врагов. Однажды он устроил веселый завтрак на поляне, утыканной колами, на которые были посажены местные крестьяне. Перед экзекуцией Влад особенно настаивал, чтобы колы не делали слишком острыми, — так его жертвы больше мучились.

Директор одной венгерской компании Сильвестре Матушка в 1932 году предстал перед судом по обвинению в убийстве двадцати двух человек ради собственного сексуального удовлетворения. Он получал удовольствие, наблюдая за катастрофами, и удовлетворял свою похоть самыми экстравагантными способами. В августе 1931 года Матушка устроил взрыв на железнодорожном полотне, в результате чего сошел с рельсов поезд, направлявшийся в Берлин, и пострадали шестнадцать человек. Месяц спустя он повторил свое преступление, взорвав скорый поезд Будапешт — Вена и погубив двадцать два человека. Его схватили во время подготовки третьего взрыва и приговорили к пожизненному тюремному заключению.

Иногда Влад изменял своему обычаю и мстил обидчикам иначе. К примеру, группу недовольных крестьян он пригласил на праздник в один из своих домов, затем запер его и поджег. Как-то раз ему удалось подавить мятеж своих подданных, распусшив среди них слух о том, что собирается скормить тела заговорщиков крабам, которыми потом насильно угостит членов их семей. Кстати, позднее он претворил-таки эту угрозу в жизнь. Влад заставлял жен есть зажаренные тела своих мужей, а родителей съедать детей. Все его выходки были не просто следствием жестокого нрава. Тепеш был садистом, получавшим извращенное удовольствие от своих действий. Его привычка пить кровь своих жертв сделала его прототипом для создания образа графа Дракулы.

Страшный период правления Влада Протыкателя завершился в 1476 году, когда он был убит в бою с турками, однако ходили слухи, что смертельный удар ему нанес его же собственный лейтенант.

Жиль де Ре

Пока Влад Протыкатель завоевывал известность своей варварской жестокостью, его благородный современник на другом конце Европы завоевывал славу. Речь идет о Жиле де Ре, маршале

Франции, одном из богатейших и храбрейших дворян страны, высокообразованном, утонченном и набожном человеке. Славен он был прежде всего тем, что некогда сражался бок о бок с Жанной д'Арк. Однако жестокостью он, пожалуй, мог бы перещеголять самого Влада... потому что тайно пытал и убивал сотни детей, чтобы удовлетворить свою неумемную жажду крови.

Рожденный в 1404 году, де Ре в шестнадцать лет женился на девушке, равной себе по происхождению. Благодаря этому браку юноша стал хозяином обширных земельных угодий. Его личная церковь находилась под охраной тридцати пушек. Огромное богатство Жилья де Ре непомерно возвысило его в глазах двора, и ему была предложена должность маршала, чтобы он мог собственноручно возложить корону на голову короля Франции Карла VII. Блестящий военный с гордой осанкой и мужественным характером, он помог своей стране одержать победу над англичанами. Жиль де Ре был правой рукой Жанны д'Арк и имел личную свиту, состоявшую из двухсот рыцарей.

Однако у маршала де Ре был один страшный секрет. Пораженный современник написал, что «даже самое чудовищное воображение не могло бы выдумать такое».

На совести Жилья де Ре садистские пытки и убийства детей. Помешанный на кровопролитии, он приказывал своим слугам разрезать яремные вены юным жертвам так, чтобы их кровь попадала на него. Один из свидетелей утверждал, что видел, как маршал, сидя верхом на теле умирающего мальчика, пил его кровь.

Через десять лет после процесса над Жанной д'Арк, обвиненной в ереси, против Жилья де Ре было возбуждено аналогичное дело за нападение на священника. Благородный дворянин высокомерно опроверг этот факт и был обвинен в убийстве. Мар-

шалу инкриминировалось «еретичество, колдовство, скотоложество, заклинание злых духов, прорицание, убиение невинных, вероотступничество, идолопоклонство».

Церковь имела веские причины сфабриковать дело против де Ре. Его мирское влияние при дворе соперничало с ее собственным влиянием. К тому же, в случае признания де Ре виновным, церкви отходили все его земли. На подготовку процесса не жалели ни сил, ни средств. Слуг де Ре пытали до тех пор, пока не добились от них необходимых показаний против своего хозяина.

Самого Жилья де Ре, вероятнее всего, не подвергали допросу с пристрастием. Тем не менее, он с готовностью сознался в убийстве ста сорока детей и добавил, что на самом деле убил их гораздо больше — «по крайней мере восемьсот».

Обвиняемый сообщил суду причины, толкнувшие его на преступления. Одной из них он назвал влияние иллюстрированной книги Светония «Жизнь Цезарей» и в особенности подробное описание извращений безумного императора Калигулы. Второй причиной стали опыты итальянского алхимика Франсиско Прелати, который пытался доказать, что железо можно превратить в золото посредством жертвоприношений и ритуалов черной магии. Однако реальные причины, по которым Жиль де Ре совершал свои чудовищные преступления, на современном языке называются педофилией и сатанизмом.

Нетрудно догадаться, что де Ре признали виновным. Он публично раскаялся и попросил прощения у родителей погубленных им детей. Как и Жанну д'Арк, бывшего маршала приговорили к сожжению на костре, но в качестве акта «милосердия» за примерное поведение во время суда он был сперва задушен гарротой, а затем уже брошен в огонь. Это произошло 26 октября 1440 года.

Серийный убийца, которого полиции так и не удалось разыскать и чья леденящая кровь деятельность закончилась так же внезапно, как и началась, орудовал на улицах Кливленда, штат Огайо, в период между 1935 и 1938 годами. Известный под именем Сумасшедшего мясника с Кингсберира, он убил более дюжины мужчин и женщин. Тела своих жертв, в основном празднующихся бродяг, он изрубал на мелкие куски и складывал в аккуратные кучки на аллеях и лужайках города. Головы убитых, как правило, отсутствовали, и найти их удавалось крайне редко. Личность таинственного маньяка осталась неустановленной.

Семья Бин: вурдалаки из Галловея

Люди-монстры, вампиры и каннибалы, конечно же, отвратительны, но, к счастью, встречаются крайне редко. Тем не менее, истории известен один случай, когда подобные существа не только действовали сообща, но составляли целый клан. Это была знаменитая шотландская семья Бин, состоявшая из супругов, восьмерых сыновей, шестерых дочерей, восемнадцати внуков и четырнадцати внучек.

Сони (более известный как Сэнди) Бин был непутевым сыном землекопа, появившимся на свет в конце четырнадцатого века недалеко от Эдинбурга. Он всегда был паршивой овцой в своем родном городе, и в конце концов жители потребовали, чтобы молодой человек уехал. Вместе с юной любовницей Сони бежал на суровое западное побережье Шотландии. Поселившись в пещере, они принялись рожать детей, красть чужой скот и обворовывать путешественников.

Их обиталище давало им надежное убежище, потому что никто, кроме членов семьи, не знал его точного местоположения. К тому же попасть в пещеру можно было только во время отлива. К 1435 году в результате кровосмесительных связей семья Бин увеличилась до сорока восьми человек, и официальные власти вынуждены были принимать какие-то меры.

Многочисленное семейство успешно промышляло по всему Галловейскому тракту. Их добычей становились не только деньги, имущество и ездовые животные неосторожных путешественников... но также их жизни и тела. Бины обратились к канибализму как к самому легкому и естественному способу избавиться от трупов своих жертв и в то же время накормить большую семью.

Король Шотландии Яков I издал указ покончить с бичом Галловей и лично занялся подготовкой операции по очистке побережья. В результате первого же рейда его карательного отряда банда Бинов попала с поличным во время нападения на путешествующих супругов. Однако военные спугнули злодеев, которые пустились бежать, бросив на дороге растерзанное тело женщины.

Пустив по их следу собак, люди короля обнаружили логово Бинов. Вид, открывшийся их глазам, оказался еще ужаснее, чем они предполагали. Огромная пещера была забита тюками с ворованной одеждой, седлами, едой, ценностями, костями животных и человеческими трупами — мужскими и женскими, сушеными и копчеными, солеными и маринованными. Они свисали с потолка — некоторые выпотрошенные, другие еще целые.

Все сорок восемь Бинов были арестованы и доставлены в Лейт, где после суда мужчинам отрубили руки, ноги и половые органы и оставили умирать, истекая кровью, а женщин сожгли живьем. Таким варварским способом шотландцы отомстили за гибель дюжин, а то и сотен ни в чем не повинных людей, попавших на стол Сэнди Бина и его одичавшего семейства.

Кюртен и Хаарман: немецкие «вампиры»-убийцы

При слове «вампир» в воображении, как правило, встает черный холодный замок, окруженный дремучим лесом. Однако один из наиболее зна-

менитых вампиров в истории не имел ничего общего с древними мистическими легендами. Антуражем для его страшных преступлений служили урбанистические пейзажи Германии двадцатого века. Речь идет о Петере Кюртене по кличке Дюссельдорфский Вампир.

Кюртен был бессердечным садистом с раннего детства. В девятилетнем возрасте он уже подрабатывал на живодерне в своем родном городе Колонь-Мулхайме. Паренек любил мучить пойманных бродячих животных, сперва только собак, затем свиней, овец и коз. Вид крови оказывал на него гипнотическое действие, и ничего ему не нравилось больше, чем отрубить голову лебедю или гусю и жадно всасывать брызнувшую кровь. Постепенно Кюртен переключился с животных на людей.

Еще ребенком он утопил двух своих товарищей во время купания в Рейне, однако эти смерти оказались слишком обыденными. Став постарше, Петер искал острых ощущений, воруя, обманывая, организуя поджоги, избивая проституток, но ни одно из этих занятий не доставляло ему полноценного удовольствия. В конце концов он пришел к выводу, что ему необходимо осуществить настоящее преступление — преднамеренное убийство.

Как ни странно, его первая попытка окончилась неудачей. Кюртен напал на девушку в парке и, надругавшись, бросил, сочтя мертвой. Однако через некоторое время его жертва очнулась и кое-как уползла прочь. Жгучий стыд помешал ей тогда сообщить о случившемся в полицию.

К несчастью, вторая попытка Петра Кюртена увенчалась успехом. На этот раз его жертвой стала восьмилетняя девочка, которую он задушил и изнасиловал, прежде чем перерезать ей горло. Это убийство произошло в 1913 году, однако должно было пройти целых семнадцать лет, прежде чем страшная история открылась... рассказанная самим Кюртеном во время суда над ним.

«Я воровал тогда, — бесстрастно заявил обвиняемый судьям. — Главным образом обчищал бары и таверны, хозяева которых жили на верхних этажах. Однажды в комнате над баром в Колонь-Мулхайме я обнаружил спящего ребенка. Я схватил девочку за голову и душил примерно полторы минуты. Она проснулась и стала отбиваться, но скоро потеряла сознание. У меня был с собой маленький острый складной нож. Я запрокинул ребенку голову и перерезал горло. Я услышал, как кровь хлынула наружу и полилась на пол. Вся процедура заняла около трех минут, потом я запер дверь и отправился к себе домой в Дюссельдорф».

На следующий день Кюртен вернулся на место преступления, в тот самый бар, где накануне убил девочку, и расположился за стойкой. «Люди вокруг только об этом и говорили, — вспоминал он. — Мне было очень приятно».

Преступление Кюртена имело трагическое продолжение, о котором ему наверняка было известно. Дядя зарезанной девочки оказался главным подозреваемым по этому делу. Вскоре его арестовали и судили. Суд оправдал несчастного, но не смыл до конца пятна позора с его имени, и два года спустя ни в чем не повинный человек преждевременно скончался.

А Петер Кюртен тем временем был призван в армию в 1914 году, но дезертировал всего через несколько дней и большую часть первой мировой войны провел в тюрьме. Освободившись, он снова преступил закон и очень скоро вернулся за решетку, обвиненный в мошенничестве. В 1921 году Кюртен во второй раз вышел из тюрьмы и на этот раз предпринял решительные усилия вернуть себе уважение общества. Он женился на бывшей проститутке, поступил работать на фабрику, стал хорошо одеваться, говорить учтиво и вскоре приобрел расположение соседей.

Однако в 1925 году в его душе снова проснулся задремавший было демон. Кюртен стал нанимать

проституток и избивать их до полусмерти, нападать на посторонних людей на улице, ради того чтобы насладиться видом их крови.

В 1929 году поведение Кюртена вновь стало полностью неконтролируемым. Он пристал к двум сестрам, возвращавшимся домой с ярмарки. Старшей было четырнадцать, а младшей пять. Кюртен задушил обеих и перерезал им горло. Двадцать четыре часа спустя он набросился на молоденькую домработницу и принялся колоть ее ножом в спину до тех пор, пока не сломалось лезвие. Крики девушки привлекли внимание прохожих, которые подоспели вовремя и спасли ей жизнь. Но преступнику удалось скрыться.

Дюссельдорф охватила паника. В полиции скопилось пятьдесят дел о нападениях, которые, судя по почерку, совершил один и тот же человек, получивший к тому времени кличку Вампир. Он не оставлял никаких улик, ни одна ниточка не связывала жертвы с хладнокровным, расчетливым убийцей.

В 1930 году случай привел полицию буквально к самым дверям Кюртена. Случилось это так. К молодой провинциальной девушке, едва сошедшей с поезда на одном из вокзалов Дюссельдорфа, пристал назойливый незнакомец, предлагавший отвезти ее в дешевый отель. В тот момент когда домогательства невежды стали слишком настойчивыми, на помощь девушке пришел другой мужчина. Прогнав навязчивого незнакомца, «спаситель» представился Петером Кюртеном и пригласил девушку отдохнуть, прийти в себя и пообедать в его доме. После обеда они отправились прогуляться в парк Графенбург, где Кюртен напал на свою спутницу. Девушка уже теряла сознание, когда маньяк совершил то, чего ни разу не делал прежде... он позволил своей жертве уйти, взяв с нее слово, что она не скажет, где он живет. Кюртен проводил девушку на центральную улицу города и ушел, надеясь на ее слово.

Трудно в это поверить, но чудом уцелевшая де-

вушка не пошла в полицию. Возможно, ей помешал стыд. Дюссельдорфский Вампир снова мог ускользнуть от закона. Этого не случилось только благодаря удивительному стечению обстоятельств.

Пока Фритц Хаарман резал добропорядочных жителей Ганновера, другой немец, хозяин меблированных комнат в Мунстерберге, в Силезии, убивал уличных бродяг. Каннибал Карл Денке избавился от дюжины мужских и женских трупов, засолив их впрок, чтобы съесть позже. Денке, казавшийся окружающим глубоко религиозным человеком и много лет игравший на органе в местной церкви, повесился в тюрьме в ожидании суда.

Пострадавшая девушка написала о случившемся с ней одной из своих подруг, но неправильно указала адрес. Почтовый служащий вскрыл письмо, чтобы найти адрес отправителя и, не в силах побороть любопытства, прочитал его. Узнав рассказанную в нем историю, почтальон немедленно обратился в полицию.

Полицейские детективы разыскали девушку, написавшую письмо, и заставили ее вспомнить дорогу к дому Кюртена. Однако Кюртен заметил их первым и скрылся в лабиринте переулков. Находясь в розыске, убийца вернулся к жене, работавшей в ресторане, и за двойной порцией ленча между делом признался ей в своих преступлениях. Потрясенная женщина условилась с ним о следующей тайной встрече, но вместо этого отправилась в полицию. Таким образом, на randevу с Кюртеном вместо его жены явились дюжие полицейские.

В суде сорокасемилетний Кюртен был, как обычно, хладнокровен. Судью и присяжных потрясло то спокойствие и цинизм, с которыми подсудимый излагал тошнотворные детали своих многочисленных преступлений. Он долго рассказывал, как он душил, резал, забивал до смерти невинных людей, как затем пил кровь из их перерезанных артерий.

Его собственные адвокаты назвали своего подзащитного «королем сексуальных преступников; существом, объединившим в себе все известные виды извращений, убивавшим мужчин, женщин, детей, животных — всех, кто подворачивался ему под руку». Они подали прошение признать Кюртена невменяемым, однако их просьбу отклонили.

Кюртен был приговорен к смерти на гильотине. Утром в день казни 1 июля 1932 года Кюртен плотно позавтракал и рассказал тюремному доктору о своей последней надежде... пережить «высшее наслаждение, которое затмит собой все остальные». «Когда мне отсекут голову, — сказал Кюртен, — я смогу услышать, пускай лишь на какое-то мгновение, как моя собственная кровь хлынет из обезглавленной шеи».

Благодаря невероятному совпадению два убийцы-«вампира» появились в одной и той же стране в одно и то же время. Когда Дюссельдорфский Вампир Петер Кюртен еще только начинал свой смертоносный путь к славе, дни его коллеги в Ганновере подходили к концу. Его звали Фритц Хаарман.

В конце первой мировой войны тридцатидевятилетний Хаарман вышел из тюрьмы, где отбывал срок за воровство. Возвратившись в свой родной город Ганновер, он попытался сколотить себе капитал в хаосе, охватившем послевоенную Германию. Хаарман занялся поставками мяса, продуктов и подержанной одежды в бедные районы города. Ему удалось быстро преуспеть благодаря простому и дешевому способу получения исходного продукта... убийству мальчиков и молодых мужчин.

Вечера и ночи Хаарман проводил, прочесывая железнодорожные станции и темные аллеи Ганновера в поисках бродяг, вынужденных ночевать под открытым небом. Бездомным и безработным он предлагал бесплатную еду, ночлег и компанию. Доверчивые люди, соблазненные такой щедростью,

подвергались сексуальному насилию и зачастую погибали. Их тела Хаарман разделявал, одежду продавал, а плоть превращал в начинку для своих аппетитных пирожков.

Способ, которым убивал Хаарман, наградил его кличкой Ганноверский Вампир. Он прокусывал своим жертвам горло.

Трудно поверить, но представители полиции, которые, вне всякого сомнения, должны были подзревать об извращениях Хаармана, не только закрывали на это глаза, но даже поощряли его. Хаарман стал полицейским информатором, сообщавшим о приметах подозрительных людей, приезжавших в город, о планирующихся преступлениях и складах краденого. Отношения между Хаарманом и полицией стали настолько тесными, что, когда в 1918 году пропал семнадцатилетний мальчик, которого прежде замечали в его компании, обыск в квартире предполагаемого убийцы был проведен поверхностно, буквально ради галочки. Позднее на суде Хаарман заявил: «Когда полиция обыскивала мою комнату, голова мальчика лежала за плитой, завернутая в газету».

На следующий год у Хаармана появился сообщник, усовершенствованный «производственный процесс» на его мясном комбинате. Этого человека звали Ханс Ганс. Ему было всего лишь двадцать, но в душе его уже не существовало места для милосердия. В обязанности Ханса входило подготовить жертвы для экзекуции. Вдвоем они превратили уничтожение мальчиков и молодых людей в настоящий конвейер.

Вскоре Ганновер приобрел репутацию города, в котором люди запросто исчезали среди бела дня, а полиция была бессильна что-либо сделать. На самом деле полиция могла бы вмешаться и спасти многие жизни, однако информация Хаармана оказывалась настолько полезной, что полицейские предпочитали его не трогать. Они закрывали глаза на сообщения об исчезновении мальчиков в кварти-

ре Хаармана, о ведрах с кровью и окровавленной одежде, выносившейся из этой квартиры, о подозрительном мясе, которое хозяин выдавал за свинину.

В конце концов на берегу реки Ляйн были обнаружены два черепа, один из которых принадлежал подростку. Эта находка заставила-таки полицию действовать. Они обыскали прибрежный район и нашли останки других людей. Мальчики, игравшие поблизости, наткнулись на сумку с человеческими органами. Со дна реки подняли кости по меньшей мере пятисот человек. В конце концов полицией был выдан ордер на повторный обыск забрызганных кровью квартир и производственных помещений, принадлежавших Хаарману.

В декабре 1924 года Хаарман и Ганс предстали перед судом. «Сколько человек вы убили?» — задал вопрос прокурор. «Может быть тридцать, может быть, сорок, — отвечал Хаарман, — я не помню точно». На вопрос о том, каким способом они были убиты, подсудимый ответил бесстрастно: «Я прокусывал им горло».

Ханс Ганс получил пожизненный срок, из которого провел в тюрьме только двенадцать лет, а Гановерский Вампир, — как нетрудно предположить, — был приговорен к смертной казни. Медицинская комиссия признала его полностью вменяемым и ответственным за совершенные кровавые преступления. Перед смертью Хаарман заявил: «Я пойду на казнь, как на свадьбу».

Герман Маджетт и чикагский «Замок пыток»

Если бы существовала сравнительная таблица серийных убийц, то имя Германа Уэбстера Маджетта заняло бы в ней одну из первых строк. На его совести более двухсот трупов, преимущественно

молодых женщин. Убийца получал острое наслаждение, вонзая нож в их нежные тела.

Маджетт начал свои отвратительные эксперименты, будучи студентом американской медицинской школы Энн Арбор. Он специализировался на кислотных ожогах. Пользуясь студенческим пропуском, он воровал трупы, до неузнаваемости изменял их лица, а затем требовал выплаты страховки, которую заранее оформлял на вымышленное имя. Несколько раз подобные номера сходили Маджетту с рук, но однажды ночной сторож заметил, как он вытаскивает из морга труп женщины, и напуганному студенту пришлось бежать.

Через несколько лет Маджетт появился в Чикаго. Под именем «доктора Холмса» он возглавил крупную аптеку. Предприятие процветало, и 1880 году Маджетт смог купить участок земли, на котором начал возводить грандиозное здание.

Постройку трудно было бы назвать обыкновенным домом. Сверху донизу ее пронизывали секретные ходы, всевозможные ловушки, замысловатые спускные желоба и мрачные застенки. Истинное назначение этого сооружения, названного позднее Замком пыток, Маджетту удалось сохранить втайне благодаря оригинальной системе строительства. Он разделил работу на большое количество непродолжительных этапов, и каждый из них поручил разным подрядчикам.

Здание было завершено ко дню открытия гигантской Чикагской выставки 1893 года, благодаря которой город наводнили гости со всех концов Соединенных Штатов. Многим из них суждено было стать жертвами Маджетта. Он заманивал в свой «замок» девушек и молодых женщин и пытался совратить их, прежде чем начать мучить. После этого он заталкивал несчастных в спусковые желоба и переправлял вниз в герметичную смертную камеру с одной прозрачной стеной, наполнявшуюся затем удушающим газом.

Далее тела погибших женщин спускались по

желобам в подвальное помещение, где стояли огромные чаны с кислотой и прозекторский стол.

Здесь Маджетт препарировал трупы, удаляя органы, которые ему больше нравились. Остальное отправлялось в чаны.

Позднее Маджетт признался, что уничтожил таким образом двести женщин в течение одной только Чикагской выставки. Кровавые оргии доктора могли бы продолжаться гораздо дольше, если бы не его непомерная алчность. Убив двух сестер из Техаса, Маджетт не стал, как обычно, избавляться от трупов. Вместо этого он устроил в доме пожар, намереваясь получить страховку и улизнуть из города.

Страховая компания отказалась платить, и полиция начала расследование по делу о пожаре. Как ни странно, полицейским не удалось обнаружить ничего компрометирующего, но убийца этого не знал, потому что бежал еще до окончания расследования.

Маджетт отправился в Техас, разыскал родственников убитых им сестер и постарался втереться к ним в доверие, рассчитывая обманом выманить не менее шестидесяти тысяч долларов. Однако родственники оказались слишком подозрительны, и Маджетт сбежал на краденой лошади. Полиция арестовала его в Миссури, где он пытался совершить мошенническую сделку под именем Г. М. Ховарда. Неутомимый маньяк подкупил адвоката и сбежал.

Его след появился в Филадельфии. Там Маджетт нашел сообщника, который осуществлял махинации со страховыми фондами, получая деньги за убитых доктором людей. Он-то и послужил наводкой для полиции в 1894 году. Маджетт убил его и бежал в Торонто вместе с его женой и тремя детьми. Трупы детей позже были обнаружены в подвалах двух домов, снятых Маджеттом.

В конце концов преступный доктор все-таки предстал перед судом, но отнюдь не за свои много-

численные убийства, а за банальную кражу лошади, считавшуюся в те времена в Техасе серьезным правонарушением. Детективы вышли на него через престарелую мать Маджетта. Старушка с радостью сообщила полиции местонахождение сына, которым она очень гордилась.

Маньяк был арестован в Бостоне вместе с любовницей и обвинен в воровстве и мошенничестве. Только после этого чикагские полицейские догадались повторно обыскать полусгоревший Замок пыток и на этот раз обнаружили там скудные останки более чем двухсот человек. Маджетт сознался в убийстве всех этих людей и был повешен 7 мая 1896 года.

Маркиз де Сад

Когда полиция обыскала дом Мурских Убийц Йана Брэди и Майры Хиндли в 1965 году, то, помимо останков одной из жертв, они нашли книги, принадлежавшие перу маркиза де Сада. Эти книги наряду с «Майн Кампф» Адольфа Гитлера убийцы читали как Библию. Философия Гитлера посвящена политике, теория де Сада — человеческой сексуальности, но обе опасны в равной степени, потому что способны превращать обыкновенных мужчин и женщин в монстров.

Свои разрушительные взгляды на жизнь, мораль и сексуальность маркиз де Сад запечатлел в книгах «Жюстина», «Жюльетта», «Философия в будуаре» и «120 дней Содома». В них со вкусом рассказаны истории о сексуальных отклонениях.

Человек, давший миру слово «садизм», родился в 1740 году 2 июня в Париже и был наречен Донатъеном Альфонсом Франсуа де Садом. Родственные узы связывали его семью с королевским домом Конде. Его отец был придворным дипломатом, а мать фрейлиной принцессы Конде. Воспитанный дядей, аббатом де Сад де Эблей, мальчик вырос

донельзя испорченным. К восемнадцати годам он уже успел испытать все известные доселе виды сексуальных утех, но по-прежнему ощущал себя неудовлетворенным. Тогда его чересчур богатое воображение стало изобретать новые, страшные виды извращений, дававшие пищу для фантазии. Краеугольным камнем его философии стало утверждение, что самое большое сексуальное удовольствие заключается в жестокости.

Вскоре де Сад был призван на военную службу и принял участие в Семилетней войне. В 1763 году он вышел в отставку и женился на дочери судьи. Однако всего через месяц после свадьбы он завел любовную интрижку с актрисой Ля Бовуазэн и стал приглашать домой проституток. Там, под крышей его семейного гнезда в Арсей, де Сад принялся претворять в жизнь разработанную им теорию. Как ни странно, многие женщины охотно становились жертвами жестокости маркиза. Но тем не менее, некоторых возмутило его неприкрытое сексуальное насилие, и де Сада заключили в венсенскую тюрьму.

Через несколько недель он был освобожден и несмотря на то, что стал к тому времени отцом трех детей, которых родила маркизу страдалица-жена, снова взялся за старое. На этот раз его деятельность вызвала общенациональный скандал. В 1768 году де Сад нанял в Париже проститутку Роз Келлер, заперся с ней и замучил девушку до такой степени, что та обратилась к властям. Маркиз вновь оказался в тюрьме, на этот раз в Лионе.

Вероятно, благодаря семейным связям его снова отпустили досрочно, и в 1772 году злосчастный маркиз перебрался в Марсель. Здесь, в оживленном портовом городе, верный слуга Лятур находил для своего господина проституток, готовых к нетрадиционному сексу. Однако эксперименты маркиза снова вышли ему боком. Он кормил девушек засахаренными фруктами с добавлением различных

возбуждающих средств. На следующий день некоторые гости страдали расстройством желудка и заявили полиции, что их отравили. Де Сад и Лятур были вынуждены бежать.

Между тем в Эксе обоих заочно приговорили к смерти. Их изображения подверглись символической казни. В конце концов беглецов удалось заточить в крепость Миолан. Оттуда де Сад с легкостью ускользнул и укрылся в своем фамильном замке вместе с женой, которая к тому времени успела разориться и, ко всему прочему, стала последовательницей теории мужа. Вскоре супруги погрязли в долгах, и новых проблем с властями было уже не избежать. После очередной скандальной оргии с участием несовершеннолетних мальчиков оба сбежали в очередной раз.

Маркиза де Сад нашла убежище в монастыре, а муж ее отправился в Италию со своей новой любовницей, родной сестрой жены, канониссой из Лоне. Год спустя они предприняли безрассудный рискованный шаг, вернувшись во Францию, и в Париже де Сад был снова арестован. Его бросили в венсенскую тюрьму, а затем перевели в знаменитую Бастилию. Там маркиз немало пострадал от грубого обращения тюремщиков и от рук своих сокамерников. Ему пришлось испытать на себе жестокость, которую он проповедовал всю жизнь.

Тем не менее, насильственная изоляция подвигла маркиза взяться за перо и изложить свою теорию на бумаге. Согласно его воззрениям, в мире не существует иного бога, кроме природы, а природа не только создает красоту, но и разрушает ее посредством землетрясений, бурь, пожаров и наводнений. Таким образом, по мнению де Сада, человеку предначертано жить параллельно с природой, следовать той же модели и не подавлять в себе разрушительные импульсы. Поистине «гармоничный» человек должен уподобиться зверю.

Возвышенное философствование маркиза де Сада служило всего лишь прикрытием его извращенных

идей, ясно читавшихся в книге, изящно озаглавленной «120 дней Содома». Это произведение он написал в Бастилии на одном-единственном рулоне бумаги длиной 12 метров.

Бывший монах Жозеф Вашер попал в психиатрическую лечебницу в 1893 году. Через год двадцатипятилетнего пациента отпустили, сочтя излечившимся. Вскоре Францию потрясли сообщения о серии убийств, совершенных с беспрецедентной жестокостью на юго-востоке страны. Переезжая из города в город, Вашер убил и выпотрошил одиннадцать человек, пятеро из которых были маленькими мальчиками. В 1897 году Французского Потрошителя арестовали за нападение на женщину и посадили в тюрьму на три месяца. Находясь за решеткой, он написал властям письмо, в котором сознался во всех своих преступлениях, и попросился обратно в психиатрическую лечебницу. Судья принял его признание к сведению, но отказался рассматривать Вашера как душевнобольного, и в 1898 году он был казнен.

Вероятно, маркиз де Сад так и провел бы в Бастилии весь остаток жизни, если бы не удивительный поворот судьбы. Францию охватила революция, и 14 июля 1789 года восставшие парижане захватили неприступную цитадель, оплот королевской власти. Де Сад оказался на свободе.

Невзирая на свое аристократическое происхождение, он стал «гражданином Садом» и возглавил один из основных революционных комитетов. Таким образом бывший маркиз сумел спасти от гильотины своего тестя, но сам чуть было не очутился на эшафоте. Как ни странно, «гражданин Сад» начал осуждать необузданную жестокость новых руководителей Франции, вследствие чего был обвинен в «умеренности» и приговорен к смерти. По счастливой случайности, в день казни тюремщики пропустили его имя в списке смертников. На следующий день Робеспьер, кровожадный глава революционного Конвента, был свергнут, и де Сад снова избежал печального конца.

После революции прародитель садизма поселился в Париже вместе с молодой овдовевшей актрисой Констанс Квесне. Их совместная жизнь протекала в ужасающей бедности. В эти годы де Сад написал книги «Жюстина» и «Жюльетта», которым суждено было навсегда лишить своего автора свободы. В 1801 году де Сад был признан душевнобольным и помещен в психиатрическую лечебницу Шарентон. Сам Наполеон Бонапарт распорядился содержать его там пожизненно.

Преданная Констанс регулярно навещала своего бывшего любовника. Де Сад продолжал писать книги и пьесы, которые ставились и игрались в театре при лечебнице с пациентами. 2 декабря 1814 года маркиз де Сад умер. Спустя некоторое время его сын побывал в Шарентоне, забрал все труды отца, созданные за тринадцать лет, и предал их огню.

За девять лет до смерти де Сад написал завещание, согласно которому его тело должно было быть похоронено в одной из рощ фамильного поместья, а могила засеяна желудями, чтобы по прошествии некоторого времени никто уже не смог точно определить ее местонахождение. «Следы моей могилы должны исчезнуть с лица земли так же, как, льщу себя надеждой, исчезнут из памяти людей воспоминания обо мне». Волю маркиза полностью проигнорировали. Атеист де Сад был похоронен по христианскому обычаю, и на его могиле родственники установили массивный каменный крест. Вскоре неизвестные злоумышленники разрыли могилу и похитили тело. Позднее череп маркиза перешел в собственность известного френолога, который, изучив творения де Сада, заключил, что это был человек «с ранимой душой, любивший детей».

Вклад маркиза де Сада в мировую литературу весьма невелик. Его труды имели куда большее значение для мировой преступности. Семена болезненной философии этого человека дали обильные всходы в умах многих злодеев и безумцев последующих поколений, начиная с девятнадцатого века и

вплоть до наших дней. Не совершив ни одного преступления самолично, он косвенно ответственен за великое множество актов насилия и варварских убийств. Вопреки его желанию, воспоминания о нем не стерлись из памяти людей. Напротив, имя маркиза де Сада осталось в веках, сделавшись синонимом зла и насилия.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая ТИРАНЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА	5
Глава вторая БЕЗЖАЛОСТНЫЕ ДЕСПОТЫ	51
Глава третья ВО ИМЯ БОГА, КОРОЛЯ И ОТЕЧЕСТВА	81
Глава четвертая НАЦИСТЫ	133
Глава пятая ЗЛО — ЭТО БОЛЬШОЙ БИЗНЕС	168
Глава шестая ЖАЖДА КРОВИ	222

Литературно-художественное издание

ВЕЛИЧАЙШИЕ В МИРЕ ЗЛОДЕИ

Главный редактор *Л. Михайлова*

Редактор *Н. Соломатина*

Обложка художника *В. Осипяна*

Корректоры *Т. Нарышкина, Л. Айдарбекова*

Технический редактор *Т. Кулагина*

Компьютерная верстка *Е. Казанцевой*

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.03.97

Формат 84x108¹/₃₂. Печать высокая.

Бумага газетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 13,44. Тираж 15 000 экз.

Заказ 263.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54.

По вопросам реализации обращаться по адресу:
127254, Москва, Огородный проезд, д. 6.
Телефоны: 218-30-03, 219-82-14

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:
Москва, ул. Новослободская, 18.
Телефон 972-14-23.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
44003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Б. ДЖОНС
Н. БЛЭНДФОРД

ВЕЛИЧАЙШИЕ В МИРЕ ЗЛОДЕИ

Адольф Гитлер, Пол Пот, Иосиф Сталин,
Ал Капоне, Иди Амин, близнецы Крей,
маркиз де Сад, Атилла, Чингисхан,
Иван Грозный, Нерон, Калигула —
эти имена вызывают страх и недоумение,
интерес и гнев, их злодеяния заставляют еще
и еще раз задуматься — что же такое
человеческая личность?

50216

18-00